РУССКАЯ ШКОЛА

за рубежом

105004/3

Книга 28

1927-28

ПРАГА

Издание Объединения Земских и Городских
Деятелей в Чехословакии

СОДЕРЖАНИЕ № 28 (4):

Проф. С. И. ГЕССЕН и Н. Ф. НОВОЖИЛОВ: Десять лет советской школы 473
Старый педагог: Национальная традиция и школа 521
ЕВГЕНИЙ ЕЛАЧИЧ: Стихотворный конкурс учащихся 525
Н. А. ГАНЦ: Народное образование в Австралазии 537
Проф. А. К. ЕЛАЧИЧ: Сербская Матица (к 100-летию ее основания . 551
А. ТЫМИНСКИЙ: Русская школа в Литве 556

Библиография:

Общая педагогика, организация народного образования, справочные издания:
Н. НОВОЖИЛОВ: Литература по планированию нар. образования. — *Дм. ЧИЖЕВСКИЙ:* Луначарский, А. В. Кино на Западе и у нас. Грайнин, И. Л. Кино на культурном фронте. — *Он-же:* Кильпатрик, В. Основы метода. — *Проф. С. И. ГЕССЕН:* Educational Yearbook of the International Institute of Teachers College, Columbia University. — *Проф. А. В. МАКЛЕЦОВ:* Aichorn, Aug. Verwahrloste Jugend. — *Д. Ч.:* Akademische Ferienkurse in Europa 568

Методики и учебники:

Проф. А. А. КИЗЕВЕТТЕР: Хмелев, А. Крестьянская реформа 1861 г. — *Е. Р.:* Мичурин, А. П. Северная Маньчжурия. — *Проф. Н. М. МОГИЛЯНСКИЙ:* Соколов, С. Н. и Чефранов, С. В. Северо-Западная область. — *Он-же:* Портенко, А. А. Днепр и Приднепровье. — *Е. Л. БУНИЦКИЙ:* Чайкин, Вл. В стране волшебной сказки. — *Н. Н.:* Селунский, А. Веселый букварь 580

Педагогические журналы:

Проф. С. И. ГЕССЕН: The World Association for Adult Education. — *В. БУЛАВСКИЙ:* Przegląd Pedagogiczny. — *Н. НОВОЖИЛОВ:* Вестник союза русских просвет. и благотв. обществ в Эстонии . . 584

Детская литература:

Н. Н.: Детская литература в РСФСР за 1927 г. — *КОМИССИЯ ПО ДЕТСКОМУ ЧТЕНИЮ:* Рецензии на книги для детей и юношества. 592

Съезды и конференции:

Н. Н.: 1-ый русский зарубежный съезд по внешкольному образованию. — Союз русских учителей в Печорах. — Съезд учителей балтийских государств в Ревеле. — Районный съезд польского учительского союза. — Съезд немецкого учительского союза. — 4-ый международный конгресс по вопросам культурного сотрудничества 598

Хроника:

Советская Россия. Иностранная хроника. Зарубежная хроника . . . 607
Книги, поступившие в редакцию. Объявления (на обложке).

SOMMAIRE:

S. Hessen, prof. et *N. Novožilov:* Dix ans d'école soviétique. — *Un vieux Pédagogue:* La tradition nationale et l'école. — *E. Jelačič:* Un concours de poètes-écoliers. — *N. Hans:* Instruction publique en Australasie. — A. *Jelačič,* prof.: Le Centenaire de la Matica serbe. — *A. Tyminski:* École russe en Lituanie. — Bibliographie. — Congrès et conférences. — Chronique.

АДРЕС РЕДАКЦИЙ:

Чехословакия: — Praha II, Krakovská, 8; ***Польша:*** — prof. D. Sokolców. Warszawa, Panska ul. 45, 2; ***Франция:*** — V. V. Roudnev, Paris (17) 33, rue de Prony; ***Швейцария*** — prof. S. Karcevski, Genève, Université.

105004/3

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

под редакцией проф. С. И. Гессена, проф. С. И. Карцевского, Н. Ф. Новожилова, Ю. Д. Новоселова, В. В. Руднева и проф. Д. М. Сокольцова

Адрес редакции и конторы: Praha II., Krakovska ul. 8.

Год издания 5-й ПРАГА 1927-28 г. № 28

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

Десять лет советской школы

Предлагаемый очерк школы в пореволюционной России — ее эволюции и современного состояния — не преследует ни апологетических, ни полемических целей. Сейчас, когда исполнилось уже десять лет существования советской школы, пора, наконец, отнестись к ней со всевозможной объективностью, как к факту жизни, в котором добро и зло по необходимости перемешаны друг с другом. С этой именно целью дальнейшее изложение будет основано на материале, заимствованном исключительно из советских источников и носящем постольку аутентический характер. Неправильно думать, что советская пресса, будучи исключительно прессой правительственной, изображает действительность в одном только розовом цвете. В настоящее время это можно сказать еще разве только о литературе, предназначенной для иностранного читателя и преследующей прежде всего агитационные цели. Внутри же страны пресса давно уже должна была перейти к исполнению своей подлинной обязанности — освещению действительности, которая хотя и искажается отошедшей на второй план агитационной функцией, но все же—худо ли, хорошо ли—выполняется ею. Как всякая великая область культуры, пресса имеет свою внутреннюю логику, которая с течением времени прорывает все связывающие ее путы, даже путы диктатуры и монополии, и не позволяет ей долее скрывать истину.

I. Первая (анархо-коммунистическая) фаза советской педагогики. — Утопия и действительность.

Соответственно общему развитию советской власти, и в развитии её школьной политики ясно намечаются два периода, отмечаемые и самими идеологами коммунистической педагогики. Первый период можно назвать анархо-коммунистическим. Духовная атмосфера, его питавшая, была атмосферой ожидания быстрого наступления коммунистического строя. Отменяющий раз навсегда все классовые различия, а вместе с ним и орудия классового господства — государство и право, строй этот представлялся правоверным марк-

систам, как осуществление анархического идеала не связанной никаким принуждением и свободно развивающей все свои задатки человеческой личности. Строение новой «единой и трудовой» школы должно было отвечать именно этому чисто анархическому идеалу, тождество которого с коммунистическим обществом было, как раз в самом начале революции, резко подчеркнуто самим Лениным в его книге «Государство и Революция». Это понимание новой школы нашло свое выражение в декретах 1918 года и в официальной педагогической литературе первого периода (1918—1921 гг.). Оно соблазнило, как в столицах, так и в провинции, из среды учительства целую рать своеобразных «попутчиков»: мечтателей-прожектёров, непризнанных новаторов, приверженцев радикальных теорий свободного воспитания, вплоть до бывших толстовцев и т. п., которые, не будучи ни коммунистами, ни марксистами, часто искренне думали, что пришел час осуществления на деле самых радикальных педагогических теорий в атмосфере реальной, а не мнимой свободы и подлинной демократии. Действительно, в «основных принципах единой трудовой школы» 1918 года это умонастроение резко выражено. «Высшей ценностью в социалистической культуре останется личность. Но эта личность может развернуть со всей возможной роскошью свои задатки только в гармоническом и солидарном обществе равных». «Мы не забываем прав личности на своеобразное развитие. Нам незачем урезывать ее, обманывать и отливать в насильственные формы». Трудовая школа означает поэтому прежде всего школу активную: «Ребенок жаждет подвижности, его держат в неподвижном состоянии. Он с чрезвычайной легкостью усваивает знания, когда они передаются ему в веселой активной форме игры или труда, которые при умелой обстановке совпадают, — а его учили на слух и по книге. Дитя гордится приобретением всякого практического умения, а ему их не давали вовсе. С этой точки зрения трудовой принцип сводится к активному подвижному творческому знакомству с миром». Но социалистическое общество есть «единая фабрика», в которой эксплоатация человека человеком заменена эксплоатацией объединенным человечеством земного шара. Школа поэтому должна воспитать этого будущего «властелина природы». «Цель трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другого ремесла, а политехническое образование, дающее детям на практике знакомство с методами важнейших форм труда, частью в учебной мастерской или на школьной ферме, частью на фабриках, заводах и т. п.». «Приближаясь к идеалу, школа должна передать ученику главные приемы труда в следующих областях: столярное и плотничное дело, токарное, резьба по дереву, формовка, ковка, отливка, токарная обработка металла, сплавление и спаивание металлов, закаливание, сверлильные работы, работы по коже, печатание и т. п. В деревне, разумеется, центром, вокруг которого

группируется преподавание, является столь разнообразное сельско-хозяйственное дело».

Этот «политехнический идеал» был теоретически обоснован П. Блонским в его не лишенной блеска утопии «Трудовая школа» и практически преподан столичными органами народного образования в виде примерных программ преподавания. Здесь не место подробно останавливаться на существе этих программ. Достаточно только отметить, что программы эти были именно примерные, а не обязательные. Считалось, что как каждый ученик развивает свою индивидуальность, так и каждая школа, пользуясь неограниченной автономией, создает свою программу, применительно к местным условиям в духе «политехнизма». «Школы 2-ой ступени могут быть очень разнообразны в отношении рода труда, положенного в основу изучения политехнической культуры. Усвоить ее и, в живой связи с нею, весь цикл естественных и общественных наук можно, исходя из всякого почти производства, ибо все они в настоящее время тесно переплетены. Текстильная фабрика, заводы металлургические и сахарные, древообделочная мастерская, мореходство, широкое сельское хозяйство, железные дороги и трамвай, почта и телеграф и т. д. — все может быть в отдельности положено в основу преподавания... Взяв местное производство за исходный пункт, надо не допускать все же превращения данной школы в своего рода специальное учебное заведение, а стремиться к тому, чтобы, опираясь на конкретные производства, дать знакомство с трудовой культурой современности в целом». Исходя из этого, «Положение о единой трудовой школе» 1918 г. и установило единый тип школы, делящейся на две ступени: первая, предшествуемая детским садом, — в пять лет, вторая в четыре года обучения. Задача каждой отдельной ступени состояла в том, чтобы этот единый и равный тип наполнить индивидуальным содержанием.

Совершенно в духе этого анархо-коммунистического «политехнизма» устанавливались в упомянутом Положении и прочие особенности нового школьного строя: всеобщность и обязательность обеих ступеней, составляющих в общем единое целое, задача которого — создать «политехнически развитую личность»; в связи с этим отмена каких бы то ни было прав и привилегий, предоставляемых образованием (в частности, поступление в университет и другие высшие школы было объявлено правом каждого, достигшего 16-летнего возраста, независимо от каких бы то ни было школьных свидетельств и удостоверений); бесплатность школы, учебных пособий и даже бесплатные горячие завтраки; совместное обучение, вытекающее из полного равноправия полов; секуляризация, вытекающая из полного равноправия вероисповеданий. Ст. 29-ая устанавливала далее полную автономию школы: верховная власть в ней вручалась «школьному коллективу», в который вхо-

дили все учащие и учащиеся, также как и служебный персонал школы; «коллектив» этот избирал органы управления — коллегиальный президиум и исполнительные комиссии; чисто учебная часть ведалась «школьным советом», в который должны были входить «школьные работники, представитель трудового населения, представитель учащихся и представитель отдела народного образования». Сама школа внутри себя должна была представлять не столько школу, сколько — «клуб» (В. Невский), «организацию детской жизни (С. Шацкий) с широким применением «студий» по отдельным предметам вместо «классов» (П. Блонский). Государство сохраняло за собой только самый общий контроль, предоставляя широкое поле для частной инициативы (ст. 11 «Положения»). В идеале считалось, что вместе с детским садом школа должна вполне заменить собою семью, и советская власть вменяла себе в обязанность постепенную замену школ «детскими домами», в которых все дети республики жили бы и учились на вполне общественных началах[1]).

Нужно ли доказывать, что вся эта радикально-утопическая программа так и не была никогда проведена в жизнь? В то время, как она считалась официально признанной программой, отсутствовали все необходимые для ее реализации предпосылки. Хозяйственная нужда эпохи «военного коммунизма» сделала бы невозможным осуществление и менее радикальных реформаторских предположений. Удалось фактически провести в жизнь только отрицательную сторону программы, как, например, отмена преподавания Закона Божьего, разделения полов, платы за обучение, старой школьной дисциплины. История и на этот раз воспользовалась утопией, как сильно действующим разрушительным веществом. Вся положительная часть программы, а именно ликвидация неграмотности, всеобщее и обязательное обучение, обеспечение учащихся учебными пособиями, питание учеников, создание новой, покоющейся на идее самоуправления дисциплины, выработка новых учебных программ, — все это осталось на бумаге и по ныне[2]). Когда же с новой экономиче-

[1]) Срв. «Основные принципы единой трудовой школы» и «Положение о единой трудовой школе». 1918.

[2]) Только что закончившийся VI-й съезд зав. отделами нар. образ. констатировал, «что имеющийся темп борьбы с неграмотностью совершенно неудовлетворителен, и достигаемые результаты не дают достаточной базы для культурной революции. Налицо, так сказать, стабилизация неграмотности. Такое положение мешает осуществлению заданий партии и правительства по социалистическому строительству вообще, по коллективизации сельского хозяйства в частности. Неграмотность бедняцких и батрацких масс деревни чрезвычайно затрудняет наступление на кулака, обычно более грамотного, дает ему возможность вести за собой неграмотную бедноту, искажать мероприятия правительства и вообще затрудняет задачу перестройки деревни в направлении социализма». («Еженедельник Наркомпроса РСФСР», 1928 г.; № 20—21, стр. 18 сл.).—Фактические данные о состоянии грамотности населения РСФСР см. № 27 «Русской школы за рубежом», стр. 444.

ской политикой наступило некоторое улучшение хозяйственного положения и, стало быть, открылась перспектива хотя бы постепенного и частичного осуществления провозглашенной идеальной программы, — в это время самая программа была уже оставлена господствующей партией, как несвоевременная и недостаточно коммунистическая. Читая официальную советскую педагогическую литературу, веришь с трудом, что еще недавно идеал «политехнически образованной личности» защищался теми самыми людьми, которые нынче относятся к нему, как к наивной сентиментальной утопии.

Только в немногих «опытно-показательных» школах сохранилось еще это первоначально-утопическое настроение. В некоторых из них оно принесло свои реальные плоды, чрезвычайно интересные для педагога-теоретика и свидетельствующие о том, к каким плодотворным результатам может привести подлинный педагогический энтузиазм, неомраченный политическими соображениями. Но, во-первых, этих школ во всем СССР очень мало[3]). К тому же они, в большинстве своем созданы не советской властью и руководятся не коммунистами, а старыми заслуженными педагогами, идеи которых сложились задолго до революции в атмосфере русской педагогической школы «свободного воспитания». Таков, напр., школьный городок С. Шацкого, выросшего из толстовства, школа Н. И. Поповой, московской городской учительницы и др. Правоверные коммунисты не считают этих школ своими и даже обвиняют С. Шацкого в «мелко-буржуазности» и в «псевдо-социализме[4])», что, впрочем, не мешает им именно эти школы показывать в первую очередь иностранным делегациям. Между тем именно этот, в самой России уже поблекший, идеал продолжает как бы по инерции притягивать к себе всех почитателей русской революции заграницей. Неудовлетворенные у себя дома в своем стремлении ко всякого рода решительным реформам, они во что бы то ни стало хотят видеть в русской революции если не образец для подражания, то, по крайней мере, клич, зовущий к их собственным лозунгам.

[3]) Число этих «опытно-показательных» учебных заведений сокращается с каждым годом. На 1-е января 1925 г. сов. статистика насчитывала во всем СССР 195 опытно-показат. учреждений, на 1-е января 1926 г. их было уже только 138, т. е. менее чем 0,2% всех учреждений «социального воспитания». При этом обследование этих учреждений в конце 1925 г. обнаружило, что «в ряде центральных учреждений этого рода работа поставлена хуже, чем в массовых учреждениях соц. воспитания. Некоторые опытные школы не ведут опытно-исследовательской работы. Оплата работников опытно-показ. учреждений должна быть больше, чем в массовых учреждениях, фактически же она везде ниже. В связи с этим и педагогич. персонал их менее квалифицирован». См. «Учительская газета», 1926. № 11.

[4]) Срв. официально рекомендованный учебник педагогики А. Пинкевича, Т. 2, «Труд Школа». М. 1925, стр. 77, 51. Внявший увещаниям Пинкевичей С. Шацкий с тех пор вошел в ком. партию и сделал большую советскую карьеру, Н. Попова, напротив, недавно отстранена от работы в созданной ею школе.

II. Вторая (абсолютистская) фаза советской педагогики. — Вырождение идеи единой школы.

Вторая фаза советской педагогики находится в тесной связи с идеологией НЭП-а вообще. НЭП означает замену идеала коммунистической утопии практикой государственного капитализма, с одной стороны, и диктатурой коммунистической партии, с другой. В соответствии с этим на место идеала «политехнически» развитой личности, живущей в условиях бесклассового общества, — выдвигается идеал коммунистически-профессионального образования. Если конечный идеал сверхклассового анархического общества отодвигается в далекое будущее, и нынешний «переходный порядок» есть строй государственного капитализма и классовой диктатуры «пролетариата», то и задача школы очевидно — служить потребностям государственного капитализма, с одной стороны, и коммунистической партии, с другой. Государству, как громадному капиталистическому предприятию, нужны «спецы», коммунистической партии нужна «смена» — этими двумя задачами и определяется новый период советской педагогики и школы. Деятели украинского наркомпроса, противопоставившие впервые «политехнической школе» идею «профессионального образования» (еще в 1920 г.), пожалуй, и определили идеологию этого второго периода[5]). Свое выражение он нашел в действующем ныне уставе единой трудовой школы (от 23 дек. 1923 г.) [6]), в учебных планах и программах ГУС-а (государственного ученого совета) от того же года, составленных под руководством Н. К. Крупской, в многочисленной официозной педагогической литературе последних лет. Здесь нет и тени былого энтузиазма. Задачи школы формулируются вполне определенно и трезво, идеология не остается более простой теорией, но неуклонно проводится в жизнь. Изменился и характер «попутчиков» — верных проводников новых предначертаний: это уже не мечтатели-прожектёры и непризнанные новаторы, представители радикальных педагогических устремлений, а расчетливые дельцы, послушные чиновники, озлобленные неудачники былого времени.

Формально школа продолжает еще называться «единой трудовой», как и термин «политехнического образования» про-

[5]) Срв. Г. Гринько: «Очерки советской просветительной политики». Харьков, 1923. Машкин: «Просветительная политика в эпоху диктатуры пролетариата». Х. 1923. Г. Гринько: «Очередные задачи сов. строительства в области просвещения.» Х. 1924. и ряд статей Г. Гринько, Я. Ряпио и Г. Столярова в журнале «Путь просвещения» (Харьков) за 1922—1924 гг.

[6]) Совсем недавно советские газеты сообщили, что Главсоцвосом РСФСР выработан новый устав единой трудовой школы. В новом уставе отводится большая роль воспитательной работе — в особенности по линии интернационального и анти-религиозного воспитания; очень большое место уделено в уставе борьбе с национальными антагонизмами и т. д. (см., напр., «Красн. Газету» (веч. вып.) от 24 мая 1928 г.).

должает еще сохраняться в наименовании того отдела Наркомпроса, который ведает начальным образованием[7]). На деле однако эволюция советской школы от 1921 г. до настоящего момента (июнь 1928 г.) есть непрерывный и все более сознательный отказ от первоначального идеала единой трудовой («политехнической») школы. При этом обе формулированные выше цели новой школьной политики как бы специально направлены к разрушению первоначального идеала: единство школы подрывается идеей профессионального образования, а трудовой ее характер — целью создания коммунистической интеллигенции («смены»).

Уже в новом уставе 1923 г. первоначальное деление школы на два универсальных типа (школу первой и второй ступени, провозглашенные одинаково обязательными и бесплатными) претерпевает резкое изменение. Школа делится уже на три ступени, хотя и называемые еще формально первой ступенью и первым и вторым концентром второй ступени. Первая ступень, определяемая уже в четыре года, «охватывает, как правило, возраст от 8—12 лет и имеет целью дать детям уменье читать, писать и считать и знания и умения, позволяющие им несколько ориентироваться в окружающей трудовой деятельности людей, в явлениях природы и общественной жизни». Первый концентр второй ступени продолжается три года, охватывает возраст от 12-ти до 15-ти лет и «имеет целью дать уже полное знакомство с трудовой деятельностью людей и их организацией, с силами и законами природы и общественной жизни, сделать учащегося сознательным гражданином Советской Республики». Второй концентр второй ступени (два года обучения) охватывает возраст с 15-ти до 17-ти лет и «имеет целью подготовку сознательного строителя новой жизни, независимо от того, в какой области и в какой специальности он будет работать в дальнейшем»[8]).

В этом новом делении сказывается прежде всего давление реальной действительности. Дело в том, что, ко времени октябрьской революции, русская школьная система приближалась к системе трехступенной школы, которая была зафиксирована в проектах Государственной Думы и Государственного Комитета по народному образованию 1917 года. Многочисленные типы начальных школ (земских, городских, приходских, железнодорожных и т. д.) стремились развернуться в четырехклассное начальное училище (сюда относились и приготовительные классы ср.-уч. заведений), посещение которого предполагалось сделать всеобщим и обязательным. Следующую ступень составляли высшие начальные

[7]) Главное управление социального воспитания и политехнического образования — сокращенно «Главсоцвос».

[8]) См. Устав единой трудовой школы 1923 г., также статью Н. Крупской: «Советская производственная трудовая школа» в «Педагогической Хрестоматии», под ред. Преображенского, Москва. 1925. Т. I, стр. 82.

училища, тоже с четырехклассным курсом обучения, программы которых должны были представлять собою законченное целое и соответствовать младшим классам сред. уч. заведений. Наконец, высшую ступень представляли собою последние классы гимназий и реальных училищ с трех-четырехлетним курсом (вопрос о продолжительности этой ступени не был решен окончательно), открывавшие доступ в высшие учебные заведения и разделявшиеся на два типа — гуманитарный с латинским языком и реальный (см. прилагаемую схему). Превратить начальные училища, только еще развертывавшиеся в четырехклассную школу, фактически же часто имевшие всего три или даже два класса, в пятилетнюю школу первой ступени оказалось невозможным. Точно также величайшего напряжения потребовало бы превращение восьмиклассных высших начальных училищ в полную девятилетнюю школу первой и второй ступени. Пришлось по необходимости пойти по линии наименьшего сопротивления и приспособить новый фасад к старой действительности, восстановив, хотя первоначально и в прикрытой форме, прежнее трехступенное деление школы.

Однако, отклонение фактического строения школы от формальной схемы, как она установлена в Уставе 1923 г., в действительности еще больше. Основной массив школы в Советской России образует «четырехлетка», как ныне даже официально называется четырехлетняя школа первой ступени (102.081 школы с 8.014.191 учащимися во всем СССР на 1 дек. 1926 года[9]), обнимающая под новым названием различные виды старых начальных училищ. Правда, кроме того в СССР к тому же времени имелось еще 931 самостоятельных «школ второй ступени» с 291.000 учениками. Однако, число этих школ не составляет и одного процента школ первой ступени, а число учеников в них менее 4% учащихся в четырехлетке. К тому же число этих школ падает с каждым годом[10]), а на Украине, где новая политика «профессионального образования» проводится особенно последовательно, они вообще упразднены. Напротив, вторым по значению типом школы является так называемая «семилетка» (4.934 школы с 1.800.000 учащимися), объединяющая в одной школе первую ступень и «первый концентр» второй ступени формального Устава. Фактически в оболочке её продолжает существовать прежнее «высшее начальное училище», пониженное на один класс. Наконец, третий главный тип школы составляет так называемая «девятилетка» (777 школ с 500.000 учащимися), объединяющая в одном заведении обе ступени формального устава: факти-

[9]) См. «Итоги десятилетия сов. власти в цифрах 1917—1927». ЦСУ. 1927. Стр. 85—87.

[10]) За 1923 г. число их сократилось на 16,9%, за 1924 — на 25%. См. официальный «Бюллетень Центрального Статистического Управления», № 92 (стр. 6 сл.) и № 107 (стр. 46 сл.).

чески это прежние восьмиклассные реальные училища и гимназии вместе с бывшими в них приготовительными классами (см. схему на стр. 487).[11])

Таким образом в Советской России в настоящее время имеется три различных типа школы, даже официально называющихся уже не согласно Уставу, а по числу лет обучения: четырехлетка, семилетка и девятилетка. Только с большими оговорками систему эту можно назвать «единой школой». Формально, повидимому, каждому учащемуся открыт путь в высший тип школы. В действительности, однако, он, вообще говоря, закрыт. Переход из четырехлетней школы в старшие классы семилетки или девятилетки затруднен прежде всего в виду чрезвычайного переполнения этих последних, делающего невозможным прием ими сколько-нибудь значительного числа новых учеников из четырехлетки. К тому же учебный уровень четырехлетки, в особенности сельской, стоит значительно ниже соответствующих (младших) классов городских семилетки и девятилетки, которые, хотя формально и образуют ту же первую ступень, на деле же суть не что иное, как младшие классы прежних гимназий с пониженной программой (за последние годы нередко даже с иностранными языками) [12]). По свидетельству советской педагогической прессы, обстоятельство это чрезвычайно затрудняет переход из одного типа школы в другой. Школы же второй ступени, со своей стороны, могут принять только 3—4% кончающих четырехлетку. Вполне понятно поэтому, что в Уставе 1923 г. школьное образование объявляется привилегией господствующего класса (ст. 26), что фактически однако ведет к господству партийного и начальственного произвола при приеме в школу и, как утверждает советская печать, менее всего идет на пользу действительным «рабочим и крестьянам»[13]). При отсутствии основной школы и затрудненности перехода из одной школы в другую получается, что образовательный путь учащегося вполне определя-

[11]) Приведенные цифровые данные о школах взяты из «Итоги сов. власти» (см. прим. 9-ое). Цифры уч-ся округлены в тысячах.

[12]) То же следует сказать и о взаимоотношении между девятилеткой и семилеткой, которая из низшей ступени первой все более становится самостоятельным типом школы. Так, напр., по новейшему проекту учебного плана (о нем см. ниже, гл. 5) в последнем классе семилетки и седьмом классе девятилетки предположены уже совершенно различные программы по литературе и др. предметам. Срв. «На путях к новой школе», М. 1926, № 5—6, стр. 77 сл., № 9, стр. 123.

[13]) Обследование 42 волостей, произведенное в 1926 г. инспекцией Наркомпроса РСФСР, дало следующую картину социального состава современной школы: в школе из 100 детей бедняков обучается 38%, из 100 детей середняков 50% и зажиточных — 61%. Как общее правило, чем выше тип школы, тем значительно меньше она обслуживает детей бедняков. Так обследование одной из массовых школ-семилеток г. Москвы говорит о том, что «во второй ступени процент пролетарских детей резко падает и равняется только 19—20%. Главная детская масса второй ступени по социальному положению — мелкобуржуазная и частично нэпмановская». Срв. «На путях к новой школе», 1926, № 2, стр. 77; «Народный учитель», 1926, № 1, стр. 25 сл.

ется в самом юном возрасте, при поступлении в младший класс школы. Некоторую отдушину представляют так наз. «рабочие факультеты», своего рода подготовительные курсы к высшей школе, открывающие небольшому числу учащихся четырех- и семилетней школы путь в высшие уч. заведения. Но рабочие факультеты являются уже в полной мере привилегированными учебными заведениями, специально предназначенными для членов коммунистической партии и коммунистического союза молодежи (комсомола). К тому же число их медленно, но неуклонно падает[14]).

Таким образом советская школа не есть в действительности единая школа. Она отнюдь не предоставляет каждому возможности подняться на высшую ступень образования в меру его способностей и склонностей (как этого требовало, хотя и утопически, «Положение» 1918 г.). Напротив, советская школьная система устанавливает три пути, три категории образования. Подавляющее большинство населения должно довольствоваться четырехлетней начальной школой. Только 4—5% оканчивающих ее могут, поступив в «школу второй ступени» и «рабочие факультеты», пробиться в высшую школу. Низшие профессиональные школы разного типа и вновь основанные так называемые школы фабрично-заводского ученичества и крестьянской молодежи (нечто среднее между низшей профессиональной и дополнительной школой; на 1 дек. 1926 г. в СССР школ ФЗУ было 1.068, с 109.403 уч-ся, ШКМ — 624, с 45.823 уч-ся)[15]) могут еще охватить 10% окончивших четырехлетку. — Второй путь представляет собою семилетняя школа («городская массовая школа» по официальной терминологии), дающая право поступления в среднюю профессиональную школу, так наз. техникум с трехгодичным курсом. Третий путь образует девятилетняя школа, открывающая доступ в университет[16]), несмотря на то, что оба ее последние класса (так наз. «второй концентр» второй ступени) имеют целью не

---

[14]) В 1923—24 уч. году в СССР было 130 раб. факультетов с 45.788 «студентами»; в 1924—25 г. — 113, («студентов» — 42.220); в 1925—26 г. раб. фак. насчитывается 108 («студентов» — 47 тыс.); в 1926—27 г. — 109, с 46 тыс. слушателей. Срв. «Бюллетень ЦСУ» № 107 (стр. 17 сл.); «Известия», 1926, № 27; «Итоги десятилетия сов. власти в цифрах». М. 1927 г., стр. 83.

[15]) См. прим. 7-е. На Украине школы крестьянской молодежи входят в систему профтехнического образования. «Итоги десятилетия советск. власти». М. 1927, стр. 84, насчитывают школ крестьянской молодежи 686, а учащихся в них — 49.988.

[16]) С осени 1925 г., в виду обнаружившейся неподготовленности абитуриентов девятилетки и школы второй ступени (о чем еще будет итти речь ниже), прием в высшие учебные заведения производится на основании вступительного экзамена, к которому допускаются часто и окончившие только семилетку. По существу это мало что меняет в системе, даже «классовый» ее характер только ослабляется вступительными экзаменами. О программах вступительных экзаменов см.: книгу 26-ю «Р. Ш.» (отдел библиографии, рецензия Н. Новожилова), «Еженед. Наркомпроса РСФСР», 1928 г. №№ 11 и 12.

столько подготовку к университетскому курсу, сколько профессиональную выучку (в особенности на Украине, где, под влиянием идеологии профессионального образования, девятилетки уже совсем вытеснены семилетками и отдельными от них профессиональными классами-курсами). Существо системы один советский администратор формулирует следующим образом: «Нам нужны в государственном строительстве массы квалифицированных сознательных рабочих... Это низшее образование. Нам нужны техники-специалисты высшей квалификации... Это высшее образование. Нам нужны организаторы высшей квалификации... Это специальное научное образование»[17]).

Однако единая школа в Советской России отсутствует не только по фактической невозможности проведения ее в жизнь, но и в силу принципиального отказа советской власти от самого принципа единой школы. Как и во многих других случаях, идеология НЭП'а делает из нужды добродетель, выводя отказ от принципа единой школы из самого существа новой советской «профессионалистской» педагогики. В самом деле, идея единой школы тесно связана с началом личности, её прав на свободное развитие сокрытых в ней сил и задатков. Постольку она есть типично демократическая идея. Задача единой школы заключается в предоставлении каждому соответствующего его дарованию образования так, чтобы было обеспечено правильное и своевременное раскрытие каждой способности в человеке. Практически она означает такое согласование между собою отдельных ступеней и видов школы, которое обеспечивало бы учащемуся возможность беспрепятственного восхождения к высшим ступеням образования в меру его способностей и склонностей. «Положение» 1918 г. было действительно крайним (хотя и утопическим) выражением этой идеи. Но если, согласно антидемократической идеологии «диктатуры пролетариата», личность учащегося есть отныне лишь средство достижения высших по отношению к ней целей — государства, нуждающегося в квалифицированной рабочей силе, и партии, нуждающейся в «смене», — идея единой школы теряет все свое значение. Действительно, она все более и более вытесняется началом п о л е з н о с т и, лежащим в основе новой идеологии профессионально-коммунистического воспитания. Большевики, однако, глубоко ошибаются, считая, что идея профессионального образования («профобра») есть открытие коммунистической педагогики. Правда, она обосновывается ими марксистской догмой, согласно которой такие понятия, как личность, чистая наука, общее образование, суть «буржуазные выдумки», а на деле школа всегда была отра-

[17]) Срв. «Путь просвещения» (орган Украинского Народн. Комис. Просв.), Харьков, 1924, № 70, стр. 60. См. также статью А. А с т е р м а н а: «К вопросу о принципах классификации просветительных учреждений и мероприятий» («Н а р. П р о с в.», 1928 г., № 4).

жением «производственных отношений», и в эпоху «диктатуры пролетариата» сознательно должна стать частью всего производственного процесса в целом, производящего квалифицированную рабочую силу так же, как фабрики производят машины и другие орудия производства. На этом именно основании советская власть, как известно, разбила университеты на отдельные «целевые» факультеты (соответственно практическим профессиям, ими обслуживаемым), отделив от них «институты исследования» и превратив их в практические школы, имеющие своей единственной целью «подготовлять специалистов-организаторов в определенные отрасли народного хозяйства»[18]). Исторически образованный читатель легко узнает здесь идеологию абсолютизма, в своей школьной политике всегда руководствовавшегося принципом профессионализма. Именно исходя из аналогичного отрицания «идеологии», и Наполеон в свое время создал на месте былых университетов сеть отдельных, преследующих узко-утилитарную цель, факультетов.

Далее, когда мы обратимся к изучению духовного содержания советской школы, мы подробнее также проследим эту попытку совершенного отрицания внутренней самозаконности школы, попытку понимать школу и строить ее, как простую «надстройку над производственными отношениями». Сейчас, когда речь идет только о формальном строении сов. школы, достаточно будет, в заключение сделанной выше характеристики, еще сказать, что и якобы вновь открытый профессионалистский принцип в конце концов привел к структуре, аналогичной той, которую мы находим в так наз. «буржуазных» государствах и в направлении которой русская школьная система двигалась и до революции. Еще 50 лет тому назад один из ранних теоретиков единой школы, В. Рейн, обосновывал тройственность школьных путей тем, что приурочивал ее к трем основным социальным группам, из коих слагается общество в современных демократических странах. Это, во-первых, низшая социальная группа, выполняющая исполнительную работу («ausführende Arbeit»): ее образование обеспечивается народной школой, дополняемой так наз. «дополнительной школой» профессионально-трудового характера; во-вторых, средняя социальная группа (bestimmende Arbeit), получающая

[18]) На Украине, где идеология профессионализма проводится особенно последовательно, отменено самое название университета. Отдельные факультеты, совершенно независимые друг от друга и носящие узко практический характер, называются здесь «институтами»: институт народного хозяйства, институт народного образования, институт советского права, институт медицинский, сельского хозяйства, электро-технический, технологический и т. д. — Краткое изложение идеологии «профессионалистской педагогики» см. в Т. I. цит. выше «Педагогической хрестоматии», М. 1925. Об украинской университетской политике см. Я. Ряппо: «Реформа высшей школы на Украине в годы революции». Харьков. 1925; Столяров: «Организация учебно-методологической работы в институтах». 1925.

образование свое в средних профессиональных школах, и, наконец, высшая социальная группа («schöpferische Arbeit», élite), поставляемая университетами и высшими техническими школами. Демократический принцип единой школы не отменяет этого различия, которое, как величайшее открытие, славословят советские педагоги второго периода. Но система единой школы устанавливает между разными типами школ такое соответствие, которое обеспечивает способным ученикам переход с одного пути на другой, а системой доступности и стипендий — фактическую возможность этого перехода. В системе советской школы как это соответствие, так и эти возможности даны в наименьшей степени. Если в европейских демократиях переход из низшей ступени школы в высшую в настоящее время все более и более обуславливается способностями учащегося, он в советской школе носит характер «классовой» (точнее, партийной) привилегии. Другое существенное отличие заключается в меньшей продолжительности всех трех различенных выше категорий образования: тогда как, напр., во Франции всеобщее народное образование обнимает 6—8 лет обучения (6 лет обязательной начальной школы плюс два года «дополнительной» школы), среднее образование — 10—11 лет (6—8 классов начальной школы плюс 3—4 классов профессиональной или высшей начальной школы), высшее — 15—16 лет, в советской России мы имеем соответственно 4—7 лет, 7—10 лет, 13—15 лет, и притом только в качестве еще отдаленного идеала. В отношении продолжительности обучения сов. школа отстает также на 1—2 года от русской школы дореволюционного времени (срв. схему).

Быть может, однако, сов. власти удалось осуществить, как нечто новое, «классовый отбор» в образовании и сделать средний и высший пути образования привилегией рабочих и беднейших крестьян? Устав 1923 г. и правила приема в высш. учебн. зав. и техникумы действительно делают прием в высшие типы школ зависимым от классового происхождения учащегося. Что на деле, однако, этот классовый отбор есть не что иное, как партийный протекционизм, и мало что изменил в до-революционной картине использования школы разными классами русского населения, показывает следующая таблица, заимствуемая нами из официального советского источника[18a]):

Учащиеся в	Рабочие	Крестьяне	Дети служ.	Неизвестн.	Всего
высш. учебн. завед. .	18,0%	22,9%	43,3%	15,8%	100%
школах II ступ. . .	15,0%	24,0%	37,0%	24,0%	100%
школах 9-летках . .	28,0%	14,0%	36,0%[1])	22,0%	100%
низш. проф. школах .	42,7%	18,6%	27,6%	11,1%	100%

[1]) На 1 янв. 1926 г. дети служащих составляли 42,4% общего числа обучающихся в школах 9-летках РСФСР (См. офиц. изд. Наркомпроса РСФСР: «Народное Просвещение в РСФСР» М. 1928).

[18a]) Народное образование в СССР по данным текущего обследования на 1 янв. 1925 г. Вып. II. Москва. 1926 г., стр. 45 сл. — Срв. статью Вл. Розенберга: «Кого и как обслуживает современная школа». «Русск. Экон. Сб.», XI, Прага 1927.

Из этой таблицы видно, что тогда как в низшей профессиональной школе рабочие и крестьяне составляют вместе более 60% учащихся, в школах повышенного типа и высш. уч. заведениях наблюдается как раз обратное отношение: здесь 60% учащихся составляют дети так называемых «буржуазных классов», всякими правдами и неправдами пробивающиеся в школу высшего типа. Что таково же положение и в начальной школе, — об этом было уже сказано выше (прим. 13).

III. Материальная основа советской школы. — «Культурные ножницы».

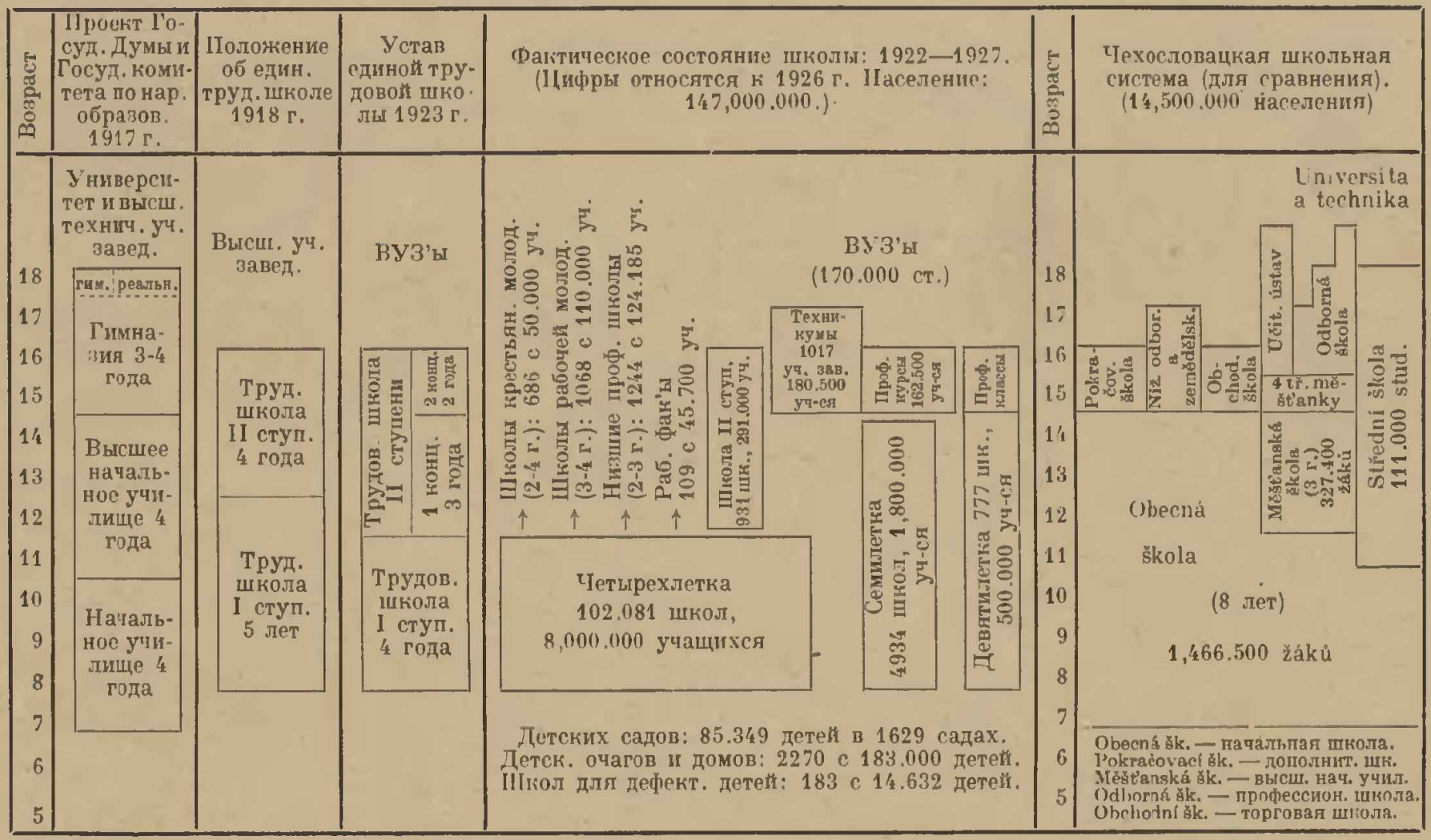
Факт общего понижения школьного уровня в Советской России по сравнению даже с положением школы в непосредственное перед революцией время не представляет собою, конечно, ничего неожиданного. Для всех, кто не верит в чудеса, естественно ожидать, что общее понижение народного дохода во время войны, революции и советской диктатуры необходимо должно было отразиться и на общей сумме, уделявшейся из народного дохода на дело народного образования. По опубликованным в советской печати данным[19]) народный доход в 1924—25 г. (9 миллиардов зол. руб., на душу — 65,7 з. руб.) составлял только 67,5% народного дохода 1913 г. (11,3 миллиарда, на душу — 97, 4 з. руб.). Насколько же сократилась общая сумма расхода на народ. образование?

В последний предвоенный год (1913—1914) общая сумма всех расходов на народное образование (как из госуд. бюджета, так и из бюджетов местных самоуправлений, без поступлений из различных общественных и частных источников) равнялась 381,36 миллион. зол. р., что на 170.902.900 чел. населения б. российской империи (без Финляндии), исчисленного на 1 янв. 1913 г., на душу составляло 2,24 зол. руб.[20]). Между тем в 1924—25 уч. году во всем СССР на народное образование была израсходована круглая сумма в 345,74 миллион. червон-

---

[19]) Срв. ко всему этому параграфу статью проф. А. Маркова: «Бюджет народного образования в Советской России» в «Русской школе за рубежом», 1926, № 18. — Здесь, как и всюду в дальнейшем, довоенные цифры приводятся в уменьшенном виде соответственно сокращению государственной территории (по советским данным — на 10%).

[20]) Эти данные приводятся в статье П. Н. Григорьева: «Бюджет народного образования в СССР в связи с задачей введения всеобщего обучения» («Вопросы всеобщего обучения» М. 1927 г., стр. 10). В статье А. Васильева: «Бюджет народного образования в СССР» («Нар. Просв.», 1928 г., № 4) довоенный расход (на тот же год) определяется в 348,44 миллиона зол. р. — Сравнение расходов на нар. образование в настоящее время с довоенными расходами затрудняется в виду отсутствия за довоенный период систематического учета расходов на нар. образование по местному бюджету; к тому же по городским самоуправлениям исчерпывающие данные имеются за 1912 г., по земским губерниям — за 1914 г. и по неземским губерниям — 1911 г.


Возраст
Проект Госуд. Думы и Госуд. комитета по нар. образов. 1917 г.
Положение об един. труд. школе 1918 г.
Устав единой трудовой школы 1923 г.
Фактическое состояние школы: 1922—1927. (Цифры относятся к 1926 г. Население: 147,000.000.)
Возраст
Чехословацкая школьная система (для сравнения). (14,500.000 населения)
Университет и высш. технич. уч. завед.
гим. реальн.
Гимназия 3-4 года
Высшее начальное училище 4 года
Начальное училище 4 года
Высш. уч. завед.
Труд. школа II ступ. 4 года
Труд. школа I ступ. 5 лет
ВУЗ'ы
Трудов. школа II ступени
2 конц. 2 года
1 конц. 3 года
Трудов. школа I ступ. 4 года
Школы крестьян. молод. (2-4 г.): 686 с 50.000 уч.
Школы рабочей молод. (3-4 г.): 1068 с 110.000 уч.
Низшие проф. школы (2-3 г.): 1244 с 124.185 уч.
Раб. фак'ы 109 с 45.700 уч.
Школа II ступ. 931 шк., 291.000 уч.
ВУЗ'ы (170.000 ст.)
Техникумы 1017 уч. зав. 180.500 уч-ся
Проф. курсы 162.500 уч-ся
Проф. классы
Четырехлетка 102.081 школ, 8,000.000 учащихся
Семилетка 4934 школ, 1,800.000 уч-ся
Девятилетка 777 шк., 500.000 уч-ся
Детских садов: 85.349 детей в 1629 садах.
Детск. очагов и домов: 2270 с 183.000 детей.
Школ для дефект. детей: 183 с 14.632 детей.
Universita a technika
Učit. ústav
Odborná škola
Pokračov. škola
Niž. odbor. a zemědělsk.
Obchod. škola
4 tř. měšťanky
Měšťanská škola (3 г.) 327.400 žáků
Střední škola 111.000 stud.
Obecná škola (8 лет) 1,466.500 žáků
Obecná šk. — начальная школа.
Pokračovací šk. — дополнит. шк.
Měšťanská šk. — высш. нач. учил.
Odborná šk. — профессион. школа.
Obchodní šk. — торговая школа.

ных р., что в переводе на золотую валюту дает сумму в 172,5 миллиона з. р., или на душу 1,20 з. р.; в 1925—26 г. весь расход на нар. образование в СССР определился в сумме 487,17 миллионов черв. р.; в 1926—27 г. — 617,50 миллион. черв. р.; расход на душу населения повысился в 1925—26 г. до 3,84 черв. р. (1 р. 79 к. зол.) [21]). Таким образом расходы на народное образование понизились в точном соотношении (60% довоенных расходов в 1924—25 г.) с понижением всего народного дохода в целом (54,8% довоенного дохода в 1923—24 г.) [22]). В 1925—26 году весь бюджет СССР (4.974.690 тыс. черв. руб.) составлял всего 54,2% государственного и местного бюджета России в 1914 году, бюджет нар. образ. СССР равнялся лишь 65,3% довоенного бюджета нар. образ. России в 1914 г., а расход на нар. образ. на душу населения — 82,1% душевого расхода за 1914 г. «Таким образом, говорит П. Н. Григорьев в цитир. выше статье (см. прим. 18), весь бюджет СССР в целом и сумма затрат из него на дело народного образования еще не достигли довоенного уровня»[23]). При этом в общей

[21]) Срв. с этими цифрами: во Франции по одному только м-ву просвещения и искусств (значит, не считая множества профессиональн. учебн. зав. всякого рода) на 1926 г. правительством испрашивалась сумма в 1.754,6 миллионов франков, что (по курсу 23 февр. 1926 г.) составляет около 126 милл. зол. р., или на душу по 3 р. 30 к. — В Прусии в 1924 г. все государственные и земские расходы на народное просвещение равнялись 323,5 миллиона марок, т. е. 167 милл. з. руб., или свыше 4 зол. руб. на душу населения. Известный школьный статистик в СССР И. М. Богданов в статье: «К характеристике бюджетов нар. образования иностранных государств» («Вопросы всеобщего обучения», вып. V, М. 1927 г., стр. 150 сл.) доказывает, что СССР по размеру затрат на народное образование на душу населения занимает предпоследнее место в ряду цивилизованных стран (последнее место принадлежит Испании — 3 черв. р.); по его словам, Англия в 1923—24 г. тратила на душу населения 2,42 фунта, С.-Штаты (1922 г.) — 14,47 долл., Южн.-Африк. союз (1922—23 г.) — 3 ф. 17 ш. 7 п., Н. Зеландия (1925 г.) — 53 ш. 7 п., Швеция (1923—24 г.) — 15 черв. р., Дания — 13—14 черв. р., Япония (1924—25 г.) — 6—7 ч. р., Болгария (1923—24 г.) — 4 ч. р.

[22]) В 1924—25 г. доход по всем данным возрос более чем на 5,2%. — Приведенные в тексте цифры вполне подтверждаются официальн. цифрами, которые Луначарский приводит в одной из своих ответствен. речей. «Эти цифры, говорит Л. в конце своих статистических выкладок, интересны и сами по себе и как доказательство того, насколько неправ Наркомфин, когда он утверждает, что в общем и целом наш бюджет близко подходит к общегосударственному бюджету 1913 г. Это не верно. Бюджет Наркомпроса отстал, и об этом нужно говорить совершенно определенно». Срв. «Народное Просвещение», 1926, № 2.

[23]) Это же признал и VI-й съезд заведующих отделами нар. образ., который, в резолюции по докладу И. И. Ходоровского: «О бюджете 1928—29 г.», говорит: «Качество работы наших учреждений неудовлетворительно, квалификация оканчивающих наши учебн. заведения крайне недостаточна, капитальные вложения ничтожны, зар. плата работникам просвещения продолжает оставаться неудовлетворительной, материальное положение учащихся тяжелое. Все это упирается, главным образом, в бедность просветительных учреждений, в крайнюю слабость их финансово-материальной базы, как и вообще всякого дела нар. просвещения. В этом смысле, в смысле финансовой базы, мы далеко еще не закончили даже восстановительного периода». («Еж. Наркомпроса» 1928 г., № 20—21, стр. 15).

сумме расходов на народное образование по СССР процент расходов на начальное образование занимает последнее место, составляя 30%, т. е. меньше, чем в Индии и Египте. В государственном бюджете расходы на начальное образование составляют 10,6% общих трат государства на народное образование. Расходы местного бюджета на начальное образование дают соответственно более высокий процент — 41,0%. Однако, и этот процент ниже соответствующих затрат Испании, занимающей последнее место в ряду европейских государств... («Вопросы всеобщего обучения», вып. II (V), стр. 147).

Аналогичный результат мы получим, если сравним отношение бюджета народного образования к государственному и местным бюджетам в целом. В 1908 г. весь государственный бюджет равнялся 2.417 миллионам рублей, из них на цели народного образования было израсходовано 82 миллиона, т. е. 3,4% всего гос. бюджета. В 1916 г. соответствующие цифры достигли сумм в 3.646 и 270 миллионов руб., так что процентное отношение бюджета народн. просвещения ко всему бюджету в целом возросло до 7,5%. Что же касается местных бюджетов, то и здесь процентное отношение расходов на народное просвещение ко всем другим расходам местных самоуправлений возросло в среднем с 20,4% в 1905 г. до 31,4% в 1914 году. В 1924—25 же году обыкновенные расходы СССР и отдельных республик достигли суммы 1.662,5 + 255,6 = 1.918,1 миллионов черв. руб., из коих на народное просвещение было предназначено 126 миллионов черв. руб., т. е. 6,4 % всего государственного бюджета[24]). Что же касается местных бюджетов, то советская печать определяет процентное отношение расходов на народное просвещение ко всей сумме местных расходов для 1925 года в 26%[25]).

---

[24]) Согласно конституции СССР, народное просвещение входит в компетенцию не Союза, а отдельных республик (РСФСР, Украина, Белоруссия и т. д.). Впрочем и Союз также содержит из своего бюджета некоторое количество центральных (преимущественно коммунистических) просветительных учреждений, хотя для всего Союза и нет общего комиссариата народн. просв. VI-й съезд заведующих отделами нар. образования принял постановление об образовании особого всесоюзного школьно-строительного фонда; если это постановление войдет в жизнь, оно может положить начало организации аппарата по заведыванию делом начального народного образования на пространстве всего союза. — Для сравнения бюджетов до и послереволюционного необходимо брать не бюджеты отдельных республик, в бюджетах которых, лишенных военных, международных, финансовых и др. расходов, расходы на народн. просв. составляют около 30%, а сумму этих бюджетов с бюджетом всего Союза. Исследование П. Н. Григорьева (см. прим. 18-е) показывает, что доля народного образования во всем государственном бюджете СССР составляла (в %%): в 1923—24 г. — 3.8, в 1924—25 г. — 4.8, 1925—26 г. — 4.9. В бюджете 1914 г. — 6,5%.

[25]) Срв. «Вестник Финансов», 1925 г., № 3. — В цит. выше речи Луначарский («Народ. Просв.», 1926 г., № 2) приводит цифры: для 1923 г. — 23,3%, 1924 г. — 26,3% 1925 г. — 28,5%. Цифры эти в об-

Правда, подобно до-революционному, советский бюджет обнаруживает тенденцию к росту (в 1924—25 г. — 2,6 миллиарда черв. р., в 1925—26 г. — 3,5, в 1926—27 г. — 4,4 миллиарда черв. р.), растет и бюджет народного просвещения, как государственный (отдельных республик), так и местный. Но одновременное падение червонного рубля в значительной степени обесценивает этот успех и не позволяет поэтому даже и для настоящего момента (весна 1928 г.) говорить о достижении им довоенной нормы, как о том неоднократно заявлял А. В. Луначарский. А это означает резкое ухудшение общего положения школы. Ведь за последние десять лет войны и революции школьные здания не только не ремонтировались, но подвергались часто прямому разрушению, также как и невосстанавливался за все это время школьный инвентарь. Ассигнования по гос. бюджету на школьное строительство ничтожны (около 4% общей сметы по нар. образ. в 1925—26 г.); местные шк.-строительные фонды, почти отсутствовавшие даже в бюджете 1926—27 г., достигли в бюджете 1927—28 г. по данным 40 местных бюджетов РСФСР всего 1.180.000 р. («Еженедельник Наркомпроса РСФСР» 1928 г., № 22).

Общая сумма всех расходов, а также общая сумма расходов на народное образование распределяется между общесоюзным, республиканским и местным бюджетами следующим образом (в %%):

	общесоюзная часть гос. бюджета	бюджеты союзных республик	местный бюджет	всего
а) все расходы:				
1924—25 г. . .	63,5	10,3	26,2	100,0
1925—26 г. . .	61,2	13,1	25,7	100,0
б) расходы по нар. образованию:				
1924—25 г. . .	3,1	34,2	62,7	100,0
1925—26 г. . .	5,1	32,3	62,6	100,0

Государственный бюджет в его республиканской части возрастает значительно интенсивнее, нежели местный бюджет; расход же на народное образование, наоборот, возрастает быстрее в местном бюджете, нежели в государственном. Во всех союзных республиках, кроме БССР, % роста ассигнований на нар. образование по государственному бюджету за 1925—26 г. ниже % роста всего государственного бюджета этой республики; по местному бюджету всюду, кроме РСФСР, наблюдается обратное явление. Вообще же надо сказать, что темп роста бюджета нар. образования еще не установился

щем совпадают с приведенными в тексте, так как Л. берет процентное отношение расходов на нар. образ. в общей сумме местных и республиканского (для РСФСР) бюджетов, отношение же это в государственных (республиканских) бюджетах несколько выше, чем в местных. П. Н. Григорьев (цитир. исследование) долю народного образования в местном бюджете СССР определяет (в %%): для 1923—24 г. — 25,5, 1924—25 г. — 25,1, 1925—26 г. — 26,3; земские расходы по нар. образ. (по 43 губ.) в 1914 г. составляли 30,8% их бюджета.

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 491 - 510

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

и что рост этот не носит планомерного характера. Фактическое выполнение местных ассигнований на нар. образование из местного бюджета во всех почти союзных республиках, кроме УССР, ниже 100% и ниже такого же % ко всему местному бюджету данной республики.

Бо́льшую часть общей суммы расходов на школы I ст. по местному бюджету поглощает заработная плата — в среднем около 81,5% для ряда лет по СССР[26]).

По РСФСР, УССР и БССР бюджетные данные выявляют значительную роль низовых видов местного бюджета — волостного (районного) и сельского — в деле отпуска средств на нар. образование (от 40,6 до 62,8%). Из общей массы расходов на школу I ст. по РСФСР в 1925—26 г. на волостной (районный) бюджет упало около 74,2%. Доля школы I ст. в общей массе волостных расходов на народное образование составляла по РСФСР в 1925—26 г. около 55,2%, а в общей сумме сельских расходов на тот же предмет — около 49,5%.

Средний расход из местного бюджета на одну школу I ст. составляет около 967,3 р., с колебаниями по отдельным республикам от 641,1 р. (БССР) до 1.040,6 р. (РСФСР). В золотом исчислении средний расход на одну начальную школу составляет около 450 р., против 875 з. р. на одну земскую школу по 31 губернии (данные еще 1910 г.), т. е., примерно, 51,4% от довоенного. Средний расход на один школьный комплект (на одного учителя) составлял в 1924—25 г. около 500 р., а в золотом исчислении — около 232 зол. р., с колебаниями по отдельным союзным республикам от 385,3 черв. р. (ЗСФСР) до 530,7 черв. р. (РСФСР)[27]).

---

[26]) В этом отношении и последний, 1927—28 бюджетный год, не принес изменений к лучшему. Наоборот, удельный вес заработной платы поднялся в этом году в РСФСР, которая обладает наиболее устойчивым бюджетом; в республиканском масштабе зараб. плата с 57% поднялась до 58%, «давая по отдельным районам (притом в наиболее ответственных частях просветительной работы) еще более резкие повышения. Так, по бюджету школ I ст. в Сибири удельный вес заработной платы с 70,8% в 1926—27 г. поднялся до 73,8%; по петербургской области — с 80,3% до 86,0%; по Сев. Кавказу — с 84% до 88% и т. п. Зато нормы учебно-хозяйственных расходов снизились в некоторых районах не только относительно, но и в абсолютных величинах» («Еженедельник наркомпроса РСФСР» 1928 г., № 22, стр. 3). — Распределение ассигнований на школы I ст. по предметам расходов по СССР в целом по данным, приводимым П. Н. Григорьевым в «Вопросах всеобщего обучения» (вып. II (V), М. 1927 г., стр. 50) рисуется в таком виде: заработная плата составляет 81,5% всех расходов на школу, хозяйственные расходы — 9,5%, расходы по учебной части — 5,1%, капитальный ремонт — 2,1%, приобретение инвентаря — 0,6%, канцелярские расходы — 0,6%, прочие расходы — 0,6%.

[27]) См. «Вопросы всеобщего обучения», вып. II (V), М. 1927 г. Как известно, расход на содержание одного школьного комплекта в 1913 г. достигал 832,3 зол. рубля; при этом заработная плата составляла всего 62,7% содержания школьного комплекта в 1910 г. (См. ст. Н. Новожилова: «Всеобщее обучение в России», «Русск. Шк. за руб.» 1926—27 г., стр. 372 и 510).

Вполне понятно поэтому, что при таких условиях материальное положение учителя, этой живой силы всякой школы, ухудшилось до чрезвычайности. И в довоенное время народный учитель занимал одно из низших мест в иерархии сословно-самодержавного строя. Жалование его было крайне недостаточно, оно равнялось в среднем 30 рублям в месяц, составляя 58% жалования итальянского, 44,8% французского, 24% прусского, 21.3% английского народного учителя. В 1922 году, по официальным данным «Союза работников просвещения», оно достигало только 4,38 зол. руб. в месяц. Начиная с новой экономической политики, оно непрерывно росло и в январе 1925 г. достигло суммы в 24,86 руб. в деревнях и 34,6 черв. р. в городах. В 1926 г. оно «составляло в среднем по республике 32 черв. руб. по школе первой ступени, т. е. в переводе на золотую валюту 40—50% довоенного содержания начального учителя»[28]). По данным обследования РКИ, относящимся к началу 1926 г., заработная плата учителя школы I ст. в городах колебалась от 25,3 до 72,0 р. в мес., а в селах — от 23,0 до 51,0, составляя, в сравнении с довоенной, менее половины последней (по вычислениям наркомпроса РСФСР — всего лишь 47%[29]). К тому же это нищенское содержание обыкновенно выплачивается с опозданием. Как мало вяжутся эти цифры и факты с официальными и столь часто цитируемыми заграницей словами Ленина: «учитель в социалистическом государстве должен стоять на такой высоте, на которой он никогда не стоит в буржуазном государстве». Что в данном случае дело опять таки не только в фактической бедности советского государства, но и в мало изменившейся оценке государством учительского труда, показывает сравнение заработной платы учителя с заработной платой других профессий. По данным отчета Центр. Комитета профессионального союза работников просвещения в СССР за 1925 г., ставки заработной платы народных учителей составляют только 75% самой низкой ставки промышленных рабочих (текстильщиков) и точно также являются самыми низкими по сравнению со ставками всех других служащих, оплачиваемых по местному бюджету. В конце 1926 года учитель в РСФСР получал, по авторитетному свидетельству А. В. Луначарского, «только ⅔ среднего заработка рабочего и вообще

---

[28]) Как известно, червонный рубль формально равен золотому рублю. Если, вопреки этому, сов. печать сама говорит о «переводе на золотую валюту», то имеется в виду падение покупательной силы червонца, устанавливаемой согласно официальному индексу средних товарных цен. К положению русского учителя срв. «Профес. Союз Работников просвещения СССР в 1922—24 гг.», М. 1925 г.; также «Учит. Газета» 1925 г., № 13/26. — Последняя цифра взята из «Еженедельника Наркомпроса РСФСР» (1926 г., № 8). Срв. также книгу С. Дзюбинского: «Сельский Учитель», М. 1925 г. и статью «Чем интересуется наше учительство» («Народ. Просв.», 1925 г., № 2).

[29]) «Всеобщее начальное обучение», под ред. М. С. Эпштейна, стр. 61.

лишь немногим более половины своего в сущности жалкого жалованья царских времен»[30]). Неудивительно, что сов. печать называет положение учителя «невыносимым».

Приведенные выше цифры совпадают в одном: они показывают, что материальная основа школы упала в точном соответствии с понижением народного дохода после революции (составлявшего в 1926 г. приблизительно 65% дохода довоенного времени), и что практика советского правительства почти не изменила положения школьного бюджета в общем бюджете государственном и местном. Все это, конечно, мало благоприятные предпосылки для школьного дела. Напротив, из приведенных выше данных необходимо следует одно из двух: или на одну треть должна была сократиться дореволюционная школьная сеть, или соответственно должен был упасть качественный уровень школы. А. В. Луначарский решительно настаивает на последнем. «В 1913 году, говорит он, расход на одного учащегося составлял в товарном исчислении 30 р., в 1923 г. — 14 р., а в 1926 г. — 18 руб., что меньше на 40% того, что тратилось при царском правительстве на одного учащегося». «Какая печаль невольно закрадывается в сознание, говорит он, когда вспоминаешь, что Лондон тратит на каждого ученика 163 руб., а Нью-Йорк — 220 руб.». А главное — в царское время жалование учителям составляло 63% бюджета школы, ныне же оно составляет — 70—80%, что делает школу «голой», лишенной какой бы то ни было материальной базы[31]).

Цифры официальной школьной статистики вполне подтверждают наш вывод. Согласно данным советской печати, на территории нынешней РСФСР находилось в первый год войны (1914—1915) 64.000 начальных школ (формально — четырехклассных, фактически же часто трех- и даже двухклассных) с 4.284.000 учащихся[32]). Начальная школа в России (без Финляндии) охватывала в 1914 г. свыше половины детей школьного возраста[33]). В 1925—26 г. школьная статистика насчиты-

---

[30]) «Известия» 20 сент. 1926 г., № 224. Срв. это утверждение с данными обследования РКИ.

[31]) «Известия» 20 сент. 1926 года. «Голая школа, которая может только содержать учителя и ничего не может тратить на другие надобности учеников, становится малополезной», справедливо говорит Луначарский там же.

[32]) Срв. «Стенные таблицы по нар. образованию в России», М. 1925 г. Срв. ко всему дальнейшему изложению статью Н. Новожилова: «Начальное образование в России» («Русск. Школа за руб.», Прага № 15—16) и превосходный анализ советской школьной статистики В. Розенберга: «Школа в цифрах» (там же, № 19—20), который мы здесь особенно использовали.

[33]) Даже официальный «Бюллетень ЦСУ» № 92 признает, что русская школа в 1914 г. обеспечивала 51% детей школьного возраста. (Срв. статью Н. Ф. Новожилова: «Грамотность населения и начальная школа в России» («Русская Школа за рубежом» 1925 г., кн. 15—16, стр. 288). Об охвате начальной школой детских школьных возрастов по отд. районам

вала в РСФСР 70.530 начальных школ с 5.495.000 учеников. При этом процент обеспеченности населения начальной школой (т. е. процент детей школьного возраста, охваченных школой) определяется для 1925 г. в 59,5% (против 42% в 1923 г.[34]). Даже на Украине, где по плану введение всеобщего обучения должно быть завершено к 1931 г., в 1927 г. % обеспеченности населения школой достиг только 66 (согласно плану он должен был достигнуть 78)[35]). Если взять весь союз (СССР) в целом, то приведенные выше (в таблице) цифры начальных школ (102.081) и учащихся в них (8.014.191) также бесспорно превышают (на 10—15%) цифры довоенного времени, обычно приводимые советской статистикой[36]). С другой стороны, однако, фактическая продолжительность посещения школ детьми, повидимому, понизилась по сравнению с довоенным временем. По вычислению советской статистики, для 54 губерний и автономных республик РСФСР средняя продолжительность обучения в школах оказалась равной 2,4 года (в Закавказской СФСР — даже только 1,9 года). «Если, говорит советский официальный источник, считать, что элементарный уровень знания и навыков, необходимых при данном состоянии народного хозяйства, приобретается лишь при обучении в школе в течение 4-х лет, то современная школа дает это элементарное образование лишь четверти (23,6%) поступающих в нее детей, вся же остальная масса уходит из нее вероятно с навыками простой грамотности, причем значительная часть, около трети (30,3%), выбывая после первого года обучения, может стать в ряды безграмотных»[37]). При этом особые опасения «рабоче-крестьянской» власти естественно вызывает то обстоятельство, что, согласно обследованию Комиссариата просвещения от 1925 г., «именно дети бедняков или вовсе не учатся или посещают школу в течение двух лет (69% детей-бедняков, посещающих школу, выбывают на втором году), дети середняков, в количестве 63%, выбывают

б. Российской империи на 1 янв. 1915 г. см. ст. того же автора: «Всеоб. щее обучение в России» («Русск. Школа за рубежом» 1926 г., кн. 21—22, стр. 373).

[34]) Срв. «Бюллетень ЦСУ» № 92 (стр. 7). Последние цифры см. Статистич. Обозрение, 1927 г. VIII, стр. 96 сл. и сборник «Итоги десятилетия сов. власти в цифрах 1917—1927 гг.». ЦСУ. 1927 г., стр. 85—87.

[35]) Срв. Харьковские «Вести» от 9 ноября 1927 г., статья М. Авдиенко.

[36]) Правда, еще для 1924 г. Центр. Статист. Управл. само защищало более пессимистический взгляд. Сравнительно высокий процент обеспеченности населения школой в районах центрально-промышленном (московском) и северо-западном (петербургском) «явился результатом работы довоенной школы», читаем мы в офиц. «Бюллетене ЦСУ» № 92, стр. 9. Не надо забывать, что общее число начальных школ в б. Российской империи к 1915 г. некоторые источники определяют в 116.234, с 8.039 т. уч. Если же ввести в подсчет конфессиональные школы (хедера, мектебе и медрессе), то общее число начальных школ повысится до 133.324, а число учащихся — до 8.495.000 («Русск. Школа за рубежом» 1926 г., кн. 21—22, стр. 371).

[37]) «Бюллетень ЦСУ», № 92, стр. 208. — В цит. выше статье А. Луначарский («Известия», 1926 г., № 224) дает еще более низкую среднюю цифру (1,9 года).

на третьем году, и лишь дети зажиточных и служащих посещают и четвертый год»[38]).

Неудивительно, что горделивые слова «Положения о единой трудовой школе» 1918 г., провозгласившего обязательность и бесплатность обучения (обеих ступеней!), так и остались словами. Устав 1923 г. уже ничего не говорит ни об обязательности, ни о бесплатности обучения, при чем на деле уже с 1921 г. в городах, а отчасти в деревне была введена плата за обучение, от которой освобождались только так называемые «беднейшие рабочие и крестьяне», существующая и по сию пору... И только в 1925 году (т. е. на восьмом году своего существования) советская власть перешла от деклараций к делу, опубликовав (отдельные для отдельных входящих в СССР республик) декреты о введении всеобщего обучения. Согласно этим декретам, сеть школ — четырехлеток — должна быть расширена в достаточной для охвата всех детей школьного возраста мере к 1934—35 году. Согласно декрету Украинского Наркомпроса срок этот устанавливается даже к 1931 году — году минимального послевоенного контингента детей школьного возраста. При этом бо́льшая доля потребных расходов возлагается на местные средства; только около трети идет по государственному бюджету (т. е. бюджету отдельных республик).

В доброй воле советской власти ввести в России всеобщее обучение сомневаться не приходится. Тем более сомнений, однако, вызывает вопрос, удастся ли в действительности ей ввести всеобщее обучение к предположенному сроку. Режим диктатуры, исключающий развитие местной инициативы, тяжелое финансовое положение и отягощение бюджета народного просвещения громадными расходами на «государственную пропаганду коммунизма»[39]), являются мало благоприятными условиями для проведения в жизнь такой громадной реформы. Уже

---

[38]) Срв. статьи Н. Крупской в «Известиях» (7 февр. 1925 г.) и «Народном Учителе», 1926 г., № 1 (стр. 25). Опять таки еще более резкие цифры приводит в той же статье А. Луначарский.

[39]) «Государственная пропаганда коммунизма» есть официальная основная задача третьего из главных отделов нар. комисс. просвещения — так наз. «Главполитпросвета» (Главного Управления политико-просветительн. работой). Оба других отдела называются: «Главсоцвос» (Главное управление социального воспитания: детские сады и дома, четырех- и семиклассные школы, школы девятилетки, опытно-показательные заведения) и «Главпрофобр» — (Главное Управление професс. образования: профессиональные школы, классы и курсы, школы рабочей и крестьянской молодежи, рабочие факультеты и все вообще высшие учебные заведения). — Для уяснения сравнительного значения этих трех отделов отметим, что тогда как в отделе соц. воспитания числилось во всем СССР на 1 янв. 1925 г. 96.661 подведомственных ему учреждений, а в отделе проф. образования — 4.139, в отделе полит. просвещения их числилось 83.470. Правда, сюда входят в массе избы-читальни, библиотеки, «пункты ликвидации безграмотности», школы для взрослых, народные дома и клубы, но все же и специфически партийно-коммунистических школ имеется: «политич. школ и курсов» — 1.328 и «сов. парт. школ» — 197. Срв. «Бюллетень ЦСУ», № 107, стр. 20.

в начале 1926 г. советская педагогическая пресса стала выражать сомнения в том, что удастся к предписанному сроку ввести всеобщее обучение[40]). Нельзя также не указать, что сумма в 800 руб. (которая в настоящее время не равняется и 200 долл.), в которую по декрету определяется стоимость одного школьного комплекта в 40 учеников, чрезвычайно низка и вряд ли сможет обеспечить действительную четырехклассную школу. По оценке официального органа Нар. Комис. Просв. она в 2,08 раза меньше, чем в 1913 г., когда на один комплект расходовалось 832,30 зол. руб.[41]). Планы введения всеобщего обучения все время пересматриваются, ломаются; на Украине он перерабатывался четырнадцать раз! В сущности ни одна республика до сих пор не имеет твердо установленного плана[42]).

А между тем этой до крайности пониженной в своей материальной базе начальной школе советской властью приносятся в жертву все другие виды образования. Так декрет Наркомпроса РСФСР от 31 авг. 1925 г. о всеобщем обучении прямо постановляет, что «впредь до открытия школ I-й ст. в числе, достаточном для действительного введения всеобщего начального обучения, школы II-й ступени и школы-семилетки могут открываться в определенных отношениях к числу школ I-й ступени» (ст. 2). Отношения эти определены в следующих статьях декрета (ст. 11 и 12) как 1 : 20, т. е. один школьный комплект второй ступени на 20 школьных комплектов первой ступени. Чтобы оценить реальное значение этой «стабилизации» (как ее называет сов. печать) средней школы, достаточно напомнить, что по данным на 1925 г. во всем СССР числилось около 8.000.000 учеников I-й ступени (6.990 тысяч учеников четырехлетней школы и около 1.000.000 учеников низших классов семи- и девятилетней школы) и 1.747 тыс. учеников II ступ. (и старших классов школ — семилеток и девятилеток). Это значит, что установленная декретом норма была уже во время издания декрета далеко превзойдена действительностью, и, если бы декрет

---

[40]) Срв. «Народное Просвещене», 1926 г., обе статьи в отделе «Вопросы всеобщего обучения».

[41]) «Народное Просвещение», 1926 г., № 2, стр. 40.

[42]) Только что закончившийся шестой съезд заведующих отделами народного образования констатировал крайнюю шаткость положения дела с введением всеобщего обучения. По докладу М. С. Эпштейна съездом принята очень тревожная резолюция (см. «Еженедельник Наркомпроса РСФСР», № 20—21, стр. 17): «Наметившееся уже с 1926—27 бюджетного года понижение темпа роста сети начальных школ ставит страну перед угрозой срыва плана введения всеобщего обучения. Это понижение темпа роста тем более недопустимо, что демографическая перепись 1926 г. выявила значительный рост детских контингентов школьного возраста, которые уже с 1928—29 г. будут предъявлять увеличенный в сравнении с прошлыми годами спрос на школьные места. Таким образом мы стоим перед опасностью роста детской неграмотности, если только уже с 1928—29 г. не будет значительно увеличен темп роста сети начальных школ».

фактически выполнялся, России на много лет пришлось бы довольствоваться той сетью средних (т. е. превышающих «четырехлетку») школ, которая существует в настоящее время[43]). Не надо забывать, что в СССР государство — монополист школьного дела. Только под большим давлением жизни советская власть разрешила в 1926 г. учреждение (на очень тяжелых условиях) небольшого числа частных художественно-профессиональных учебных заведений и промышленно-экономических курсов и под сильным давлением крестьянства согласилась на учреждение в деревнях самим населением так называемых «договорных» начальных школ[44]). Что же касается средней школы, то не будет преувеличением сказать, что разрешение частной средней школы равнозначно отказу от большевицкой диктатуры.

В советской педагогической прессе нет недостатка в голосах, критикующих упомянутое постановление декрета о всеобщем обучении[45]). Однако, внимательное рассмотрение данных школьной статистики показывает, что и «стабилизация» средней школы отнюдь не есть нечто случайное, но составляет основную тенденцию школьной политики советской власти. Так из опубликованной в «Бюллетене ЦСУ» (1925, № 107) таблицы, выражающей процентное отношение различных типов школ и учащихся в них к количеству их в 1923 г., видно, что до 1925 г. неизменно, хотя и очень медленно, рос только самый низший вид школы — четырехлетка. Все другие виды школ сокращались в числе, не говоря уже о детских садах, школах-коммунах и детских домах, испытавших прямо катастрофическое сокращение[46]). При этом, однако, рост числа учащихся не соответствует росту начальной школы и находится даже в прямом противоречии к сокращению школы средней. Советская печать сама называет это несоответствие между спросом населения на школы и недостаточным предложением их со стороны правительства «культурными ножницами[47]). Справед-

[43]) За исключением впрочем нескольких отсталых округов, где установленное декретом отношение еще не достигнуто.

[44]) Довольно суровые правила открытия таких школ в РСФСР опубликованы в № 12 «Еженедельника Наркомпроса РСФСР» (1926 г.). Кроме того еще в 1923 году, под давлением «восточной политики», была разрешена мусульманская школа при татарских мечетях. По постоянным жалобам советской печати (напр. «Правда», 1926, № 197), школа эта процветает, в противоположность хиреющей государственной татарской школе.

[45]) Срв., напр., статью И. М. Богданова, в «Народ. Просв.», 1926, № 1, стр. 40, многочисленные статьи различных авторов в сборниках «Подготовительные работы по всеобщему обучению» (3 выпуска) и «Вопросы всеобщего обучения» (3 выпуска) и др.; об этом см. статью Н. Ф. Новожилова: «Литература о всеобщем обучении» в «Русск. школе за рубежом», 1927—28, кн. 26-я.

[46]) В 1921—22 г. в РСФСР было детских садов и очагов 4.204 с 221.000 детей, в 1923—24 только 941 с 44.500 детьми, в 1926—27 г. — 1.145 с 59.400 детьми.

[47]) Срв., напр., «Народ. Просв.», 1926, № 2, стр. 36 сл.

ливо можно было бы говорить здесь об «отчаянной борьбе между обществом и властью» за среднюю школу[48]). Чем кончится эта борьба, сейчас трудно еще предвидеть. Последние статистические данные указывают, что, несмотря на правительственную политику «стабилизации» всех повышенных типов школы, последние, под неудержимым напором населения и объективной потребности страны в повышенном образовании, продолжают расти и за 1926 год даже в степени, превышающей рост начальной школы. Если число начальных школ повысилось за 1926 г. на 6,1%, а число учащихся в них на 2,9%, то число школ-семилеток возросло на 12,9%, а школ-девятилеток — на 8,4%, число же учащихся в них соответственно на 14 и 13,4%. Даже число школ II ступени возросло на 0,8%, а число учащихся в них на 7,3%. И это несмотря на то, что на Украине как школы II ст., так и школы-девятилетки совершенно упразднены[49]). Вполне понятно поэтому, что еще в 1925 г. официальный бюллетень Центр. Стат. Управления писал: «Поскольку с сокращением школ II-ой ступени были связаны надежды на ликвидацию «перепроизводства» лиц, получающих общее среднее образование и не имеющих возможности получить дальнейшую профессиональную подготовку в вузах (высших учебных заведениях), эти надежды надо считать неоправдавшимися, чему причиной, надо полагать, является наличие непрекращающейся тяги населения к среднему образованию»[50]).

Из этого любопытного признания мы узнаем и о мотивах этой тенденции советской школьной политики расширить сеть начального образования за счет среднего. Тенденция эта отнюдь не есть плод одной только фактической невозможности, проистекающей из недостатка средств, учителей и т. д. Она

---

[48]) Срв. цит. статью В. Розенберга («Русск. Школа», № 19—20, стр. 15). Эта борьба продолжается по сей день, как об этом свидетельствует «Еженедельник Наркомпроса РСФСР» (1928 г., № 22, стр. 3): «Во многих районах совершенно отчетливо наметилось замедление роста школ всеобщего обучения с одновременным усилением темпа развертывания школ повышенного типа. Так, по петербургской области рост контингента учащихся в школах I ст. определился в 2,4%, при росте контингента школ повышенного типа на 4,1%. Такое положение приводит к тому, что повышенное образование развивается за счет роста сети школ всеобщего обучения и качества их работы, о чем свидетельствует уменьшение учебно-хозяйственных норм по школам I ст.».

[49]) Срв. «Статист. Обозр.», 1927, № 8, стр. 96 сл.

[50]) Это естественно ведет к возрастающему переполнению школы, что опять таки влечет за собой дальнейшее понижение качественного ее уровня. «Основная тенденция в развитии школьного дела за минувший год (1924—25) есть повышение нагрузки школы и учителя, за счет каковой и сбалансирован прирост учащихся при некоторой стабилизации школьной сети и педагогического состава». Это ведет, конечно, к двойному ущербу: 1) «увеличение нагрузки учителя вредно отражается на ходе занятий», и 2) все усиливающаяся перенаселенность школьных помещений «знаменует резкое ухудшение школьных гигиенических условий жизни детей и школьной работы». Срв. «Бюллетень ЦСУ», № 92, стр. 10, 11, 22.

есть результат сознательного стремления сократить кадры студентов высших учебных заведений и, следовательно, также и тех лиц, которые, на основании полученного ими среднего образования, могут притязать на поступление в университет и в высшую школу вообще. Здесь не место входить в характеристику высшей школы в современной России. Укажем только, что одной из характернейших черт развития её за последние годы является установление numerus clausus'a для студентов всех факультетов и последовательное, год за годом возрастающее, сокращение этого зафиксированного контингента. Как далеко отошла советская педагогика периода НЭП'а от своей первоначальной идеологии 1918 года, когда она провозглашала всеобщность и обязательность всех ступеней обучения и объявила даже высшие учебные заведения открытыми для всех желающих, начиная с 16-тилетнего возраста! И как трогательно совпадает она в этой своей тенденции со старым режимом, тоже пуще всего боявшимся образования слишком больших кадров «безработного интеллигентного пролетариата»! Правда, и в данном случае советская власть пытается обосновать свою новую тенденцию правоверно-марксистским образом. Так как советский «вуз» (высшее учебное заведение) не есть буржуазный университет, притязающий быть очагом чистой науки, а, по неомарксистскому определению, имеет своей задачей «подготовлять специалистов-организаторов в определенные отрасли народного хозяйства»[51]), то, следовательно, и «производство» этих «специалистов-организаторов» должно в точности соответствовать «заявкам» на них соответствующих главков Совнархоза (Главных Управлений Совета Народного Хозяйства), а также других ведомств (Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомзема и т. д.). Таким именно образом отчет Украинского Наркомпроса за 1924 год обосновывает предположенное на 1925 год сокращение на одну треть приема студентов в высшие учебные заведения[52]). А что касается РСФСР, то та же тенденция достаточно характеризуется следующими цифрами: если на 1 янв. 1924 г. число студентов всех высших уч. зав. составляло в РСФСР 160.773, то в след. году оно уменьшилось до 121.802, а на 1 янв. 1926 г. студентов числилось уже только 110.780. Здесь не место вдаваться в обсуждение того, действительно ли народное хозяйство современной России уже пресыщено «специалистами организаторами». Много фактов, среди них приглашение довольно значительного числа иностранных инженеров, говорит против этого предположения. Во всяком случае, бесспорно одно: не жалея средств и усилий на создание своей, коммунистически мыслящей интеллигенции, советская власть ревниво старается пре-

[51]) Так дословно гласит определение высш. учебн. заведений в «Положении о Советских Вузах», 1922 г.

[52]) Срв. «Народное Просвещение на Украине», Харьков, 1925.

дупредить умножение кадров интеллигенции, которой она не может и не доверяет дать работу. Абсолютистский принцип «профессиональной» педагогики окончательно торжествует здесь над демократическим принципом единой школы. Вместо того, чтобы обеспечивать каждому лицу соответствующее его способностям и склонностям продвижение по ступеням образования, образовательный путь учащегося в советской школьной системе определяется хозяйственными и государственными потребностями, как они извне устанавливаются начальственным авторитетом. Практика «стабилизации» среднего образования с необходимостью вытекает из «профессиональной» идеологии советской школьной политики. Отказ от принципа единой школы находит здесь свое самое яркое выражение.

IV. Духовное содержание сов. школы. — Вырождение идеи трудовой школы.

Трудовая школа в настоящем смысле слова, понимаемая, как школа активная (а так ее понимают не только «буржуазные» Запад и Америка, но так понимала ее и коммунистическая педагогика первого периода), предполагает высокий уровень школьной жизни, как материальной, так и духовной. Общее же снижение и примитивизация школы, составляющие основную тенденцию советской школьной политики последних лет, является мало пригодным условием для преодоления обычного в школе механизма. Однако, в данном случае дело не в одной только действительности, слишком далеко еще отстоящей от идеала. Как и в вопросе об единой школе, советская школьная политика, начиная с НЭП'а, есть последовательный и все более сознательный отказ от самого принципа трудовой школы в установленном выше смысле слова. Уже в Уставе 1923 г. мы находим новое определение трудовой школы, существенно разнящееся от «Положения» 1918 года. «Вся работа в школе и весь строй жизни ее, гласит Устав (п. 35), должны способствовать выработке в учащихся классового пролетарского самосознания и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно и подготовке к полезной производительной и общественно-политической деятельности». «В основу работы школы кладется всестороннее теоретическое и практическое изучение трудовой деятельности людей и ее организации. Вся работа по ознакомлению с силами и явлениями природы, жизнью общества в настоящем и прошлом концентрируется около этого стержневого вопроса» (п. 32). Таким образом речь идет уже не столько о том, чтобы пассивное обучение заменить активным, связанным с самостоятельностью детей и самостоятельным творчеством учителя, сколько о том, чтобы воспитать «классовое» (т. е. коммунистическое) сознание. «Трудовая деятельность», являющаяся стержнем всего преподавания, есть отныне не что иное, как марксистская догма классовой борьбы, долженствующая, по удачному

выражению одного влиятельного «попутчика» новой формации, «быть внедренной в головы учащихся»[53]). Первоначальная идеология трудовой школы, ставившая целью последней самостоятельность ученика и всестороннее («политехническое») развитие его личности, предоставлявшая и учителю неограниченную свободу творчества, объявляется при этом явно «преждевременной»: она применима лишь тогда, когда будет осуществлена высшая фаза коммунизма — сверхклассовое общество, не знающее ни государства ни права и руководствующееся, по слову Ленина, «несложными основными правилами всякого человеческого общежития», «необходимость соблюдения» которых к тому же «станет очень скоро привычкой»[54]). Мы же переживаем сейчас «переходный период диктатуры пролетариата». В этот переходный период задача школы может быть только одна: воспитать из ученика «сознательного борца за идеалы коммунизма», т. е. сделать его адептом марксистской теории классовой борьбы. Так идея труда, как активности и самодеятельности личности учащегося, подменяется идеей классовой борьбы, как универсальным принципом объяснения действительности[55]).

Учебные планы ГУС'а (госуд. ученого совета), введенные в школу в 1923 году, являются ярким выражением этой подмены[56]). Согласно этим, отныне уже безусловно обязательным, а не только примерным (как раньше) программам, весь материал обучения распределяется по трем «колонкам»: в центре стоит «труд», а по обеим сторонам его — «природа» и «общество». Отдельные учебные предметы в старом смысле (родной язык, математика, история, естествознание и т. д.) упраздняются, и притом не только в младших классах, но во всех классах обеих ступеней, превращаясь в стороны сложных единых тем («комплексов»), на которые должен разбиваться весь проходимый в школе материал. Так в первом году обучения такой центральной комплексной темой служит «трудовая жизнь семьи в деревне и городском квартале». «Времена года», с одной стороны, «семья и школа», с другой, стоят в этом году в боковых «колонках» природы и общества. Во втором году обучения центральная тема расширяется: это уже—«трудовая жизнь в деревне или городском квартале, в котором живет ребенок». Соответственно этому расширяется и материал обучения обеих боковых колонок. Это, с одной стороны, «воздух, вода, почва, окружающие человека культурные растения и

---

[53]) См. учебник нынешнего столпа коммунист. педагогики А. Пинкевича «Педагогика», Т. 2. Изд. «Трудовая Школа». М. 1925, стр. 33.

[54]) Срв. Ленин: «Государство и Революция», 1918, Петрогр., стр. 96.

[55]) Кроме Пинкевича см. цит. уже выше «Педагогическую Хрестоматию», под ред. Преображенского, т. II.

[56]) «Новые программы для единой трудовой школы». Гиз. М., вып. I. 1923. Перепечатано также в «Педагогической Хрестоматии», т. II.

животные и уход за ними», а, с другой, «общественные учреждения в деревне или городе» (в городской школе, напр., вода, как явление природы, изучается одновременно с управлением водопроводом городского совета и т. п.). В третьем году в центре обучения стоит уже «хозяйство местного края». В левой колонке мы имеем: «элементарные наблюдения (сведения) из физики и химии, общественные учреждения губернии или области, картины из прошлого местного края». Четвертый год обучения (возраст 11—12-ти лет) имеет центральной темой «хозяйство РСФСР и других государств». Соответственно этому в левой колонке стоит «география России и других стран, жизнь человеческого тела», а справа: «государственный строй России и других государств, картины из прошлого человечества»[57]).

Читатель, быть может, с удивлением спросит, куда же делись в этом учебном плане столь обычные в первых четырех годах предметы обучения, как чтение и письмо, счет и рисование, ручная работа и пение. Официальная записка к программам на это отвечает, что о них не сказано ничего потому, что «относительно объема этих навыков, подлежащих усвоению в том или ином году, существует меньше спора и больше согласия». — «Все эти навыки не должны по возможности занимать особых уроков, усвоение их не должно принимать формы особых упражнений, но они должны усваиваться в процессе проработки приведенного выше материала»[58]). В таком случае в особенности следует поставить вопрос: в состоянии ли этот материал развить указанные навыки, да и вообще какую бы то ни было самодеятельность учащегося? Достаточно бросить самый беглый взгляд на приведенную выше схему, чтобы сразу же отрицательно ответить на этот вопрос. «Хозяйство местного края», также как «государственное хозяйство РСФСР» есть для 12—13-летнего ребенка (даже городского, не говоря уже о сельском) отвлеченный, ничего не говорящий его душе материал, который в лучшем случае может быть только пассивно им воспринят или даже наизусть заучен. Для происходящей здесь подмены труда, как активности, трудом, как марксистской догмой об'яснения действительности, особенно характерно, как понимаются при этом самые «навыки». В отличие от окончательного текста схемы в одном из проектов последней[59]) «навыки» составляют особую рубрику, делясь в свою очередь на три подрубрики: «общество», «речь» и «математические навыки». При этом под «общественными навыками» разумеются: в первом году — «элементарные социальные навыки», во втором — «общественные учреждения в деревне или районе», в третьем — «общее представление о РСФСР

[57]) Все цитаты взяты из официального текста. Курсив наш.

[58]) «Педагогич. Хрестоматия», т. II, ст. Н. Крупской.

[59]) См. «На путях к новой школе», 1922, № 3, стр. 5.

и капитализме» и, наконец, в четвертом — «историко-культурные картины, международное положение РСФСР и ее основные задачи». Эта замена «наблюдений» — «сведениями», «навыков» — «представлениями» и «картинами» при полном отсутствии такого, казалось бы, важного навыка, как ручной труд, чрезвычайно характерна: она является естественным следствием поставленной школе задачи — «внедрить в головы» десятилетних детей замысловатый арсенал марксистской догмы.

Еще последовательнее та же марксистская схема проведена в учебных планах второй ступени. Так в первом году первого «концентра» (пятый год обучения) в центре стоит «добывающая сельско-хозяйственная промышленность, ее виды и формы». Сюда относятся: 1. «Характеристика земледельческих районов СССР. Обработка и удобрение почвы. Орудия труда в сельском хозяйстве. Уход за растениями. Культурные растения в сельском хозяйстве. Скотоводство, птицеводство и т. п. Мелкое или крупное хозяйство. 2. Земледелие на Западе и в Америке. Результаты применения науки к земледелию». К первой колонке «природа» здесь отнесены: 1. «Физика и химия, поскольку они нужны для понимания климата, жизни растений. 2. Почва. Почвы России. 3. Наблюдения за погодой. Метеорология. Климат России. 4. Жизнь растений, зависимость от окружающих условий. Распределение растительности по СССР. Животное царство. влияние образа жизни на организм. Животные, имеющие полжительное и отрицательное значение для сельского хозяйства». Наконец, третья колонка («общественная жизнь») включает в себя: «Крестьяне и помещики. Крепостное право. Борьба крестьян против помещиков. Крестьянство и царь. Крымская война. Освобождение крестьян. Малоземелие и бесправие крестьян. Выкупные платежи. Крестьянское и помещичье хозяйство. Союз рабочих и крестьян. Завоевание власти. Закон о земле. Борьба крестьян в Зап. Европе. Жакерия. Крестьянская война. Великая Французская Революция». Чтобы окончательно убедиться в том, что средняя колонка «трудовой деятельности» представляет собою не активный труд самих учащихся, а пассивно заучиваемый догматический материал, имеющий своим содержанием труд других, приведем еще содержание средней «колонки» последних трех лет обучения. В седьмом году обучения стоит: «Хаос в общественной организации труда при капитализме, непроизводительная растрата производительных сил. Планомерное хозяйство страны при коммунизме. Роль учета. Рационализация производства. Советский строй, как переходный от капитализма к коммунизму». Восьмой год обучения посвящен «истории труда», а девятый год — «научной организации труда».

Если опять таки читатель спросит, как же обстоит дело с обычными так называемыми формальными предметами, в роде родного языка, математики, иностранных языков, наконец, — рисования и ручного труда, которые, казалось

бы, именно для трудовой школы должны были бы иметь особое значение, то он найдет на это следующий ответ: «Схема предполагает, что родной язык, математика, искусство, труд (очевидно, ручной труд) являются лишь средствами изучения данного материала»[60]). Что касается, в частности, родного и иностранного языков, то сосредоточение их вокруг «труда» сводится, в сущности, лишь к искусственному подбору материала для чтения в зависимости не от его легкости и понятности для данного возраста, а от его содержания и политической тенденции: так охарактеризованный выше пятый год обучения посвящен исключительно чтению сочинений, описывающих крестьянскую жизнь, историю крестьянских войн и т. п.

Этот метод, который советская педагогика считала еще недавно одним из своих главных открытий, получил название «комплексного». Согласно официальному определению, «под комплексом следует понимать конкретную сложность явлений, взятых из действительности и объединенных вокруг определенной центральной темы или идеи»[61]). Нельзя сказать, чтобы определение это отличалось точностью и отчетливостью. И не мудрено: оно есть плод приспособления характерной для всей современной педагогики идеи синтетического преподавания к потребностям коммунистической педагогики. Смысл идеи синтетического преподавания, одновременно высказанной в Зап. Европе (Кершенштейнер, Феррьер, Декроли, Лигтхарт), в Америке (Дьюи) и в России (еще К. Д. Ушинский, Л. Толстой, С. Шацкий), заключается в том, что преподавание должно на первой ступени обучения исходить не из отвлеченных логически-простых элементов, расположенных в систематическом порядке и распределенных на отдельные замкнутые в себе научные «предметы», а из непосредственно окружающей ребенка «сложной» действительности, единой постольку, поскольку она есть поприще жизненной активности ребенка, но с точки зрения научной системы представляющей собою аггрегат частных «эпизодов». Чтобы быть конкретным, т. е. связанным с активностью ребенка, обучение и должно исходить из этих близких ему эпизодов, того, что непосредственно окружает его как самая жизнь, которой активным соучастником он является. Это не значит, однако, что оно должно при этих эпизодах оставаться. Напротив, задача «эпизодического курса обучения» заключается в том, чтобы учащийся почувствовал позади множественных эпизодов единство логически расчлененной научной системы, которая, однако, должна не навязываться ему извне, а только просвечивать в эпизодах, как искомое их объяснение. В меру роста личности ребенка, расширения окружающей его «родины», познаватель-

[60]) Срв. «Общее примечание к схеме программы второй ступени».

[61]) Срв. «Методическое письмо о комплексном преподавании», сост. научно-педагог. секцией ГУС'а, в. I. М. 1923 г.

ный интерес его будет все более освобождаться от первоначально сковывающей его «прагматичности», так что ум его потребует сам системы, логической расчлененности и полноты. Эпизодический курс к этому времени должен будет смениться «систематическим», по необходимости расчлененным на отдельные научные предметы. На этой высшей ступени обучения синтетичность может означать только взаимозависимость (interdépendance) отдельных предметов, т. е. взаимное согласование заключенного в них материала, но отнюдь не их полную отмену. Таким образом правильно понятый принцип синтетического преподавания менее всего отрицает систему, как таковую, и расчленение ее на отдельные научные предметы. То, что им отрицается, есть лишь пассивно-догматический способ, которым система навязывается уму ребенка извне, как готовая догма. Система не должна быть заучиваема механически, но должна помочь учащемуся научно объяснить накопившийся уже у него, в результате его самодеятельности, опыт. Постольку система остается имманентной целью также и внешне, казалось бы, отрицающего ее эпизодического курса. Поэтому вполне обоснованно этот начальный курс обучения часто называется также «пропедевтическим», т. е. вводящим в систему[62]). В основе синтетического обучения лежит таким образом тот же самый принцип, который мы нашли в основе единой школы — принцип личности учащегося и его самодеятельности, составляющий сущность всякой подлинной трудовой школы (в отличие от школы профессиональной или партийной). И как отрицание этого принципа коммунистической педагогикой переходного времени (периода «пролетарской диктатуры») ведет к отказу от единой школы, точно так же и синтетическое обучение необходимо вырождается в советской педагогике в пассивно-догматическое. Всё «открытие» советской педагогики сводится здесь, как и во многих других случаях, к присвоению и марксистски-догматическому искажению чужого принципа. Ведь даже самое деление на три колонки — труда, природы и общества — есть чужое добро. Как известно, оно встречается у бельгийца Декроли и голландца Лигтхарта. Но если эти последние под трудом понимают личную активность учащегося, которая в процессе обучения расширяется и одновременно освобождается в меру наполнения ее объективными содержаниями природного и социального порядка, то в «комплексном методе» официальной советской педагогики она подменивается отвлеченной и бесплодной догмой классовой борьбы. Совершенно в духе этой теории «комплексный метод» связывается в советской педагогике с принципиальным и абсолютным отрицанием научной системы, как «порождения буржуазного духа». Наука ведь есть

[62]) Срв. к этому гл. 4, 10 и 11 книги С. И. Гессена: «Основы Педагогики», Берлин. Изд. «Слово». 1923 г.

не что иное, как только «надстройка», «отражение в сознании» и «орудие» производственных отношений. Нет чистой, автономной, собственному закону подчиненной и свою систему образующей науки. «Чистая наука есть лицемерная выдумка буржуазии». В этом отрицании научной системы, как таковой, кроется и последнее основание отрицания коммунистической дидактикой и предметного метода преподавания: преподавание должно происходить не согласно отдельным «предметам», отражающим яко бы внутреннее деление самой науки, но согласно «производственным отношениям», которых бессознательным отражением являются и предметы и самая наука. Отсюда та всеобщность, на которую претендует в советской педагогике комплексный метод. Это отнюдь не есть только метод начального, элементарного преподавания. Вся школа в целом, включая университет и высшую школу вообще, должна перейти на этот метод преподавания. Отсюда также те надежды, которые возлагаются на комплексный метод: многие советские педагоги от него именно ждут даже нарождения той страстно желанной «пролетарской» науки, которая должна заменить науку «буржуазную»[63]). Что взгляд этот привел к перестройке всех русских университетов в направлении утилитарного профессионализма, а на Украине и к замене университетов отдельными «целевыми» институтами, было отмечено уже выше[64]).

Чрезвычайно интересно, что те коммунисты, которые видят особую заслугу марксизма в том цинизме, с которым он разоблачает всякую «идеологию», сами отнюдь не скрывают того, что коммунистическое понимание трудовой школы необходимо ведет к отказу от трудового начала. Вместо того, чтобы быть новым качеством школьной работы, организацией ее в духе активной и самодеятельной проработки материала преподавания учениками, трудовой принцип в новом советском понимании означает лишь перемену содержания этого материала в смысле универсального и догматически навязываемого принципа объяснения действительности. А это необходимо возвращает школу назад, на путь механически заучиваемых, извне в голову учащихся «внедряемых» сведений. Если вводятся вновь обязательные программы, обязательные учебники, если, одним словом, меняется прежде всего и во что бы то ни стало содержание школьной работы, а не его качество, как этого хочет радикальная «буржуазная» педагогика, то причем тут еще «трудовая школа»? Ведь «тут изучение исходит не из среды природы, не заключает в себе трудовые методы, а проводится по книжкам и программам, которые имеют быть выработанными», справедливо гово-

---

[63]) Срв., например, наивную книжечку некоего Каменева: «Комплексный метод». Екатеринбург, 1923 г.

[64]) Гл. 2 этой статьи.

рит одобряющий эту эволюцию заместитель комиссара народного просв. РСФСР проф. М. Покровский[65]). Путь, пройденный советской педагогикой в понимании ею трудовой школы, формулирован здесь с цинической откровенностью.

Что таким образом все преподавание в школе приносится в жертву Молоху коммунизма, — это прекрасно сознают сами руководящие деятели советской школы. Со всеми оговорками, чрезвычайно осторожно не только «попутчики» (как А. Пинкевич), но даже составители официальных программ ГУС'а смягчают крайний марксизм новых учебных планов, указывая, что в старших классах «комплексный метод заключается не в уничтожении отдельных предметов, а в возможной координации их материала между собою и вокруг стержневой колонны труда»[66]). Наука, без которой в конце концов и советское государство не может обойтись, обнаруживается тем самым как подлинная реальность, которую совсем не так легко отменить, как это думает марксизм, видящий в ней лишь ирреальную «надстройку» над производственными отношениями. Вопреки марксистской схоластике, наука и покоющаяся на ней школа оказываются не простой надстройкой над единственно будто бы реальной классовой борьбой, а автономной культурной реальностью, которая обладает своей собственной логикой, своим собственным законом развития и отрицание которой мстит само за себя[67]).

И действительно, было бы очень наивно думать, что охарактеризованные выше учебные планы, несмотря на всю свою обязательность, фактически были введены в школу. Что это не так, об этом подробно и много говорит советская педагогическая пресса, которая странным образом скорее даже хвалит это обстоятельство. Так в официальном органе наркомпроса РСФСР мы читаем: «Часто слабейшие учителя кричат «осанна» всем новым педагогическим лозунгам центра, никем еще не проверенным на практике и в условиях массовой школы, может, даже вредным новшеством. Такие угодливые и чрезмерно приспосабливающиеся элементы, насмешливо обзываемые «выдвиженцами», представляют начальству дутые схемы, планы и комплексы, дутые отчеты и дутые выставки, подводя этим своих более серьезных и добросовестных товарищей, ко-

---

[65]) Срв. «Новые программы для единой трудовой школы». Гиз. Москва, вып. I. 1923 г., стр. 14.

[66]) Там-же, стр. 98. Срв. А. Пинкевич: «Трудовая школа». М. 1924 г. Сейчас, когда, как увидим ниже, идет полный отказ от учебных планов 1923 г., который нужно как-нибудь оправдать, М. Пистрак даже заявляет: «Было бы глубоко неправильно думать, что схема ГУС'а вообще уничтожает отдельные школьные дисциплины, что отдельный предмет не имеет никаких своих собственных задач». Срв. с этим утверждением хотя бы приведенные выше под №№58 и 68 дословные цитаты из официального текста программ.

[67]) Это еще задолго до войны ясно видел Жорес: Срв. его «Bernstein et l'évolution de la méthode socialiste» 1900. (Перепеч. в «Pages choisies», 1922, стр. 385).

торые ко всякому новому делу, в том числе и к программам ГУС'а, подходят с осторожностью и вдумчивостью, боясь исковеркать ребят постоянным перескакиванием от одного лозунга, от одного метода к другому»[68]). К счастью для русской школы, большинство русского учительства относится именно к этим «более серьезным и добросовестным» учителям. Оставшись на своем посту, несмотря на невозможные, по слову самого Луначарского[69]), условия жизни, они спасли русскую школу от окончательного развала.

Об этом подробно рассказывает сам Луначарский[70]): «Большинство школ перешли на предметный метод, считая, однако, что они применяют комплекс, потому что он вкраплен в преподавание. Программа у них, примерно, такая: «овца», арифметика, письмо и т. д... Овца — это оказывается комплекс, овцу они приносят в жертву этому методу, а потом учат по старинке». Практика выработала много таких обязательных комплексных тем. Самые распространенные из них: «Октябрьская революция», «Ленин как вождь пролетариата», «первое мая» и т. д... Приуроченные к определенным годовщинам, темы эти существенно сокращают отведенное для «предметов» учебное время, нарекания на что мы все чаще встречаем в советской прессе[71]). О том же, как трактуются указанные темы, превосходно повествует официальный орган наркомпроса Белорусской республики[72]). При обучении комплексу «Ленин», например, разбирают хозяйственные отношения симбирской (ныне ульяновской, месторождение Ленина) губернии, знакомятся с географией Швейцарии, где, как известно, Ленин долго жил в качестве эмигранта и т. п.

Если таким образом новый метод не утвердился в начальной школе, то тем менее удалось ему это в средней. По словам руководителя методической секции наркомпроса РСФСР[73]), и в школе второй ступени преподавание происходит фактически по предметам. Правда, ряд предметов исчез из школьной программы: латинский язык, история литературы, также история и новые языки. Всюду зато введено «обществоведение», но почти всюду именно как отдельный предмет, большей частью преподаваемый коммунистом и потому обособленный от других предметов. Но главные предметы старой школы, как родной язык, математика, естествознание и физика, а также гео-

[68]) «Народное Просвещение», 1926 г. № 1, стр. 112—113. — По этому же поводу С. Шацкий говорит («Нар. Просв.», 1926 г., № 4—5, стр. 65): «Если мы посмотрим, с одной стороны, на то, что вышло, можно будет совершенно определенно сказать, что Гусовские программы так, как нам бы этого хотелось, в жизнь не прошли».

[69]) Срв. «Известия» 1926 г., № 224.

[70]) «Нар. Просв.», 1926 г., № 2, стр. 28.

[71]) Срв. «Нар. Просв.» 1926 г., № 1, статья Н. Рожкова.

[72]) «Асьвета», Минск, 1926 г., № 7, стр. 47 сл.

[73]) «Нар. Просв.», 1926 г., № 1, стр. 57 (статья М. Пистрака), стр. 67, статья Н. Рожкова.

графия остались. «Фактически школьные работники обычно переносили содержание центральной колонки направо и налево, почти ничего в ней не оставляя. Например, естественники, физик и химик брали одну часть работы, а обществник другую, и центральная колонка исчезала, тем более, что в школе еще не было принято фиксировать внимание ребенка на труде». Соответственно этому комплексный метод на деле все больше превращался в простое механическое окрашивание фактически разрозненных отдельных предметов марксистской догмой. Неудивительно, что сам Луначарский уже в начале 1926 г. заговорил о «кризисе комплексного метода»[74]). И действительно, в каждой новой книжке органа Наркомпроса РСФСР мы встречаем сплошные жалобы на отвлеченность, безжизненность, недоступность учащимся новых учебных планов. А в январьской книжке того же журнала за 1927 г. мы находим уже и первый отчет о работах новой комиссии, долженствующей выработать опять уже новые учебные планы вместо так быстро устаревших программ 1923 года.

Оказавшись бессильными утвердиться в школьной действительности, новые учебные планы, однако, окончательно разложили школьное преподавание. Каждая книжка любого педагогического советского журнала за два последних года полна жалоб на невозможно низкий уровень фактического преподавания в школе. Советская печать прямо вопит о культивируемой в школе «безграмотности». Вот что говорит по этому поводу Н. Рожков в официальном «Народном Просвещении»[75]): «В наших школах из рук вон плохо поставлена грамотность. Всякая — и техническая (письмо, счет, чтение) и общая (толковое, твердое, ясное знание элементарных сведений по обществоведению, естествознанию и географии, физике, математике и т. д.). Этим больны школы начальные и школы повышенного типа. Безграмотность учащихся на фоне общего оздоровления жизни подмечена широкими слоями трудящихся, и советская общественность совершенно заслуженно упрекает школу в этом, настоятельно требуя перемены курса в этом деле. Поднят вопрос о качественном улучшении «производства». Последнее время центральная и местная печать ставит на своих страницах вопрос о ликвидации неграмотности в среде учащихся. Правда, речь, главным образом и чаще всего ведется о слабой подготовке оканчивающих семилетки или вторую ступень по политграмоте, но проверка пропускаемых в техникумы, в ВУЗ'ы показала, что анекдоты получаются не с одним только обществоведением. Обнаружилось полное незнание основ математики (ариф-

[74]) «Нар. Просв.», № 2. Чрезвычайно интересная дискуссия о комплексном методе велась в начале 1927 г. на столбцах петербургской вечерней «Красной Газеты» (особенно интересны статьи Ю. И. Фаусек и «Естественника»).

[75]) «Народн. Просв.», 1926 г., № 1, стр. 67.

метики, алгебры, геометрии), физики, слабы познания и в других областях программы. Говорить о безграмотности (катастрофической) письма прямо не приходится: она поразительна. Это особенно отмечают сами учителя. В своем размере безграмотны и ребята школ первой ступени. Если пока трудно винить в этом сельскую массовую школу (много причин), то о школе городской можно говорить с другим настроением. При четырехлетнем обучении безграмотность в городской школе могла бы быть не такой ужасной. Дети переходят во вторую ступень без достаточных навыков толкового выразительного чтения, без складного, грамотного письма, без сознательного умения в начальной математике». Еще только одна цитата из другого журнала, в котором опубликованы результаты обследования одной семилетней школы в Москве(!): «Довольно высокий % детей не знает, ниже какого градуса замерзает вода (23,3%) и какими приборами измеряют температуру (20,2%)». «Невольно поражаешься провалами в знаниях учащихся по обществоведению, географии и арифметике»[76]).

Марксистское отрицание идеальной закономерности науки и школы, понимание ее как простой ирреальной «надстройки» над производственными отношениями оказалось утопией. Оказалось, что идеальные закономерности в мире царствуют с непреложностью, не уступающей необходимости реальных законов природы. И как нельзя безнаказанно нарушать эти последние, точно так же не проходит даром утопический бунт против идеальных закономерностей мира. Разрушительная сила, которую и в данном случае только и удалось развить коммунистической утопии, явилась лучшим свидетельством того, что об идеальную закономерность мира можно ушибиться не в меньшей мере, чем о физические законы вещества.

V. Третья фаза советской педагогики: «новая культурная политика» и живые силы русской школы.

Дорогую цену пришлось заплатить русскому народу за то, чтобы руководители коммунистической школьной педагогики в конце концов сами пришли к признанию самозаконно-

---

[76]) «На путях к новой школе», 1926 г., № 2, стр. 81. — Срв. также «Впечатления экзаменатора» («Красная Газета», № 1205). Автор статьи, известный преподаватель физики Я. Перельман, пишет: «Что же оказалось? Хотя среди экзаменующихся преобладали окончившие не семь, а даже девять классов, их подготовка по математике и физике оказалась ниже всяких ожиданий. На экзаменах предъявлялись лишь самые минимальные требования; пришлось понизить их против программы из опасения провалить чуть не всех экзаменующихся и не набрать нужного контингента. Главный же и самый худший недочет, обнаружившийся на экзаменах — неумение работать математическим орудием, полное отсутствие трудовых навыков в области математики. Учащиеся в наших трудовых школах, повидимому, лишь ознакомляются с содержанием математических дисциплин, но не изучают их, не овладевают ими до степени уверенного распоряжения своими знаниями для практического их применения». Характерный результат для школы, называющей себя «трудовой».

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 511 - 530

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

сти школы, внутренней невозможности превратить школу в простое орудие «государственной пропаганды коммунизма». Тем самым мы приходим к третьему периоду советской школьной политики, который начался около двух лет тому назад и результаты которого еще не могут быть подытожены. Этот третий период следовало бы по праву назвать «периодом новой культурной политики»: в области культурно-просветительной он означает то же самое, что НЭП, новая экономическая политика, означала в хозяйственной области. Если существо НЭП'а состояло в восстановлении во время так называемой «диктатуры пролетариата» элементов капиталистического хозяйства, то и новая культурная политика характеризуется тем же беспринципным стремлением восстановить все существенные элементы старой пассивной школы при сохранении фасада так называемой «трудовой школы», продолжающей еще формально существовать. Впрочем, связь между НЭП'ом и третьим периодом советской школьной политики идет еще глубже. Новая экономическая политика явилась в результате давления государственного интереса, с одной стороны, и крестьянства, с другой. Новая культурная политика вызвана явно теми же факторами. Пока государство не «разбито», а только еще «завоевано» коммунистической партией, оно нуждается в образованных чиновниках, так называемых «спецах» (специалистах). Эта вторая цель советской школы вступает во все большее противоречие с главной ее целью — воспитания коммунистической «смены». В задачу статьи не входит изложение университетской политики сов. школы, которая за последние годы представляет собою все более открытое восстановление того, что издавна принадлежало к самому существу университета, как такового, и что еще недавно отвергалось советскими педагогами, как «буржуазное»[77]). Здесь необходимо отметить только: стремление к уничтожению, по крайней мере в РСФСР, вновь грани, проведенной было между высшими учебн. заведениями и отделёнными от них исследовательскими институтами, т. е. признание недавно еще отвергавшегося положения об единстве преподавания и исследования в высшей школе; восстановление ученой степени (доктора), ограничение так называемого «классового принципа» при приеме в высшие учебные заведения; введение специальных приемных испытаний; заметная разгрузка учебных планов от обязательных политических предметов; частичное восстановление прежних факультетов и т. д. В соответствии с этим и школе второй ступени ставится теперь задача приспособить всю программу к требованиям университетского преподавания. Явно признается, что, не будучи тру-

[77]) Срв. богато документированную статью проф. М. М. Новикова (б. ректора московск. ун.) о высшей школе в России в «Русск. Шк. за руб.», 1926 г., № 19—20.

довой, старая школа эту задачу (подготовки к университету) выполняла лучше школы нынешней[78]).

Этим давлением университетского преподавания и следует, повидимому, объяснить циркуляры и постановления последних годов, восстанавливающие в средней школе ряд старых предметов. Так прежде всего в программу второй ступени вновь вводятся иностранные языки, и притом — «как особый предмет». «При некоторых условиях» допускается даже введение иностранных языков в программу третьей и четвертой группы первой ступени, хотя этим, в явное противоречие принципу единой школы, еще более усугубляется различие между девятилеткой и более элементарными типами школы. Отметим также, что в новейшем проекте учебного плана правая колонка (общество) делится уже на две «подколонки» — «современность и история», что на простом языке означает восстановление истории и географии, как особых предметов[79]). Что, наконец, неминуемо и явное признание разделенного по предметам систематического курса обучения, — об этом свидетельствует следующее новое «открытие» Луначарского: «Надо так вести комплексное преподавание, чтобы преподаватель отмечал у себя, какие знания получают дети, для того, чтобы эти знания хорошо суммировать в конце года или в другом году, чтобы они уложились в голове учащегося в стройную систему. На это нам придется обратить особое и сугубое внимание. В этом деле служит свою службу повторный систематический курс, особенно для старших детей, которым это помогает проверить и систематизировать знания»[80]).

Мы имеем перед собою уже явный отказ от принципа «комплексного метода» в его специфически коммунистическом понимании, все острие которого заключалось именно в отрицании всякой научной системы, в требовании, чтобы все преподавание центрировалось исключительно вокруг идеи труда в марксистском смысле «производственных отношений». Уже упоминавшийся проект учебного плана 1926 года двигался как раз в этом направлении признания отдельных предметов научной системы, как таковой. При этом составители его вполне сознавали, что в нем речь идет уже о совсем новом принципе, и что ограничиться чисто механическими частичными улучшениями старой схемы невозможно. «Всякая механическая переправка или перестройка нарушила бы (ее) стройность и свела бы схему на нет. Пришлось приступить к созданию схемы заново, учитывая те требования, которые перед нами выдвигает сегодняшний день»[81]). И, конечно, не случайно, что хранители коммунистического правоверия —

[78]) Срв. статью М. Пистрака в «Народн. Просв.», 1926 г., № 1.
[79]) «Известия», 1926 г., № 45. «На путях к новой школе», 1926 г., № 9, стр. 70 сл.
[80]) «Народный Учитель», 1926 г., № 2, стр. 27.
[81]) См. прим. 78-е.

Н. Крупская и П. Блонский, упрекали новый проект в том, что в программе исчезло слово «социализм», и что «программа заканчивающему семилетку не дает определенного мировоззрения»[82]).

Этот новый проект, ставший уже в 1927—28 г. официальным учебным планом, отличался от программы 1923 года в обоих главных пунктах этих программ: 1) он уничтожал прославленное деление на три колонки (труда, общества и природы) и 2) восстанавливал отдельные предметы, как таковые. Мы находим в нем уже даже след. примерную сетку учебных часов для I концентра II ступени (в скобках число недельных часов для 5-го, 6-го и 7-го годов обучения). математика (4, 4, 5), физика (4, 4, 4), химия (0, 2, 2), естествознание (4, 4, 4), география (1, 1, 1), родн. язык и литература (4, 4, 4), обществоведение (4, 4, 4), иностранный язык (3, 3, 3), изобразительные искусства (2, 2, 2), труд в мастерской (3, 3, 3), физическая культура (1, 1, 1), пение и музыка (2, 2, 2); всего (32, 34, 35)[83]). Чтобы оправдать это возвращение назад — к практике пассивной школы, автор новых программ, М. Пистрак, не останавливался перед утверждением, что и старая «схема» ГУС'а означала не отрицание отдельных дисциплин, а утверждение их в новом плане образовательной работы и общей системе воспитания[84]). Как после наступления НЭП'а была создана благочестивая легенда о том, что неудавшаяся попытка коммунизма была не настоящим, а только вызванным империалистической и гражданской войной «военным» коммунизмом, так и новая школьная попытка вызвала к жизни благочестивую легенду о комплексном методе, будто бы и не собиравшемся никогда отменять систематического строения буржуазной науки. — Здесь нет возможности проследить в подробностях поучительную борьбу внутри ГУС'а вокруг новых проэктов. Наконец, в конце 1927 года и в самом начале 1928 года в издании государственного издательства в шести выпусках вышли «Программы и методические записки единой трудовой школы»[85]), кото-

---

[82]) «Народн. Просв.», 1926 г., № 3, стр. 129.

[83]) Срв. «На путях к новой школе», 1926 г., № 9, стр. 73. В этом номере журнала научно-методической секции Гос. Уч. Совета опубликованы новые программы для первых двух лет обучения и для первого концентра второй ступени (5—7-го годов обучения) вместе с объяснительной к ним запиской М. Пистрака. Ко всему «кризису комплексного метода» — срв. превосходные, богато документированные статьи А. Бема: «Школа в Сов. России» и «Новый этап сов. педагогики» («Русск. Школа за рубежом», № 19—20 и 23).

[84]) «На путях к новой школе», 1926 г., № 9, стр. 51.

[85]) Народный комиссариат просвещения РСФСР: «Программы и методические записки единой трудовой школы». В. I. Городские и сельские школы I ст. Программы. М. 1928 г. — В. II. Методические записки к программам. М. 1928 г. — В. III I-й концентр городской школы II ст. М. 1927 г. — В. IV-й. I-й концентр сельской школы II-й ст.

рые самым решительным образом кладут конец всей шумихе с «комплексом». Курьезно, что эти новые программы вышли в Москве почти одновременно с выходом в Париже запоздавшего французского перевода комплексных программ 1923 г., в предисловии к которым французский друг новой России рекомендует их как величайшее достижение советской педагогики. Здесь уже нет места для подробного разбора новых программ, носящих все черты обычных «предметных» и «буржуазных» школьных программ. Укажем только, что даже в начальной школе восстановлены «предметы», даже начальная школа получила табель уроков и т. д.

Чрезвычайно интересен и поучителен этот процесс саморазрушения «комплекса», весь первоначальный пафос которого заключался именно в поглощении марксистски понятым «трудом» всех «буржуазных» в своей мнимой самостоятельности научных дисциплин. Раньше всего было допущено преподавать «вне комплекса» математику, физику, естествознание, которых в сущности никогда толком не удавалось в него втиснуть[86]). Затем от «искусственной и надуманной увязки с комплексной темой» были освобождены иностранные языки, география и родной язык; в последние два года в правящих педагогических сферах шла решительная борьба за восстановление истории и даже истории литературы, как самостоятельных предметов[87]). Предвидеть предел описанного процесса было нетрудно: «комплекс», первоначально представлявший собою все, универсальную тему обучения, отдельными «подтемами» которой являлся весь материал преподавания, свернулся в конце концов в один обособленный, хотя и привилегированный предмет обучения, который правильно было бы назвать не «обществоведением», а «марксистской политграмотой». «Комплекс» так. обр. стал тем, чем он в сущности был с самого начала, — марксистскою догмой «производственных отношений», разоблаченной, однако, в своем бессилии стать действительным центром синтетического преподавания...

Через школу второй ступени давление университетского преподавания, т. е. требований научности, передается, наконец, также и начальной школе. Если для семилетней школы выставляется требование, чтобы она давала «минимум фор-

---

М. 1927 г. — В. V. II-й концентр школы II ст. Программы общеобразовательных предметов. М.—П. 1927 г. — В. VI. II-й концентр школы II ст. Программы специальных предметов. М. 1927 г.

[86]) «В одной московской школе не остановились и перед тем, чтобы во время прохождения подтемы «кошка», мерить хвост кошке в целях увязки с арифметикой», смеется над такими попытками М. Эпштейн (один из видных деятелей Наркомпроса). См. «Очередн. вопросы соц. воспитания», «Учит. Газета», 1926 г., № 24.

[87]) Занимательные моменты этой борьбы см. в отчете о заседании пленума ГУС'а, посвященном вопросу о преподавании истории и литературы в школе («На путях к новой школе», 1926 г., № 5—6, стр. 61—85).

мальных знаний и навыков, необходимых для поступления в техникум», то для начальной школы — чтобы была установлена «договоренность со школой второй ступени относительно объема знаний по языку, математике, природоведению, географии и объема развития»[88]).

Здесь, в четырехлетней народной школе, требования университетского преподавания и государственного интереса встречаются с требованиями крестьянства. В «Р. Шк. за рубежом» (№ 15—16, стр. 275) рассказывалось уже, как в одной сельской школе, при попытке учителя ввести Дальтон-план, вмешались крестьяне и потребовали «учить по настоящему». «Нельзя считать, читаем мы в педагогическом официозе «На путях к новой школе»[89]), что претензии крестьянства к школе объясняются его темнотой, непониманием задач новой школы. Надо уметь выделить из этих суждений то, что является вполне здравыми и основательными требованиями. Несомненно, школа должна удовлетворять требованиям населения относительно навыков элементарной грамотности»[90]). «Крестьянство требует не столько увеличения школьной сети, сколько улучшения качества школы, т. е. оборудования, постановки преподавания, снабжения учебными принадлежностями и т. д... Наиболее волнующее и острое, что затрагивали буквально все крестьяне, беседовавшие с нами в школе, — это об умении читать и писать». Часто обучающийся третий год в школе не может прочесть новое объявление или написать необходимое заявление, и «это вызывает естественное раздражение и недоверие к новой совтской школе». Волнует крестьянство и острый недостаток в школах. В одной воронежской губернии в текущем году было отказано в приеме в школу более чем 20.000 крестьянским детям. Крестьяне часто, особенно в Сибири и Поволжьи, «по своему собственному почину берутся за постройку школьных зданий и за организацию примитивных школ». Понятно, что в этих случаях крестьяне и предъявляют свои требования к постановке преподавания в школе. Активность крестьянства в вопросе о школе уже сейчас заставляет задуматься сов. начальство[91]). «Потребность крестьянства в начальном образовании, пишет официальный орган Наркомпроса РСФСР, настолько велика, что оно, не считаясь с затратами, через голову отделов нар. образования, открывает новые

[88]) «Народн. Просв.», 1926 г., № 1, стр. 69 (статья М. Пистрака).

[89]) «На путях к новой школе», 1926 г., № 9, стр. 49.

[90]) «Школа часто упускает из виду одну из важнейших своих задач — вооружить ребенка умением писать, читать и считать, важнейшую как потому, что без этих умений нельзя всерьез говорить о социалистическом воспитании детской массы, так и потому, что школа, отстающая в отношении формальных навыков, вызывает отрицательное к себе отношение со стороны рабоче-крестьянского населения». («На путях к новой школе», 1926 г., № 9, стр. 18).

[91]) Статья «О нуждах сельской школы», «Правда», 1926 г., № 93.

школы. Мы стоим перед опасностью выпустить вожжи из своих рук. Открытие договорных школ является для нас серьезным предупреждением... Открывая договорные школы, крестьянство стихийно ускоряет темп развития народного образования, который его не удовлетворяет, и корректирует советскую систему народного образования»[92]). «Крестьянство подчас не ждет осуществления наших планов и само строит школу — своими средствами и силами. Это хорошо и плохо. Хорошо тем, что таким путем мы подходим к моменту осуществления всеобщего обучения в стране; плохо тем, что школы, строящиеся исключительно руками крестьянства, без материального участия соответствующих советских органов, не всегда обеспечивают нам выдержанность нашей советской просвещенской линии, часто они становятся орудием антисоветской политики в руках кулацких элементов деревни»[93]).

Подобными сообщениями и опасениями советская пресса — как педагогическая, так и общая — буквально переполнена. Обстоятельство это чрезвычайно знаменательно. Оно показывает, что позади процесса разложения старого, орудием чего и была на деле коммунистическая школьная политика, зачинается новое, здоровое и внутренне-крепкое движение. Как и в других областях, так и в области школы следует избегать грубой ошибки отождествления России и русского народа с советской властью. Если за десять лет непрерывно сменявшихся проектов, планов, программ, или «дерганья», как охарактеризовал всю политику Наркомпроса сам А. И. Рыков[94]), советской властью было сделано что-либо прочное в области школы, то это было лишь дело коренного разрушения старого. Следует ли отсюда, что русская школа ничего не испытала, кроме процесса разрушения? Сказать это — значило бы погрешить против объективности и забыть, что Россия не есть советская власть и что, кроме последней, в России существует еще, хотя и придавленный режимом диктатуры, но все же живущий и с каждым годом проявляющий все большую активность многомиллионный народ. Война и революция не прошли бесследно для основной массы русского населения — крестьянства. Встряхнутое пережитым вихрем, крестьянство получило новый, острый вкус к школе и оказывает все большее и большее давление на власть в школьном деле. Весьма вероятно, что будущая русская школа будет более приспособленной к потребностям широких масс населения, чем школа дореволюционная.

Чрезвычайно поучителен этот исход борьбы коммунистической власти с идеальной закономерностью науки и школы, высшую реальность которой она, следуя марксистской догме, столь дерзновенно пыталась отрицать. Вооруженная всем ап-

---

[92]) «Народн. Просв.», 1926 г., № 2, стр. 36—37.

[93]) «Учит. Газета», № 26 (1926 г.).

[94]) Речь Рыкова о «болезни дерганья» на V Всеросс. съезде заведующих губ. отдел. нар. образ. «Нар. Просв., 1926 г., № 6.

паратом государственного принуждения, советская власть в конце концов принуждена была отступить перед чисто духовной силой, сокрытой во внутренней логике науки и педагогики. Но идеальная закономерность в мире действует всегда с помощью людей: чтобы проявляться в эмпирической действительности, она нуждается в реальных факторах, в живых людях и общественных группах как своих носителях. С двумя такими факторами мы уже познакомились выше: давление государства и давление крестьянства, одинаково нуждающихся в хорошей школе, заставили советскую власть в первую очередь изменить направление своей школьной политики. Третьим таким фактором являются бесспорно многочисленные живущие в России национальности. Довольно сильный рост иноязычной школы среди отсталых в культурном отношении национальных меньшинств, живущих в России, бесспорен[95]). Революция встряхнула многие из них от вековой спячки, они также тянутся к школе, и сов. власть спешит удовлетворить их требования. Правда, здесь много еще коммунистической фразеологии в духе того нового «восточного коммунизма», о котором Уэльс остроумно сказал, что он подменяет молот рабочего экзотической национальной пляской. Но, бесспорно, здесь много и здоровой потребности и начало прочного движения, которое в будущем уже не так легко будет остановить[96]). И замечательно, что чем дальше идет строительство национальной культуры отдельных народностей России, с какой то лихорадочной спешкой стремящихся создать свою народную интеллигенцию, тем более коммунистическая фразеология становится ширмой, прикрывающей враждебное ей содержание.

---

[95]) Быстрый количественный рост иноязычной национальной школы не подлежит сомнению. Это, однако, не противоречит статистическим данным 3-й главы, ибо при расширении этой школы речь идет не столько об учреждении новых школ, сколько о замене старых с русским языком преподавания иноязычными. Этим именно обстоятельством сама сов. пресса объясняет возрастание безработицы среди русского учительства. «Учит. Газета» в 1926 г. (см. № 98) насчитывала во всем СССР 41.872 безработных «просвещенца» и объясняла рост резработицы «массовым переводом школ первой ступени в национ. районах на родной язык».

[96]) Однако, и в области национальной школы достижения сов. власти не очень велики. — «Целый ряд национальных меньшинств, говорит Г. Гасилов, давно работающий в области национального просвещения, обслуживается школой очень незначительно, все еще далеко отставая от общего уровня. Так, например, % охвата детей школьного возраста в 1926—27 уч. году в РСФСР в среднем по всем национальным меньшинствам доходил до 35%, причем, поднимаясь по отдельным национальностям до 70% (финны), он опускается иногда до 5—8% (северные народы, латгальцы). Общий рост числа нац. начальных школ выражается след. цифрами: 1924—25 г. — 3.674 шк., % роста по сравнению с предшествующим годом — 21,8, 1925—26 г. — 4.710 шк., рост — 28,0%, 1926—27 г. — 5.336 шк., рост — 13,3%. Сеть нац. школ повышенного типа крайне недостаточна. Так, на 5.336 нач. школ в среднем имеется только 178 шк. повышенного типа, т. е. на 1 нац. школу повышенного типа приходится около 30 нач. школ.; по некоторым же национальностям эта цифра увеличи-

Однако самой главной из живых сил русской школы, сохранивших ее от разрушения и вынесших на своих плечах натиск коммунистической утопии, является, конечно, русское учительство. Не следует забывать, что настоящая работа в школе в конце концов выполняется учителем, а не школьной администрацией. Более же чем двухсоттысячная армия русского учительства, хотя и очень изменилась в своем составе за последние девять лет, но лишь в самой незначительной степени оказалась затронутой коммунизмом. Согласно данным партийной статистики, опубликованным к XIV съезду РКП (б), число коммунистов среди учителей в 1926 г. не достигало и 2,5%[97]). По последним данным ЦСУ о партийном составе всех учтенных 320.683 работников просвещения СССР (без Украины) членами коммунистической партии состоят 31.213 чел., что составляет 9,7%, членами комсомола — 28.953 ч. (9,0); беспартийных — 260.517 ч. (81,3%). В то время как по политпросвету % партийных работников и членов комсомола доходит до 43,6%, по соцвосу % этот снижается до 11,5% (партийцев — 5,2%, комсомольцев — 6,3%), а по профобру — 10,5% (6,3 и 3,2). Такое соотношение наблюдается почти по всем республикам[98]). В общем русский учитель остался верен традиции русской демократической педагогики. Еще при старом режиме между властью, с одной стороны, и обществом и учительством, с другой, шла упорная борьба за школу, в которой медленно, но неуклонно фактически победителем оставалось общество. В неизмеримо более тяжелых условия борьба эта продолжается и сейчас. Оставшись на своем посту в школе, русский учитель продолжает вести свою ответственную и трудную работу с прежним упорством и, часто, с прежним энтузиазмом, стараясь итти путем, который ему подсказывает здравый смысл, его наука и педагогика, и, где это только возможно, игнорируя навязываемую ему извне задачу — «внедрения в головы учащихся коммунизма». Самая механическая отвлеченность этой задачи, также как и идейная скудость коммунистической догмы помогает ему в этом. На его стороне, наконец, и объективная сила вещей: внутренняя логика самой школы, по существу своему не могущей превра-

---

вается вдвое и больше... Из 48 нац. меньшинств РСФСР обеспечены национальным учебником для всех лет обучения начальной школы только 13 национальностей; для 3 лет обучения — 5 национальностей; для 1 или 2 лет обучения — 22 национальности и, наконец, 8 национальностей совсем еще не имеют национ. учебника... Обрисованное положение обостряется еще тем обстоятельством, что по ряду национальностей имеется значительная сеть конфессиональных религиозных школ» («Работник Просвещения», 1928 г., № 8, стр. 25 сл.).

[97]) Срв. «Партийные и профессиональные кооперативные органы и госаппарат». К XIV съезду РКП (б). Гиз. М. 1926. За то в административном аппарате % коммунистов повышается до 20-ти, а в центральных адм. органах до 36-ти и даже («ответств. работники») до 48,9.

[98]) «Работник Просвещения», 1927, № 17—18.

титься в простое орудие коммунистической пропаганды, и — что еще существеннее — объективные потребности жизни, требующей от оканчивающих школу грамотности, знания математики, физики, языков, естествознания, истории, а не одного только коммунистического умонастроения.

В силу присущей ей отвлеченности и механизма, советская педагогика сумела только окончательно закрепить разрушение старой школы, но оказалась бессильной создать что либо новое и прочное[99]). Только этой образовавшейся таким образом пустотой можно объяснить, что, несмотря на свое невозможное материальное и правовое положение[100]), русский учитель не только охраняет школу от окончательного разрушения, но и пытается самостоятельно творить в новом, независимом от советской идеологии, направлении. При этом творчество это отнюдь не ограничивается теми немногими опытно-показательными учреждениями, в которых, благодаря своеобразному дарованному им советской властью политико-педагогическому иммунитету, продолжается живая традиция старой русской школы «свободного воспитания», но захватывает также и массовую школу. Учительство пользуется при этом всеми возможностями, открываемыми ему официальными планами, программами и лозунгами. На первом месте здесь стоит так наз. «краеведческое движение», согласно которому, с одной стороны, школа должна стать центром исследования местного края, а, с другой, местный край должен стать исходным пунктом школьного преподавания. В этом именно направлении учительство все время пыталось использовать «комплексный метод» и вернуть ему его педагогический смысл, искаженный официальным марксизмом. Обширная литература — в том числе множество учебников, хрестоматий, методических руководств разного рода, в которых отдельные области России разработаны индивидуальным образом применительно к потребностям естественно-научного, языкового, географического и исторического преподавания, — является богатым плодом этого недавно еще начавшегося движения. Целый ряд первоклассных ученых и научных учреждений (в том числе и петербургская Академия Наук) принимает живое участие в разработке этой «областной педагогики». Интересно также связанное с краеведением оживление экскурсионного дела, о чем свидетельствует ряд появившихся превосходных руководств, посвященных этому вопросу. С тем же движением связано поддерживаемое новейшим «национализмом» советской власти

---

[99]) Для первого периода уже сам М. Пистрак признает, что тогда в сущности лишь «приходилось заниматься разрушением и разбиванием старой школы». «На путях...» 1926, № 9, стр. 46.

[100]) На пятом съезде завед. губ. отд. нар. обр. сам А. В. Луначарский назвал положение это «неудовлетворительным», положение же учительницы (сельской) — «во всех отношениях беззащитным». «Учит. Газета», 1926, № 21.

(украинизация, белоруссизация и т. д.) стремление связать изучение литературного языка с местным диалектом. В области методики родного языка наблюдается вообще особенное оживление, о чем свидетельствует интересная выработанная состоявшимся в Петербурге в 1921 г. съездом преподавателей русского языка новая программа этого предмета[101]). Именно от этой программы, сочетающей в себе требования прогрессивной общественной педагогики с итогами последних достижений русской филологической науки, и будет, по всей вероятности, отправляться грядущая новая русская школа, а не от устаревшей программы старой русской школы, сохранившейся еще только в некоторых эмигрантских школах.

Особенно замечательно, что все это движение педагогической мысли и практики идет совершенно независимо от советской педагогики, а часто и в оппозиции к ней. Оно в лучшем случае только терпится советской властью, и во главе его стоят не советские педагоги, а представители прежней русской педагогической традиции, до войны боровшейся за обновление русской школы. Это педагогическое движение свидетельствует о том, что русский учитель понимает «труд» не так, как то ему предписывает коммунистическая педагогика, а так, как его понимают во всем мире, т. е. как самодеятельность и активность учащегося. К развитию этих начал в школе, т. е. к идеалу подлинно трудовой школы, общему у него с лучшими представителями западно-европейской и американской педагогики, а не к разрушенному прошлому русской школы обращен взор русского учительства. Им определяются и его интересы и его попытки самостоятельного творчества. Пожать плоды этого процесса — пока еще только процесса брожения и неоформившихся начинаний — сможет однако только то поколение, которое освободится и в области школы от мертвящего гнета коммунистической диктатуры.

Проф. С. Гессен и Н. Новожилов.

---

[101]) Срв. «Родной язык в школе», 1923, № 1. Перепечатано в «Русской Школе за рубежом», 1923, № 2—3.

Национальная традиция и школа

Один из величайших государственных умов нашей современности и горячий патриот Раймонд Пуанкаре в речи своей на открытии международной конференции сказал между прочим несколько золотых слов о значении так называемой «национальной традиции». По его мнению, сохранение «национальной традиции в полной мере не только обеспечивает самое существование независимых наций, но является, кроме того, вообще гарантией всякого прогресса и цивилизации».

«К какой бы стране мы ни принадлежали, — говорит он, — мы прежде всего граждане своей страны. Как бы высоко ни было дерево, оно не может существовать без глубоких корней»...

Из многочисленных и многообразных «корней», питающих независимость наций, определяющих национальные особенности их государственности, а равно и их место в общей работе человечества, главнейшими являются родной язык и воспитание в подрастающих юных поколениях национального мировоззрения, т. е. знания жизни своей страны и душевного к ней тяготения. Те народности или части их, которые в силу тех или иных исторических катаклизмов теряют непосредственную связь с родной землей, — бывают обречены на утрату чувства национальности, если утрачивают свой родной язык и получают и свое образование и все понимание окружающего их мира под чуждым углом зрения.

Говоря об утрате родного языка, мы разумеем не только одно лишь формальное забвение его, не одну безграмотность разговорной речи или письма, не одно лишь обеднение запаса слов или неполное понимание выражаемых понятий. Язык народа не только формальный, но и духовный его орган: он хранит в себе всю сокровищницу его миросозерцания, его истории, быта, его духовных устремлений и достижений, — все чувствование им национальной жизни. Забывая язык, нации забывают свое прошлое, перестают понимать связь и преемственность с ним своего настоящего, меняют свое мировоззрение, т. е. денационализируются.

К сожалению, далеко не все это понимают, и мало кто с этим считается. Значительная часть нашей эмиграции, как-то легко и не задумываясь, относится к этой простой и несложной истине. Только сравнительно немногие на деле осуществляют охрану будущих поколений от денационализации, предпочитая для своих детей русское воспитание и поддерживая посильно соответствующие русские образовательные учреждения.

Между тем прискорбное явление, всем очевидное, хотя и не для всех одинаково больное, — денационализация молодых эмигрантских поколений с каждым годом растет и ра-

стет. Факт бесспорный: большой процент этого молодого поколения перерождается в иностранцев по духу и по языку.

Что же это за сила, которая так быстро и решительно побеждает влияние семьи, проникнутой, может быть, самым искренним и горячим желанием сохранить своих детей русскими?

Для меня, пишущего эти строки, ответ ясен: эта могучая сила есть получение русскими детьми образования в иностранных школах, главным образом, в средних.

В самом деле, ведь в иностранной школе ребенок получает прежде всего новый язык, который быстро для него становится родным: на нем он изо дня в день читает, пишет, говорит, думает, закрепляет его в себе формальным усвоением; на нем же получает он начала всяких наук и знаний, из которых значительная часть связана с творчеством, историей, бытом, всеми достижениями этого чужого народного гения; эти новые идеи и познания преподносятся ему освещенными под углом зрения «любви к отечеству и народной гордости», конечно, не своих; таким образом, мало-по-малу, незримо для семьи выковывается все его миросозерцание, иное чем у его отцов, создается целый комплекс уже не родных, а чуждых «национальных традиций».

Так как вся вышеописанная интеллектуальная обработка происходит, главным образом, в средней школе, то мы определенно утверждаем, что никакая другая школа так скоро и основательно не способна национализировать ребенка-иностранца, как средняя. Отдайте десятилетнего поляка, русского, француза на восемь лет в немецкую или шведскую школу, и вы получите из этих детей немцев и шведов и по языку и по духу. Это неизбежно. Нам лично известны случаи, когда дети прежнего русского посольского духовенства в Стокгольме и Копенгагене, поступивши по необходимости в местные средние школы, становились настоящими шведами и датчанами и оставались навсегда в этих странах. Русские ученики французских лицеев, уже после недолгого, сравнительно, пребывания в них, даже между собой играют и ссорятся только по-французски. Как характерный образец быстрой утраты под влиянием иностранной средней школы чутья языка и всякой вообще «национальной традиции», приведем одну «русскую» работу «русского» юноши, пробывшего всего только три последних старших класса в иностранной гимназии. Орфография исправлена. «Киев один из самых ветхих городов России и был прежде жилищем славянского идолопоклонения. После он сделался гнездом христианства в этих окружностях. Он поставлен по правой стороне Днепра и он построен на довольно отрывистых холмах, которые (исправл.: превозвышают реку) царствуют над рекой. Наиболее елегантская улица, которая соединяет разнообразные части города, называется собой Кречатник. Она (исправл.: окружена, обордирована) установлена большими готелями и шикарными магазинами. Живописное состояние и позолочен-

ные купола множественных церквей придают Киеву особую отпечатку. Печерск самый знаменитый монастырь; он замечательный своими поземельными часовнями. Киев центр продукции сахара, и коммерция семенов также очень значительна».

Таков этот «человеческий документ»... Можно себе представить как говорят, пишут и чувствуют свою родину русские дети, пробывшие в иностранной школе по восьми или десяти лет...

Многие родители утешают себя тем, что дома их дети говорят и читают по-русски, посещают по четвергам русские уроки, ходят в русскую церковь и т. п. Все это в действительности происходит обыкновенно не так регулярно; но если даже где-нибудь это и делается систематически, то все-таки это ничто, малая капля в сравнении с проводимым строго методически и планомерно влиянием и воздействием той могучей образовательной и воспитательной силы, какую представляет собою средняя школа со всем арсеналом ее учебно-воспитательных средств, веками вложенных в ее программы национально-патриотических освещений, личных ежечасных общений учащихся с учителями и товарищами. Да кроме того, много ли свободного времени оставляет такая школа учащемуся в ней иностранцу для выполнения его национальных устремлений? Ведь она берет у него не только то время, которое он в ней проводит, а громадную часть и внешкольного времени и часто едва оставляет ему несколько ночных часов, чтобы *на ее же языке* повидать родные сны свои... Но скоро пропадут и эти сны... Не спасут здесь никакие паллиативы: все это одно самоутешение, отписка перед собственной национальной совестью...

Чужая средняя школа создаст из иностранного ребенка, по духу и по языку, гражданина *своей* страны, который тысячами невидимых нитей, им бессознательно воспринятых, будет связан со своим новым отечеством, давшим ему иное мировоззрение, чем то, коим жили отцы его.

Если мы, говоря об ассимилирующем влиянии иностранной школы, настойчиво останавливались на средней, то это потому, что, по нашему мнению, начальная школа, ни по количеству времени своего воздействия, ни по его элементарности, обыкновенно не одолевает влияния семьи. Более того, мы даже считаем, что в интересах изучения детьми языка данной страны весьма полезно посылать их предварительно в начальную школу, так как в этом возрасте чужой язык воспринимается легче всего. Что же касается до высших школ, где взрослые и вполне сложившиеся люди изучают свои специальности, то о денационализирующем их влиянии говорить не приходится.

Какие же выводы из всего сказанного? Казалось бы, практически этот больной вопрос разрешается так: если семья решает оставить своих детей *навсегда* работать и жить в данной чужой стране, то ей следует отдавать их в средние школы этой страны, ибо в России с такими «Киевами» они

едва ли найдут себе применение. Если же семья предполагает, что жить и работать ея детям придется на родине или только временно в чужой стране, то надо им давать русское среднее образование, ибо в таком случае не за чем переделывать национальную природу ребенка, — надо лишь дать ему, как орудие его временной работы здесь, хорошее знание чужого языка, а это не только возможно в русской средней школе, но это знание русская школа обязана ему дать, существуя в чужой стране. Что касается низшей и высшей иностранной школы, то ими надо всемерно пользоваться в тех странах, где образование народа стоит на такой большой высоте, как, например, во Франции.

Еще один вывод. Если чужая средняя школа обладает такой могучей силой менять язык и весь душевный склад детей других народностей, то ведь не менее сильна и зарубежная русская школа в деле сохранения русскими детьми их родного языка и духовных заветов их великой родины. Таким образом, она является делом огромнейшего государственного и национального значения, имеющим неоспоримое право рассчитывать не только на особое общественное внимание и поддержку, но и на самое любовное и бережное к ней отношение, и это тем более, что творить великое дело свое ей приходится в материальных условиях далеко не таких благоприятных, в каких находятся щедро оплачиваемые своими правительствами ее иностранные сестры.

Старый Педагог.

Стихотворный конкурс учащихся

В феврале тек. года Союз русских писателей и журналистов в Югославии объявил среди учащихся в русских учебных заведениях в королевстве конкурс на соискание премии за написание лучшего стихотворения. Согласно условиям конкурса к участию приглашались лишь учащиеся, не достигшие 20-летнего возраста. Темою авторы не были стеснены, стихотворения должны были только быть оригинальными, лирическими. За лучшие стихотворения назначались похвальные отзывы и три денежных приза. Как обычно, стихотворения должны были быть представлены лишь под девизами, с указанием в запечатанных конвертах фамилий авторов.

Учащиеся откликнулись на приглашение союза, и к сроку (15 апреля) было представлено всего 84 стихотворения 33-х авторов (по условиям конкурса каждый мог доставить не более трех стихотворений).

Избранная правлением союза специальная конкурсная комиссия, в составе Е. А. Елачича (председатель), Ю. Л. Ракитина, С. С. Страхова (секретарь) и В. Н. Челищева, рассмотрев представленные стихотворения, выделила сначала 13 наиболее удачных, а затем уже из них — четыре, признанных за лучшие.

Результаты конкурса были объявлены на публичном заседании правления союза 14 мая, причем трех присутствовавших лауреатов (учащихся в гимназиях Белграда) от имени союза приветствовал председатель правления. К этому приветствию присоединились и все собравшиеся. Отчет о конкурсе правление союза разослало во все русские учебные заведения в Югославии, но результаты конкурса представляют собою, как мне кажется, большой интерес и с чисто педагогической стороны, и мне хочется познакомить с ним педагогов, пользуясь любезным разрешением правления союза и § 11 условий конкурса («Правление союза сохраняет за собою право печатно использовать и другие, т. е. не премированные, представленные на конкурс стихотворения»).

Рассматривая представленные на конкурс стихотворения, надо прежде всего отметить, что нам известны фамилии и возраст только четырех авторов. Незнание возраста юных авторов очень затрудняет относительную оценку их стихотворений, ибо, разумеется, между авторами, не достигшими двадцати лет, может быть огромная разница в развитии, образовании, жизненном опыте.

Многие стихотворения явно написаны авторами, еще едва вышедшими из детского возраста. Их стихотворения очень еще близки (только хуже) к тем, что они учили в своих хрестоматиях, и близки не только по содержанию и по форме, но даже

по выбору слов. Так один автор, под громким девизом «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог!», представил стихотворение «П а с х а»:

Пасха наступила,
Солнышко блестит,
И к нам с колокольни
Благовест летит.

Травка зеленеет,
В ней цветочки милые,
И летают с песнями
Птицы сизокрылые.

Другое стихотворение «З и м н я я в ь ю г а» начинается так:

Ночь. Мороз трескучий в воздухе разлит,
Иней серебристый на кустах лежит».

Но некоторые из этих явно лишь начинающих авторов рядом с видимым перепевом общеизвестных стихов из популярных хрестоматий проявляют стремление выразить и свои неотъемлемо личные переживания. Так некто, под девизом «Всяк своему счастью кузнец», представил три стихотворения, из коих одно — «В е с е н н и й в е ч е р» начинается очень знакомо:

Уж солнце к западу клонится,
За тучи прячется око.

Повеяло прохладой легкой
И в воздухе уже свежо.

Но другое его стихотворение «Д о м о й», столь же неопытное по форме, является уже определенно попыткою выразить лично им пережитое чувство волнения и радости при возвращении из интерната в деревню к родной семье. Искренно описывается тоска по дому, волнения отъезда из постылого города:

Вот, наконец, пришла минута:
Я сел в вагон, и, засвистев,

Вдруг поезд тронулся по рельсам,
В начале тяжко заскрипев.

Далее следует описание дороги, возрастающего нетерпения путника. Наконец, уже близко:

И вижу я наш скромный домик,
Огни в нем весело горят,

И радость, счастье и веселье
Опять в душе моей кипят.

Это он перечувствовал сам, и ценно, что автор пробует облечь эти свои личные переживания в стихотворную форму. Мне кажется, что в этом больше залога успешности в грядущем развитии, чем в ясно обнаруживаемом многими другими авторами стремлении непременно писать стихотворения «идейные», напр., — патриотические. Бо́льшая часть таких стихотворений, описывающих чрезвычайную тоску по родине и скорбь о ее страданиях, явно звучат надуманно. В них больше нарочитой рассудочности, чем подлинного чувства. В описаниях тоски сквозит обычная в подобных стихах гипертрофия чувств:

Отчего я тоскую, страдаю душой,
Отчего я покоя не знаю?

Отчего горько плачу ночною порой,
Все грущу и безмолвно мечтаю?[1]).

[1]) Девиз: «Не в силе Бог, а в правде».

Автор, под девизом «Не унывай», описывает, как ему «что ни ночь» снятся кровавые битвы, трупы. «Больное сердце щемит, бьет в висках молотком»

А утром, когда ночь, как сон, улетит Усталый встаю я с кровати своей,
И яркий луч солнца в окне заблестит, Как после бессонницы неских ночей.

Тут и эта licentia poetica — «неских» — весьма характерна.

Нельзя не отметить, и это весьма грустно, что именно эти чрезвычайно патриотические стихотворения в большинстве своем особенно слабы по форме и производят явное впечатление неискренности. Точно авторы уже привыкли произносить ассортимент «сильных» выражений о родине, и их не коробит, что о любви к родине, этом нежном, глубоком чувстве, они говорят холодными трафаретами. И также неискренно и надуманно звучат призывы юных авторов к русскому народу:

Только лишь верою твердою в Бога,
Только молитвой святой
Можем воздвигнуть мы Русь от обжога:
С смелой душой молодой
Проснитесь христьяне, проснитесь душою,
Воздвигнем мы Родину вновь.
Проснитесь славяне, с душой молодою,
Прольем за Россию мы кровь!

Так высокопарно призывает автор под девизом «Вера, честность и смелость спасут Россию», а другой автор, взявший себе девизом ошибочно цитируемый им стих Пушкина: «Не шайка воронов слеталась на груды тлеющих костей», взывает еще громче в длинном стихотворении «К Родине»:

О, братья, к вам я обращаюсь:
Воспряньте ж, наконец, душой!
Восстаньте на врага грозою!
Сорвите цепи рабства с вас!...

и кончает таким советом:

Вы разгоните чрезвычайку,
Ее властителей — зверей,
И уничтожьте эту шайку
Международных палачей!

Тем приятнее констатировать, что все же на ряду с такими трескучими псевдопатриотическими стихами встречаются и простые, искренние, не деланные.

Не обошлось и без стихотворений, в коих юные авторы парадировали свою жизненную зрелость бесшабашным оплеванием того, что принято чтить. С бахвальством самых отчаянных всеотрицателей пишет некто, под девизом «P. S.»:

Сначала я страдал, молился...
Все близко к сердцу принимал,
Роптал на Бога, но смирился
И все ко всем чертям послал.
Теперь ничто меня не тронет:
Ни ласка женщины, ни плач...
Ни детский лепет, ни страданья,
Для всех душа моя — палач.
Теперь ничто меня не тронет,
Я все святое схоронил
И всей душою презираю
Несправедливый Божий мир!

А другой автор, под девизом «Пезе»; в стихотворении «Тьма» с еще большею резкостью (которая вероятно кажется

самому автору верхом дерзновенности) отвечает на вопрос «Где правый путь?»:

Кругом бесформенная муть...
Потому что уж нет больше Бога!
Нет больше власти!
Заснул наш Бог!
От зла людей он изнемог!
Распускай во всю прыть свои страсти!!!
Все бабья сказка,
Нет мира душ!
Вся жизнь в бнении баклуш...
Сгниешь... и вся развязка!!!

Но таких больных настроений, к счастью, очень мало. Приятно отметить, что эротический элемент внес только один единственный автор (под девизом «A Dieu mon âme»), который полагает, что «любовь не в красивых словах»,

А в вакхическом жгучем вине
И в безумных объятьях любви,
В знойных ласках и страстном огне,
В стонах томных на женской груди.

Как то и следовало ожидать, многие стихотворения являются навеенными альбомною поэзиею, песенками Вертинского и тому подобною литературою дурного вкуса. Нельзя не пожалеть тех юных авторов, которые черпают свое вдохновение не в подражании настоящим «Божиею милостью» поэтам, а дешевеньким стишкам стиля провинциальных институтских альбомов, с гипертрофиею чувств и неизменно однообразным арсеналом поэтической бутафории. Так один из авторов, взявший себе прекрасный девиз «Вечно стремися душою к прекрасному», обнаруживает в своем стихотворении неспособность отличить прекрасное от пошлого:

Я вас любил всей силою души,
Любил, в тоске изнемогая,
Но не цветут в дни сумрачной весны
Цветы безоблачного мая.

Кому нравится этот стиль, тот еще не скоро дойдет до понимания глубины и красоты настоящей русской поэзии. Не далеко от подобных стихотворений ушли и те, которые являются подражаниями слабым стихотворениям Апухтина:

Смутные, жуткие, грезы печальные,
Лица неясные, речи забытые,
Все вы являетесь, образы дальние,
Мною когда то давно пережитые.
Душу больную страдать заставляете,
Все не даете покоя забвения.
Раны закрытые вновь раскрываете,
Мучите сердце былыми сомненьями[2]).

Это та же гипертрофия чувств, тот же дурной вкус, и только внешне, по форме, стихи несколько звучнее. Оставляя в стороне другие, в общем очень не зрелые и просто слабые стихотворные опыты, хочется отметить и выделить те, в которых несомненно чувствуется и умение владеть стихом и, главное, стремление по своему выражать свои переживания.

[2]) Девиз: «За одно мгновенье счастья безграничного серой жизни годы долгие отдам».

Так технически довольно удачно стихотворение «Листья осенние» (девиз — «Красота спасет мир»), хотя в нем еще очень сильны следы подражания:

Листья увядшие медленно падают,
Кружатся, ветром гонимые... Носятся
В танце осеннем печальные...
Просятся
В страны прекрасные, дальние.

Листья, как бабочки, пестрые, яркие
В воздухе кружатся, в воздухе
плавают,
Точно хотят вернуть дни
невозвратные,
Но обессилевши, мертвые падают.

В этом же роде пишет автор под девизом «Пустынник»:

Волна за волною на берег морской
Ложатся с шуршащей, щемящей
тоской;
Чуть вспенится гребень, последний
извив,

След пены на камне, и новый прилив,
Часами и днями, годами, всегда —
Все та же, все та же бежит череда...

Очень искренно звучит маленькое стихотворение под девизом «Всегда и везде вперед!»:

Сказочка.

Где ты теперь, моя сказочка
прежняя,
Грезы любви молодой,
Песенки грустные, песенки нежные,
Где вы? — Зачем не со мной?

— Нет больше песен... Прощальною
ноткою
Эта еще прозвучит...
Жаль мою сказочку, тихую, кроткую.
Сказочка, где ты? — Молчит...

Здесь автору удалось приблизиться к той простоте и краткости, которыя так отличают стихотворения больших и подлинных поэтов от многословия стихослагателей.

Хочется отметить еще два, хотя и не получивших премии, но все же очень талантливых стихотворения, несомненно свидетельствующих о подлинной даровитости юных авторов. Первое из них, под девизом «Л», принадлежит автору, получившему за другое свое стихотворение 4-ый приз (Л. Я. Девель), а второе — автору, получившему за другое свое стихотворение 3-ий приз (девиз «Alea» — К. В. Троцкий).

Спит земля безмятежная.
Дремлет небо морозное.
Людям — розсыпи снежные,
Небу — розсыпи звездные...
Люди страсти и голода
Не внимают в беспечности

Этим розсыпям холода,
Этим розсыпям вечности.
Только миг наслаждаются
Своей радостью зыбкою...
И навеки сливаются
С ледяною улыбкою.

***

Льет луна холодное сияние.
Ночь лиловая беззвучна и бездонна.
На развалинах немое изваяние —
Мраморная белая Мадонна.

Неподвижны и густы ночные тени,
Бледным золотом рассыпалась звезда.
Я приду и встану на колени,
Я смотрю, Мадонна, на тебя.

Льет луна холодное сияние,
Ночь лиловая беззвучна и бездонна.
На развалинах немое изваяние —
Мраморная мертвая Мадонна.

Мне, лично, кажется, что по своей самостоятельности, выразительности и звучности произведения этих двух авторов не уступают тем, которым присуждены две высшие премии.

При своем окончательном и очень трудном выборе четырех стихотворений, долженствующих быть выделенными на первое, второе, третье и четвертое места, конкурсная комиссия, конечно, руководствовалась различными критериями. Не последним аргументом было и само содержание, тема стихотворения, и в этом отношении каждому близкое настроение и содержание стихотворений «Снежные хлопья» и «Родные образы» послужили к тому, что именно им было отдано преимущество.

Первый приз (похвальный отзыв и денежная премия в 250 динаров) присужден за стихотворение «Снежные хлопья», оказавшееся принадлежащим кадету VI класса русского кадетского корпуса в Сараеве Кириллу Александровичу Евреинову (род. 3 апр. 1908 г.).

Снежные хлопья на темных деревьях нависли,
Звезды-снежинки, бесшумно мелькая, летят.
Острой тоскою пронизаны скорбные мысли,
Жутко таящие верный, но медленный яд.
Может быть, тучи, гонимые ветром восточным,
Слезы замученных в этих снежинках несли?
С ними сольются и смерзнут под небом полночным
Горькие слезы изгнанников Русской земли.
Снежною далью, величием русской равнины
Веют снежинки, мелькая в безвыходной мгле;
С ними примчались под небо суровой чужбины
Чудные сказки о Русской далекой земле.
Русские души, томимые скорбью и гневом,
В час, когда думы поникшие головы жгут, —
Чутко внимают восточного ветра напевам,
Верят и чуда с надеждою тайною ждут!

Это бесспорно хорошее стихотворение безотносительно к возрасту автора. Просто хорошо. Оно проникнуто большою искренностью, оно врезывается в память и вызывает отклик в душе читающего.

Второй приз (похвальный отзыв и денежная премия в 150 динаров) присужден за стихотворение «Родные образы», оказавшееся принадлежащим ученице VIII кл. I русско-сербской гимназии в Белграде Магдалине Александровне Петряевой (род. 31 окт. 1909 г.).

Я люблю эти степи привольные,
Этот русский, широкий простор,
И леса, и дороги окольные,
И седой, зачарованный бор.
Я люблю вас, избенки убогие,
Отраженные в сонной реке,
Эти церкви и кладбища строгие,
И стада где то там вдалеке.
Я люблю вас, озера туманные,
Вас, — сиянья далеких зарниц,

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 531 - 550

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

Эти крики мучительно странные,
Перезовы полуночных птиц.
Я люблю эти горы скалистые
В белых шапках лучистых снегов,
Брызги горных потоков искристые,
Ароматы цветущих садов.

Третий приз (похвальный отзыв и денежная премия в 100 динаров) присужден за стихотворение «Разбились волны», оказавшееся принадлежащим ученику VI класса I русско-сербской гимназии в Белграде Кириллу Виталиевичу Троцкому (род. 30 мая 1909 г.).

Разбились волны гранитом мола,
Тускнело небо у синих скал...
Я смерил взглядом всю ширь простора
И серый парус, смеясь, поднял.
Напрасно билась седая пена,
Горою падал зеленый вал...
Я сбросил цепи, ушел из плена,
Я серый парус, смеясь, поднял.

В этом маленьком стихотворении автору прекрасно удалось выявить стремительную силу порыва, достигнуть большой выразительности. От этих восьми строк веет бодростью, энергиею, молодою удалью, не боящеюся преград и твердо верящей, что все впереди.

Наконец, четвертый приз (похвальный отзыв) присужден за стихотворение «Лижет скалы», оказавшееся принадлежащим ученице VII класса русско-сербской гимназии в Белграде Лидии Александровне Девель (род. 22 февр. 1909 г.).

Лижет скалы пурпурное зарево
Дикой, огненной пляски костра...
В котелке заговорное варево
Деет ведьма всю ночь до утра...
А из неба, жемчужный и сказочный,
Полумесяц венчальной парчи
Льет на землю напиток загадочный —
Голубые, хмельные лучи...
Сердце, что ты звенишь, непокорное?
Иль тебя опоила луна?
Или ведьмы питье заговорное?
Или — весна?....

Пусть в этом стихотворении довольно явственно чувствуется влияние специалиста по колдовствам и чародействам — Федора Сологуба, но это все же не умаляет больших художественных достоинств его. В нем есть сила созвучий и цельность настроения.

В своем докладе правлению союза конкурсная комиссия сочла необходимым отметить, что на ряду с стихотворениями четырех авторов, представленными ею к премиям, ею были выделены, как заслуживающие внимания, еще произведения нескольких авторов, имена коих, к сожалению, остались неиз-

вестными. К таковым принадлежат стихотворения, присланные под девизами «Красота спасет мир», «Всегда и везде вперед», «Пустынник» и «Можно часто увлекаться, можно только раз любить».

Вероятно юных поэтов гораздо больше 33-х, быть может, конкурсной комиссии не удалось выявить наиболее одаренных из них, но все же как будто бы очевидно, что не взирая на то, что развитие учащихся в течение ряда лет шло вне стихии родного народа, они не утратили духа русского языка, и многие из них овладели красотою русского стиха. Имея в виду длительную жизнь на чужбине, можно было ожидать большого ослабления чутья к тонкостям родного языка. Сравнивая эти подлинно русские стихи учащихся с тем полурусским жаргоном, на котором, к несчастию, говорят сотни русских детей, вынужденных учиться в нерусских школах Германии, Франции, Польши и других стран, ясно, как велика национальная работа русских школ в Югославии. Для педагогов огромное, решающее значение национальной школы в деле удержания подростающего поколения от денационализации есть нечто очевидное и несомненное. Для тех же, кто до сих пор еще недостаточно оценил этот огромный фактор в деле сохранения русских детей русскими, — скромный опыт стихотворного конкурса в русских школах в Югославии может представить очень наглядный материал.

Интересно было бы опыт этот продолжить и организовать подобные литературные конкурсы среди учащихся русских в других странах, может быть, устраивать их периодически. Судя по тому интересу, который к данному стихотворному конкурсу проявили учащиеся в русских школах в Югославии, не может быть никакого сомнения в том, что подобный конкурс есть действительное средство возбуждения в учащихся интереса к собственному творчеству, средство к побуждению их самостоятельно работать над своим самоусовершенствованием. И потому, повторяю, опыт этот желательно продолжить.

Евгений Елачич.

К вопросу о преподавании истории в русской средней школе

В «Русском педагогическом ежегоднике Латвии», за 1927 год, я прочел статью проф. Р. Ю. Виппера: «О преподавании истории в основной и средней школе». Мне хочется познакомить тех моих собратий по преподаванию истории, которые не будут иметь под руками латвийского «Ежегодника», с основными положениями проекта проф. Виппера и высказать мои сомнения в целесообразности этого проекта. Быть может кто-нибудь из прочитавших мою настоящую заметку откликнется на мой призыв — начать в нашей зарубежной педагогической печати обмен мнений по вопросу о преподавании истории в средней школе. В том же «Ежегоднике» имеется статья проф. К. Арабажина: «Русская литература в русской средней школе», и было бы желательно и этот вопрос подвергнуть всестороннему обсуждению.

Проф. Р. Ю. Виппер рассматривает прохождение истории на протяжении десяти лет обучения, от 9-ти до 18-тилетнего возраста, в основной и средней школе, «как одно непрерывное целое». Он предлагает проходить историю трижды, тремя концентрами: в младшем возрасте (9—11 л.) в виде эпизодического, в среднем возрасте (12—15 л.) в виде курса систематически-повествовательного и в старшем возрасте (16—18 л.) в виде курса семинарской или самостоятельной работы.

Говоря о первом курсе, проф. Виппер предлагает воспроизводить «характерные эпизоды из разных времен». «Неолит, эпоха земледелия, скотоводства, применения письма, возникновения государства, появления религии и культа». «Рассказы из Гомера и Магабараты... рассказы из жизни Египта, Вавилона, древнего Китая, библейские рассказы». Затем классические Греция и Рим и первые века христианства. Далее, среди повествований о выдающихся событиях Европы — в средние века и новое время «появляются рассказы о родном крае, его старине, его судьбах в борьбе народов». «Из средневековой истории, как особенно драматические моменты, выделяются: столкновение Византии с арабами, появление воинствующего христианства в крестовых походах, борьба рыцарства с крестьянством, выступление искусных и предприимчивых горожан. В истории Нового времени — открытие внеевропейских материков, столкновения реформационной эпохи, начало индустриального века и его изобретения, бури революции и Наполеоновской эпохи, национальные движения XIX в., наконец, недавняя мировая война. Не забудем важных явлений азиатской культуры: Мохамед и арабские завоевания, появление монгольской державы и в связи с этим судьбы Ки-

тая; в Новое время интересна судьба Японии». При всем этом размахе проф. Виппер полагает возможным не отделять младший курс истории в особый предмет, с особыми часами, а прочитывать исторические рассказы на уроках родного языка.

Говоря о курсе среднего возраста, проф. Виппер предлагает в этом курсе, делимом на обычные Древность, Средние века и Новое время, «раздвинуть во все стороны картину исторической жизни, установить связующие нити, дать широкую перспективу, обнаружить ход исторического развития, осмыслить данные, которые относятся к разным частям света и разным временам». Установив такие задачи, проф. Виппер увлекается полемикой со сторонниками социологического построения истории, к каковым он сам принадлежал прежде. Ныне на место системы социологической проф. Виппер предлагает прагматическую систему.

Курс старшего возраста — та же всеобщая история (Древность, Средние века, Новое время), проходимая по конспективному очерку и хрестоматии. «Главное — подбор отрывков из памятников, хроник и летописей, описаний и путешествий, законодательных сборников, договоров, литературных произведений, речей, заклинаний, молитв, литургии, наставительных книг, стихов и песен... Параллельно — выдержки из выдающихся историков старины и нашего времени».

Самое важное во всем этом плане — отсутствие самостоятельного курса национальной истории. Только по этому вопросу я и предполагаю высказать свое мнение, хотя не разделяю и прочих взглядов проф. Виппера.

Попытки вставить учебный курс русской истории в курс истории всеобщей делались и ранее, но не имели успеха. Первая такая попытка была сделана в 70-х годах прошлого столетия составителями официальной программы; по этой программе тогда писались учебники. Вспоминая об этой попытке, Н. И. Кареев, известный профессор всеобщей истории, писал: «Русская история разбивалась на куски, которые вставлялись между разными отделами средней и новой истории, при чем, вместо всякой внутренней связи, которой и нельзя было установить, руководились единственно хронологией, т. е. одновременные события одновременно и проходились. Опыт нескольких лет убедил в неудобстве такой системы, которая только усложняла и без того сложный по своему составу курс всеобщей истории и нарушала цельность истории русской»[1]).

Сторонники сравнительно-исторической точки зрения продолжали время от времени высказываться за совместное прохождение курсов русской и всеобщей истории. Это отразилось на наших до-революционных официальных программах, — их составители избрали путь компромисса: русская история излагалась отдельно от всеобщей, но проходилась в не-

[1]) Н. Карѣевъ: Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ.

сколько приемов, периодами, по мере прохождения соответствующих периодов всеобщей истории; т. е. в том классе, где проходится всеобщая история Средних веков, должна была проходиться и русская история до XVI в., — и далее тем же порядком. Этот компромиссный путь не удовлетворил, однако, ни той, ни другой стороны, и на последних педагогических совещаниях и съездах, собиравшихся в Зарубежьи за эти после-революционные годы, раздавались голоса о том, не отступить ли от последних русских программ и не начать ли прохождение русской истории двумя концентрами, *независимо от прохождения всеобщей истории*.

В зависимости от принятия той или другой точки зрения, т. е. Випперовской или противоположной, — исторический материал получил бы следующее распределение по классам:

Совместное прохождение всеобщей и русской истории:		Раздельное прохождение всеобщей и русской истории:	
I, II	1-й концентр	—	I
III, IV, V	2-й концентр	1-й концентр русской истории	II, III
		Всеобщая история	IV, V, VI
VI, VII, VIII	3-й концентр	2-й концентр русской истории	VII, VIII

Я являюсь убежденным сторонником второй комбинации. Я согласен с мнением проф. Кареева, когда-то писавшего: «Каждый образованный человек должен знать прошлое родной страны лучше, чем прошлое других народов, а потому в России русская история и должна проходиться несколько иначе, чем история, например, западно-европейских государств... В одном случае мы имеем дело *с национальной точкой зрения*..., во втором — *с точкой зрения всемирно-исторической*». Правда, на том же стоят и французские и другие западно-европейские педагоги и, однако, проходят свою историю совместно со всеобщей, т. е. так, как предлагает проф. Виппер! Но ведь для них, действительно, «национальная история составляет основной ствол, около которого группируются явления истории мировой» (выражение проф. Виппера). Французы, например, пройдя сперва элементарный курс национальной истории, в семи классах средней школы проходят: 1) Восток и Грецию, 2) Рим, 3) Средние в. до Столетней войны, 4) XIV, XV, XVI, вв., 5) XVII—XVIII вв., 6) первую половину XIX в. и 7) вторую половину XIX в. с началом XX-го. Но так могут проходить историю французы, немцы и, пожалуй, англичане, итальянцы, испанцы, голландцы. Иное дело — русские, сербы, болгары, латыши, американцы, японцы, турки и др. народы, чье участие в общем ходе европейской истории политической, социально-экономической и культурной не было определяющим, основным.

Доказывать бесплодность для нас, русских, Випперовской точки зрения тем легче, что на лицо неудавшаяся попытка самого проф. Виппера осуществить свой план — его недавний учебник истории Средних веков. В этом учебнике из 280 стр. уделено более 50-ти стр. русской истории (и, между прочим, 37 стр. истории Китая и Японии!). И что же получилось? Составила ли русская история основной ствол в изображении исторической жизни Средних веков? Отнюдь не составила. Да и не могла составить; так что дело не в том, что учебник плох, а в том, что система никуда не годится. И в результате совместного изложения получилось, что проиграла как русская, так и всеобщая история, ибо для удобства связи автору приходилось выдвигать сравнительно мало существенные факты (преимущественно из области истории внешней) и упускать многое весьма существенное (преимущественно из области истории внутренней). И без того трудное построение курсов Средневековой и Новой истории еще усложнилось в результате искусственного стремления из родной истории образовать «основной ствол в изображении исторической жизни». Известно, что ученики всегда плохо усваивали процессы развития государств французского, английского и других потому, что они изображались в разорванном виде на протяжении многих глав Средневековой и Новой истории. А тут еще раскрошили по этим главам и историю русскую!

Русское поколение, подростающее в Зарубежьи, мы готовим для России, ни минуты не сомневаясь в том, что ему суждено поработать на родной почве. Мы, историки и словесники, с особенным вниманием должны относиться именно к русской истории и литературе, формируя будущих русских граждан. План проф. Виппера противоречит этому нашему стремлению. Проф. Виппер сам восстает против интернационализма былой русской интеллигенции и, в то же время, незаметно для самого себя, призывает на старый путь.

Л. М. Сухотин.

Народное образование в Австралазии

а) Австралия

Австралийская республика (Commonwealth of Australia) является фактически совершенно независимым государством, хотя и принадлежит к Британской Империи. По своей конституции она является федерацией шести штатов, имеющих больше самостоятельности, чем американские штаты. Население ее совершенно однородное — почти исключительно потомки англичан, шотландцев и ирландцев. Потомки других европейских народов составляют лишь несколько процентов. Кроме белого основного населения, насчитывающего около шести миллионов, в Австралии сохранились еще остатки туземной расы в количестве около 60.000 чел. Туземцы острова Тасмании, представлявшие остатки первоначального — негритянского населения материка, вымерли еще во второй половине XIX столетия. Собственно австралийцы — раса, пришедшая из Азии, — стоят до сих пор на совершенно примитивной ступени развития и постепенно оттесняются белыми в пустынные части материка. Бо́льшая часть их живет в северной части острова в диком состоянии и почти не приходит в соприкосновение с белой расой; меньшая часть австралийцев, расселившаяся между белыми в особых выделенных для них территориях под руководством своих племенных вождей и миссионеров, постепенно воспринимает европейскую культуру и теряет свои племенные особенности. Замечается, что эта часть туземцев неизменно «белеет», т. е. число чистокровных туземцев уменьшается, а число полукровных — квартеронов и октронов — увеличивается. Это объясняется недостатком белых женщин в отдаленных районах. Австралийское федеральное правительство и правительства отдельных штатов принимают все меры для защиты расы и тратят значительные суммы на содержание их территорий. По закону каждый туземец имеет право получать полное содержание от правительства независимо от того, работает ли он, или нет. Этими мерами остановлено начавшееся было вымирание туземцев, а в настоящее время число их увеличивается, хотя чрезвычайно медленно.

Из этих данных видно, что никакой расовой проблемы в самой Австралии нет. Но ближайшими, сравнительно конечно, соседями ее являются Индия с 300-миллионным и Китай с 400-миллионным населением. На огромном материке, занятом шестью миллионами белых, хватит места для десятков миллионов азиатов. Эта возможность нашествия цветных рас является постоянной угрозой Австралии. Австралийцы категорически и твердо решили сохранить материк для белой расы и поэтому совершенно не пускают не только китайцев-иностранцев, но и

индусов, британских подданных. Они предпочитают видеть свою страну пустыней, чем заселенной цветными расами. Насколько такое разрешение вопроса правильно с общечеловеческой точки зрения, я не стану здесь разбирать, но должен отметить факт, что лозунг «белой Австралии» руководит политикой всех партий без исключения. В этой обстановке «цветной опасности» понятно, почему австралийцы цепко держатся за свою культурную связь с Англией и Америкой и постоянно утверждают единство наций, говорящих по-английски. Вся их культура является ответвлением общей англо-саксонской культуры и пока самостоятельного значения не имеет. Влияние метрополии до сих пор чрезвычайно сильно, но в последнее время замечается усиливающееся влияние С. Ш. А., этого лидера белой расы на Тихом океане. Система народного образования в Австралии также является развитием английских и американских идей.

Федеральное правительство совершенно не касается вопросов народного образования и каждый штат имеет свою особую систему. В пределах каждого штата, однако, проведена полная централизация управления, находящегося в руках министерства. Поэтому в Австралии шесть систем, имеющих свою историю и особенности.

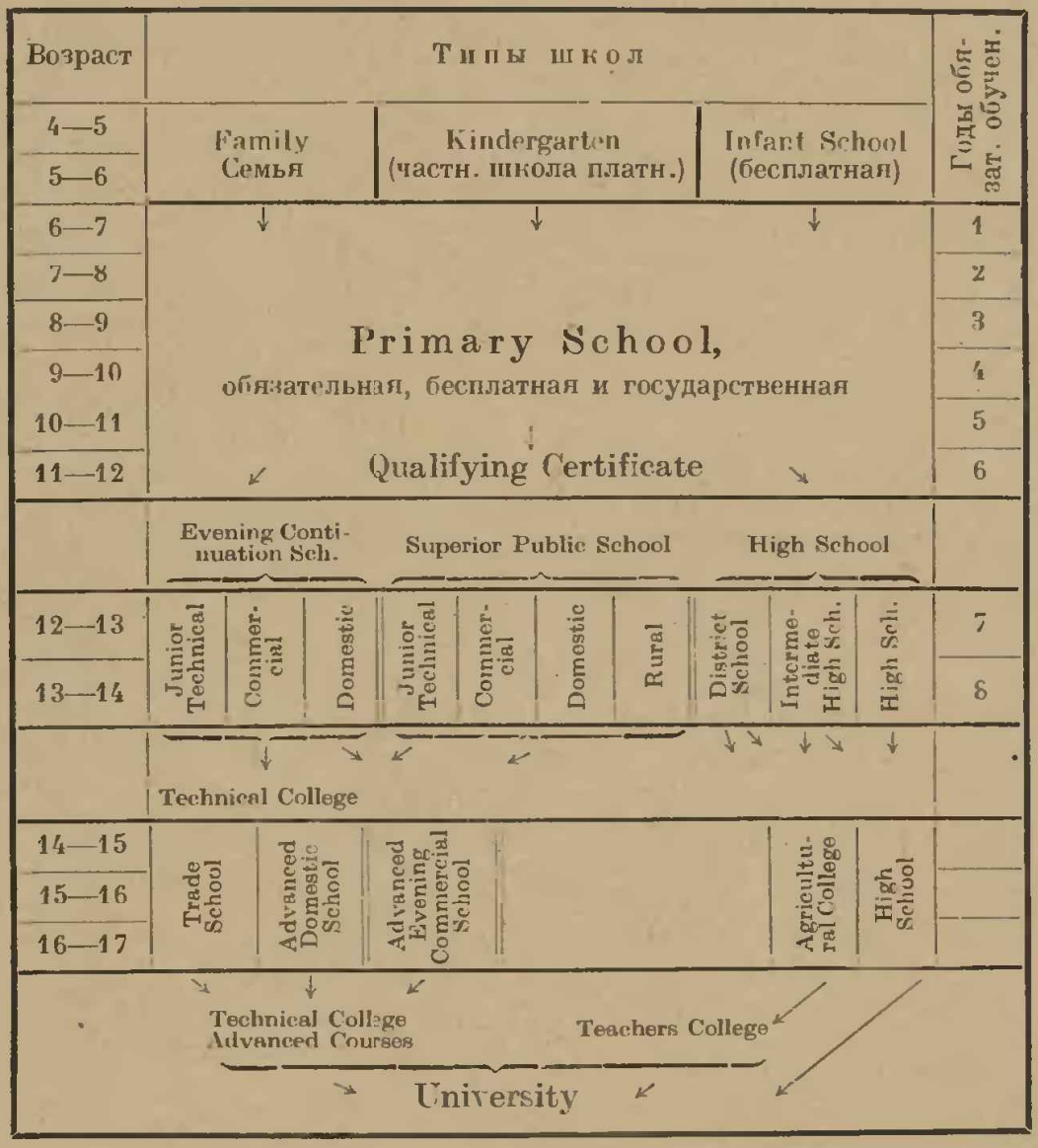
Новый Южный Уэльс (New South Wales) является старейшей провинцией, заселенной преступниками в 1788 г. Первая школа здесь открыта в 1792 г. Все школы были основаны различными церквами и содержались на средства религиозных общин. С 1810 г. церкви стали получать государственную субсидию, которая шла главным образом на содержание учителей. Тогда же был образован «Board of Denominational Education», состоявший из представителей англиканской, римско-католической, пресбитерианской и веслеянской церквей, по одному от каждой. Его задача состояла в распределении сумм, вотированных парламентом (английским). Управление школами было всецело в руках церквей. Так продолжалось до 1848 г.; в этом году государственная субсидия для Н. Ю. Уэльса (тогда еще включавшего Викторию и Квинсленд) равнялась $ 8.450. В 1848 г. был образован «National Board of Education», который стал открывать государственные школы. Через два года обе системы имели следующее количество школ и учащихся: a) государственная — 43 школы (и 52 строились) с 2.725 уч-ся, расход — $ 7.300; b) конфессиональная — 184 шк. с 11.581 уч-ся, субсидия — $ 8.350.

В продолжении 18 лет обе соперничающие системы существовали рядом, фактически получая содержание от правительства. В 1857 г. были изданы правила о выдаче субсидий школам, выстроенным на местные средства; эти школы (nonvested sch.) были также включены в государственную систему. В 1867 г. был издан «Public Schools Act», по которому все школы были объединены под управлением «Board of Educa-

tion», и соперничество двух систем было прекращено. Оба типа школ подчинились общим правилам, с тем лишь различием, что в государственных школах обучение религии было выделено и поручено духовенству соответств. исповедания, в конфессиональных же школах оно входило в программу школы. Новое министерство приняло 259 государственных школ с 19.641 уч-ся и 310 конфессиональных с 27.986 уч-ся. В 1880 г. издается новый акт, с след. главными чертами: 1) всё начальное образование подчиняется одному министру; 2) учителя являются государственными служащими и получают жалование исключительно от казны; 3) государственная система получает совершенно внеконфессиональный характер, всякие субсидии конфессиональным школам прекращаются с 31 дек. 1882 г.; 4) вводится обязательное обучение для возрастов 6—14 лет; 5) преподавание строго светское, включающее однако внеконфессиональное общее религиозное воспитание (христианское); конфессиональное обучение производится духовенством в особые часы и в особых помещениях и только тем детям, родители которых изъявили на то свое согласие; 7) вводится единообразная плата за обучение (по 3 пенса в неделю). В 1906 г. парламент уничтожил плату за обучение в начальных и высших начальных школах. В 1911 г. уничтожена плата за обучение в High Schools, введены экзамены и выпускные свидетельства для перехода из одной ступени в другую. Этим была создана существующая система единой школы. В 1922 г. была восстановлена плата за обучение в собственно High Schools, обучение в других средних школах осталось по-прежнему бесплатным (Intermediate High Sch. и District Sch.). В 1924 г. были введены при всех школах родительские комитеты под названием: «общества родителей и граждан». Цель этих обществ — содействовать во всех отношениях местным школам и объединять школу и семью в общей задаче воспитания. Несмотря на короткий период существования родит. комитетов, результаты их деятельности чрезвычайно благоприятны. Университет в Сиднее основан в 1850 г. и имеет 4 ф-та: Arts, Law, Medicine и Science (наши 4 ф-та); кроме того при университете следующие отделения: мех.-электрич., инженерное, экономическое, горное, металлургическое, с.-хозяйственное, ветеринарное, зубоврачебное и военное. Женщины допущены с 1881 г. По закону 1912 г. ун-т включен в систему единой школы, и при нем учреждены бесплатные вакансии, по рассчету одна вакансия на 500 жителей 17—20-летн. возраста; 95% свободных мест даются окончившим High Schools и 5% лицам со стороны, выдержавшим экзамены.

Современная система единой школы. Так как описывать подробно все шесть систем нет возможности, я остановлюсь лишь на системе Нового Южного Уэльса, тем более, что она является прообразом других систем Австралии. Как сказано выше, система единой школы установлена в 1911 г.

Она может быть изображена графически следующим образом:



Как видно из таблицы, первая ступень не является обязательной; представлена она, главным образом, частными детскими садами в городах. Есть и бесплатные отделения (Infant Schools) начальной школы для возраста 4—6 лет. Следующая (собственно первая) ступень — шестилетняя начальная школа, бесплатная и обязательная. Программа включает след. предметы: англ. яз. (50 ч.), математику (22 ч.), ест. историю (15 ч.), мораль и гражданственность (14 ч.), искусства (10 ч.), ручной труд (12 ч.), музыку (9 ч.) и физическое воспитание (12 ч.). История не преподается отдельно, но включена в уроки морали и гражданственности; ест. история включает географию, сельск. хозяйство. гитиену. Методы — скорее американские, чем английские. После окончания начальной школы учащиеся получают «Qualifying Certificate», с которым могут поступить в

любую школу второй ступени. Они теперь расходятся по трем главным направлениям: a) вечерние дополнительные школы, b) высшие начальные школы и c) общеобразовательные средние школы; во всех школах этой ступени курс двухлетний и обязательный, бесплатный во всех школах, за исключением собственно High Schools.

Вечерние дополнительные школы предназначены для детей и подростков, занятых днем работой; посещаются они учащимися, переросшими обязательный возраст. С каждого учащегося взимается плата в 6 d (шесть пенсов = 25 к.) в неделю, которая однако возвращается в конце года, если поведение учащегося было удовлетворительно и он посетил не менее 85% всех уроков. Эти школы имеют три «уклона»: технический, коммерческий и домоводства. Программы аналогичны программам высших начальных школ.

Высшие начальные школы — бесплатны и обязательны для всех, не поступивших в средние школы. Они делятся на четыре типа (иногда существующие совместно): 1) Junior Technical Schools; учебный 2-хлетний план: английский яз. (10 ч.), практическ. математика (8 ч.), промышленность (4 ч.), практич. рисов. и работа в мастерских (26 ч.), ест. науки (6 ч.), мораль и гражданственность (включая историю — 8 ч.), музыка (2 ч.), физич. воспит. (6 ч.), выпускают квалифицированных рабочих; 2) Commercial Schools; курс трехлетний, число часов за три года: англ. яз. (19 ч.), коммерч. арифметика, алгебра и геометрия (23 ч.), торговля и транспорт (9 ч.), деловодство и бухгалтерия (12 ч.), физика и ест. науки (9 ч.), история и гражданственность (9 ч.), музыка (3 ч.), физич. воспит. (9 ч.), стенография (6 ч.), мораль и Св. Писание (6 ч.); выпускают младший персонал торговых предприятий; 3) Domestic Science Schools; курс два года; число часов: англ. яз. (10 ч.), домашнее счетоводство (8 ч.), география (4 ч.), кулинарное искусство и прачешное мастерство (4 ч.), швейное и шляпное мастерство (6 ч.), гигиена и уход за младенцами и больными (4 ч.), ботаника и садоводство (5 ч.), деловодство (4 ч.), мораль и гражданственность с историей (7 ч.), прикладное искусство (4 ч.), музыка (4 ч.), физ. воен. (6 ч.), стенография (4 ч.); эти школы почти исключительно предназначены для девочек; этот тип школы был совершенно неизвестен России; наши профессиональные школы для девочек имели целью дать заработок в жизни, а не создать мать семьи, умеющую из своего очага сделать дешевый, красивый и уютный дом; 4) Rural Schools — сельскохозяйственный уклон, введенный в 1924 г. для фермерских районов; пока всего открыто 15 школ (1925).

Средние школы. Существует три типа средних школ, отличающихся не программой, а организацией: 1) District Schools являются центральными школами для сельских участков и существуют при больших начальных школах;

2) Intermediate High Schools — городские школы с двухлетним курсом; оба типа школ бесплатны и образуют по программе два первые года High Sch.; 3) High Schools — с 1922 года снова платны; государство содержит однако до 800 учащихся-стипендиатов. Курс High Schools пятилетний и включает англ. яз., историю, географию, алгебру, геометрию, тригонометрию, механику, франц., немецк., латинск. и греческ. языки, химию, физику, ботанику, геологию, физиологию, гигиену, зоологию, сельск. хозяйство, экономику, деловодство, музыку и искусства. Кроме того есть добавочные курсы для желающих: a) технический, b) коммерческий, c) домоводства и d) сельск. хозяйства. После окончания первых двух лет учащиеся получают «Intermediate Certificate», после окончания полного курса — «Leaving Certificate», дающее право поступления в университет и специальные колледжи. К средней ступени — второй части — нужно присоединить и технические колледжи (их первые годы) и сельско-хоз. колледж. Старшие годы технических колледжей, учительский колледж и университет составляют уже ступень высшего образования.

Развитие средних школ в Новом Южном Уэльсе за последние 10 лет видно из следующей таблицы:

Число школ и учащихся:

	High Schools		Int. High Schools		Distr. Schools		Superior Public Schools Commerc.		Technic.		Domestic		Rural	
1915	15	4.971	4	948	21	2.202	29	1.896	21	1.133	41	2.031	—	
1920	27	8.194	23	4.442	11	794	17	1.580	24	2.865	47	4.920	—	
1925	30	9.362	32	7.674	14	1.366	15	1.941	26	7.699	57	11.896	15	1.261

За десять лет число учащихся средних школ увеличилось более чем в три раза.

Остальная Австралия. Остальные пять штатов хотя и имеют каждый свои отличительные особенности, но не на столько замечательные, чтобы описывать их детально. Я приведу лишь краткие сведения о каждом штате.

Виктория. Выделена в особый штат в 1851 г. Дуализм в системе образования существовал до 1862 г., когда образовано единое министерство. Акт 1872 г. ввел бесплатное, обязательное и светское образование. До 1901 существовала, аналогичная старой английской (и ирландской) системе, оплата учителей по результатам, в 1901 г. эта система заменена обыкновенной. В 1905 г. обязательный возраст повышен до 14 лет. В 1912 г. организованы высшие начальные и District Sch. Университет в Мельбурне учрежден в 1853 г.

Квинсленд (Queensland). Выделен в особый штат в 1859 г. В 1860 г. учреждено «Board of Education». Система школ была аналогична старой ирландской системе (vested и non vested Sch.). В 1880 г. non vested Sch. перестали получать государственную субсидию. Обучение бесплатное с 1870 г. В 1910 введена координация свидетельств, приблизившая систему к единой школе. Тогда же обязательный возраст повышен до 14 лет. Государственные High Schools организованы

только с 1912 г., Rural Sch. с 1917 г. Все государственные школы, включая и High Sch., бесплатны. Университет в Брисбене учрежден в 1909 году.

Южная Австралия. Первый «Совет Образования» назначен в 1875 г. В 1878 г. учреждено министерство. В 1891 г. введено бесплатное начальное обучение. В 1907 г. основаны высшие начальные классы; в 1922 г. эти классы распространены на сельские местности. Тогда же основаны детские отделения (Infant Sch.). Первая High Sch. (девочек) основана в 1879 г., остальные стали развиваться лишь после 1909 г. Университет в Аделаиде учрежден в 1874 г.

Западная Австралия. Первый акт по образованию в 1871 г. установил два разряда начальных школ: a) государственные школы, содержимые и управляемые министерством и b) сибсидируемые частные школы. Обучение было объявлено обязательным, но платным. В 1895 г. субсидии частным религиозным школам прекращены. В 1899 г. введено бесплатное обучение для детей 6—14-летнего возраста. В 1912 г. в высших нач. школах введена дифференциация программ — 4 уклона: 1) коммерческий, 2) индустриальный, 3) домоводства и 4) профессиональный. Средние школы (High Sch.) государство стало учреждать только с 1911 г. Университет в Перте учрежден в 1911 г.

Тасмания. Первые сведения о школах относятся к 1839 г. Тогда было 22 конфессиональных школы с 758 учащимися. Школы эти получали субсидию. В 1839 г. учрежден «Board of Education», уничтоживший конфессиональное преподавание. Бесплатное и обязательное обучение для возрастов 6—13 л. введено в 1908 г. В 1911 г. основаны высш. нач. школы и в 1913 г. High Schools. Университет в Гобарте учрежден в 1889 г.

Следующая таблица дает последние статистические данные об образовании в Австралии:

Штаты:	Новый Южн. Уэльс New Suoth Wales	Виктория Viktoria	Квинсленд Queensland	Южная Австр. South Austral.	Западная Австралия West Austral.	Тасмания Tasmania
Население (в 1921 г.) . . .	2.100.371	1.531.280	755.972	495.160	332.732	213.780
Начальные школы в 1926 г.) . .	3.173	2.503	1.685	995	793	516
Учащихся в них .	323.452	254.144	161.120	74.931	43.636	39.395
Все типы государ. средних школ .	227	137	31	42	81	18
Учащихся в них .	39.354	22.279	5.316	8.644	11.958	2.262
Частные школы (средние и нач.)	678	490	167	186	120	79
Учащихся в них .	80.247	71.925	24.000	15.249	11.662	7.345
Технич. колледжи .	13	26	17	15	12	3
Студентов в них .	11.386	14.293	13.002	9.678	6.987	(1.000)
Университет . .	1	1	1	1	1	1
Студентов . . .	3.005	2.462	457	1.396	336	166
Учит. институт .	1	1	1	1	1	1
Студентов . . .	891	215	113	328	210	69

в) Новая Зеландия.

Новозеландское государство (Dominion of New Zealand) пользуется теми же правами государственного самоуправления, как и Австралия. В противоположность Австралии, Новозеландия является единым и целым государством, с широким местным самоуправлением. В Австралии шесть почти независимых штатов, строго централизованных в своих пределах, в Новой Зеландии как бы один штат, передавший многие прерогативы центральной власти местным самоуправлениям.

Население двух островов, Северного и Южного, по составу аналогично австралийскому, т. е. почти исключительно потомки британцев. Туземцы — маори — составляют незначительную часть населения, всего $^1/_{25}$, и потому имеют небольшое влияние на судьбы доминиона. Из всех доминионов Н. З. наиболее сохранила духовную и экономическую связь с метрополией. Влияние Америки здесь меньше заметно, чем в Австралии. Это объясняется отчасти тем, что положение Н. З. более обеспечено в смысле «желтой опасности», и поэтому нет надобности ориентироваться на Америку. В своей политике новозеландцы придерживаются тех же принципов по отношению к цветным расам, как и австралийцам. Ни китайцам, ни индусам не разрешают селиться в стране на долгое время. Однако, здесь нужно сделать существенную поправку. Новозеландцы хотят сохранить свое государство для себя, но в число своих полноправных граждан включили туземцев-маори без всяких оговорок. Если австралийцы принимают меры для сохранения своих туземцев, то эта политика основывается отчасти на гуманитарных соображениях, отчасти на желании сохранить от вымирания редкий тип homo sapiens. В делах управления австралийские туземцы не имеют абсолютно никакого влияния. В Новой Зеландии маори не только равноправные граждане, но пользуются и особыми привилегиями, как первоначальные собственники территории. Никакого антагонизма между белыми и маори в настоящее время не существует, несмотря на то, что полвека тому назад обе расы вели ожесточенную войну в продолжении 35 лет. Маори оказались чрезвычайно мужественным и талантливым народом, который в течение одного поколения превратился из людоедов в культурную нацию. Их число постоянно ростет (с окончанием войны с белыми) и теперь достигло 52.751 (в 1921 г.). Они довольно легко смешиваются с белыми, при чем часть метисов переходит вполне к белым, а часть сливается с туземцами. Несмотря на то, что маори все христиане и поголовно грамотны (по-английски), они до сих пор тщательно культивируют свой язык и свои национальные традиции. Белые не только не мешают, но поощряют это стремление. Таким образом в Н. З. живут рядом две расы, сохраняющие и желающие сохранить свою расовую индивидуальность, но воспитанные общей культурой на основах полного равноправия.

Администрация. В 1877 году было учреждено центральное министерство (Board of Ed.). Тогда же были учреждены провинциальные «Board» и местные комитеты по народному образованию, имеющие довольно широкие права. Тем же актом было введено обязательное и бесплатное обучение для детей 7—14 лет. Следующий «Education Act» был принят в 1915 г.; он изменил лишь детали. Во главе всего государства по делу образования стоит министерство, сосредоточивающее в своих руках все школы без исключения. Фактическое заведывание образованием передано местным «Education Boards», которых в стране девять. Каждый мелкий участок избирает свой «School Commitee», и все комитеты одной области (их 9) избирают свой «Board». Министерство распределяет суммы, вотированные парламентом, между девятью областями, и наблюдает за школами посредством министерских инспекторов. Общее руководство реформами также принадлежит министерству. Система образования является единой школой, имеющей три ступени: 1) начальную, 2) среднюю и 3) университет.

Начальные школы разделены на четыре отделения: 1) Preparatory Division, 2) Junior Division, 3) Middle Division и 4) Senior Division. Курс каждого отделения продолжается два года и состоит из двух групп. Группы приготовительного отделения имеют свою нумерацию — Prepar. 1 и Prepar. 2, остальные шесть групп называются: «Standart 1» и т. д. Окончившие шестую группу и продолжающие обучение классифицируются, как S. 7-ой. По окончании курса, согласно требованиям S. 6, учащиеся получают «Certificate of Proficiency». По окончании не менее S. 3 учащиеся могут получить «Certificate of Competency» для поступления на службу (не менее S. 3) или для перехода в среднюю школу (не менее S. 5). Программа делится на следующие группы предметов: 1) английский язык, пение и декламация, 2) graphic expression (рисование и ручной труд), 3) человек и природа (ест. ист., география, домоводство), 4) арифметика, 5) человек и общество (история, мораль и гражданственность) и 6) физическое воспитание и гигиена. Религия отсутствует по закону. Распределение предметов указывает, что в Н. З. программы приближается к комплексной, употребляя советский термин.

Средние школы. К средним школам принадлежат: a) High Schools с четырехлетним курсом, b) District High Schools с двух- или трехлетним курсом, равным первым классам High Schools и c) Technical High Schools, тоже с двух- или трехлетним курсом. Все учащиеся начальной школы, получившие «Certificate of Proficiency», имеют право на получение бесплатного образования в High Schools. Приблизительно 75% учащихся S. 6 достигают этого. Сперва они получают стипен-

дию на два года и после успешного прохождения курса на следующие три года или до достижения 19 лет. Прошедшие не менее S. 5 начальной школы и получившие «Certificate of Competency» также принимаются в средние школы, н о з а п л а т у. Этим государство отказывается обучать бесплатно в средних школах ленивых или неспособных детей. Фактически очень мало неспособных учащихся пользуются правом платного обучения, и 93% всех учащихся в государственных средних школах — стипендиаты, получившие полное свидетельство. В среднем большинство продолжает образование только три года, и лишь 31% мальчиков и 27% девочек остаются от 4 до 6 лет в средних школах. По окончании двухлетнего курса учащиеся получают «Intermediate Certificate», после трех лет «Lower Leaving Cert.» и после 4-х лет — «Higher Leaving Cert.». Имеющие «Lower Leaving Cert.» могут поступить в университет после «Matriculation Exam.» при университете. Имеющие «Higher Leaving Cert.» принимаются без экзамена. Все свидетельства получаются после экзамена. Программа делится на пять групп предметов: 1) английский яз., история и гражданственность. 2) математика, 3) иностранные яз., 4) естеств. науки, теория и практика, 5) география, ручной труд и прикладные науки. Курс разбит на единицы (units), и каждый учащийся обязан пройти минимальное число единиц по следующей таблице:

Группа предметов	Для 2-х лет	3-х лет	4-х лет
1) Англ. яз.	8	12	16
2) Арифметика . . .	6	9	—
Математика . . .	6	12	16
3) Иностранные яз. . .	6	9	12
4) Ест. науки	4	6	6
5) Остальн. предм. . .	2	4	4
	32	52	54

Общее число-минимум для 3-х лет — 56 единиц и для 4-х лет — 75, что дает учащемуся возможность выбора дополнительных единиц: 4 для 3-х лет и 21 — для четырех лет, т. е. чем старше класс, тем больше выбор. Однако и обязательное число единиц распределено только по группам, в пределе же одной группы учащийся может выбирать предметы по желанию. Следующая таблица дает представление о наклонностях и вкусах новозеландских мальчиков и девочек. Данные касаются только District High Schools.

Предметы	Число учащихся выбравших предмет (в %%) мальчики	девочки
Англ. яз., арифметика, география, история, гражданственность обязательны для всех	100%	100%
Латинский язык	15,2	12,8
Французский язык	77,7	78,9
Математика	82,9	89,2

Предметы	Число учащихся выбравших предмет (в %%)	
	мальчики	девочки
Химия и физика	66,0	48,8
Ботаника	13,1	10,1
Сельское хозяйство	68,0	24,0
Молочное хозяйство	28,5	18,1
Гигиена	0,1	16,0
Домоводство	—	30,3
Рукоделие и поваренн. иск. . . .	—	53,1
Обработка дерева и металла . . .	56,8	—
Бухгалтерия и коммерция . . .	15,5	18,1
Стенография и машинка	5,1	11,1
Рисование	5,1	8,8

Для получения свидетельств необходимо выдержать экзамены как по обязательным, так и по необязательным предметам. Общее число минимальных баллов 2.200 для первого свидетельства (2 года), из них 600 баллов выделены для англ. яз., 400 для арифметики и 1.200 на все остальные предметы. Учащиеся должны получить не менее 33% баллов по англ. яз. и арифметике (т. е. 200 и 134) и не менее 40% по остальным предметам (т. е. 480), при чем по каждому предмету полученные баллы должны составлять не менее 25% назначенного числа, чтобы быть засчитанными.

Чтобы получить отличие («credit»), учащийся должен получить не менее 60% назначенных баллов по всем предметам.

Кроме общеобразовательных High Schools существуют Technical High Schools, имеющие следующие отделения: 1) промышленность и естеств. науки. 2) коммерческие и общие науки, 3) домоводство, 4) сельское хозяйство и 5) искусства. В последнее время стали открывать Junior High Schools на подобие американских, составленные из S. 5 и S. 6 начальной школы и первого года High Schools.

Ново-Зеландский университет состоит из четырех автономных учреждений: 1) Аукленд-Колледж, 2) Виктория колледж, 3) Кентербери-колледж и 4) университет в Отаго. Они расположены в городах, по имени которых названы, за исключением Виктории колледжа, находящегося в Веллингтоне. Каждый остров имеет по два учреждения. Все колледжи имеют все факультеты, включая и специальные технические. Все курсовые экзамены производятся по колледжам своими профессорами, окончательный экзамен на степени производится от имени университета профессорами в Англии. Все письменные ответы посылаются в Англию выбранным ун-том специалистам, и те ставят отметки. Хотя этот способ задерживает получение диплома на полгода, но зато дипломы новозеландского ун-та во всем равносильны английским. В последнее время среди профессоров заметно желание уничтожить эту культурную зависимость от метрополии и перенести экзамены в Новозеландию, но студенты очень дорожат этими дипломами и против «домашних» экзаменаторов.

Школы для маори. Туземные школы находятся под непосредственным управлением министерства. Эти школы делятся на следующие группы: 1) государственные начальные школы (130 школ с 6.591 учащимися); 2) миссионерские начальные школы, содержимые церквами (8 школ с 366 учащимися); 3) средние школы-пансионаты, содержимые религиозными обществами (12 школ с 570 учащимися). Государство не содержит средних школ для туземцев, но выдает 145 стипендий для учащихся в 12 туземных High Schools. Кроме своей национальной школы, маори имеют право пользоваться общими школами, на равных основаниях с белыми. 7.017 маори обучаются в 740 общих школах; это составляет 50% всех учащихся-маори. По закону во всех маорийских школах язык обучения — английский, родной же язык включен, как отдельный предмет. Таким образом, маорийские дети защищены от излишнего усердия узких националистов. Дело в том, что язык маори не имеет ни литературы, ни современной терминологии, и обучать детей на нем всем предметам — значит дать им образование худшего качества, чем остальным детям. На уроках родного языка дети, однако, знакомятся и с национальными преданиями, и с песнями, и с той переводной и оригинальной литературой, которая появилась в последние годы. В университете учреждены 10 стипендий специально для маори. В маорийских начальных школах учатся также и дети тех белых, которые постоянно живут среди маори (всего 835 белых детей). Программа школ — аналогична программе общих школ. Большинство учителей — белые, хотя туземные учителя встречаются не редко. Грамотность среди маорийцев не ниже, чем среди белых, и % % учащихся в средних школах равен общему.

Среди белых учащиеся начальной школы составляют 17% всего белого населения, среди маори — 13% маорийского населения.

Назначение учителей. В Новозеландии принята особая система определения квалификации учителей начальных школ. Насколько мне известно, она является единственной в своем роде. Все учителя начальных школ разбиты на группы, в зависимости от чего они получают разное жалование. Инспектор начальных школ распределяет учителей своего участка по группам в зависимости от их опыта, знаний и характера. Он выставляет учащим баллы по следующей схеме:

Квалификация	Число максимальных баллов
1) За уменье вести уроки	80
2) « личность, дисциплину и обстановку . . .	40
3) » организацию и управление	30
4) » академические дипломы и степени	30
5) » службу — число лет	25
6) Quota	120
Всего	325

Первые три рубрики определяются инспектором по следующему правилу:

	Число баллов		
	Max. 80	Max. 40	Max. 30
1) Превосходно . .	72—80	36—40	27—30
2) Очень хорошо . .	64—71	32—35	24—26
3) Хорошо	52—63	26—31	20—23
4) Очень удовлетворит. .	40—51	20—25	15—19
5) Удовлетворительно .	32—39	16—19	12—14
6) Слабо	24—31	12—15	9—11

Остальные три рубрики определяются механически. За различные дипломы и степени ставятся баллы от 6 до 30. Число лет службы считается до 25, прослужившие больше получают 25. Quota является прибавкой в зависимости от группы, к которой учитель принадлежит. Всех групп шесть, к первой группе прибавляется 20 баллов, второй — 40 и т. д., шестой — 120. Жалование по группам следующее: I гр. — $ 180—210; II гр. — $ 220—270; III гр. — $ 280—330; IV гр. — $ 340—360; V гр. — $ 370—410 и VI гр. — $ 420—480. Последняя группа исключительно для заведывающих. Каждый год печатается список всех учителей начальных школ с их баллами (общим итогом, детали по рубрикам не указываются) и они получают места и повышение в зависимости от этого. Учитель может обжаловать неправильные, по его мнению, баллы в министерство, которое пересматривает вопрос.

В 1924 г. особым актом был учрежден специальный регистр всех учителей. Регистр ведется министерством и включает всех квалифицированных учителей, находящихся на государственной службе. Все учителя частных школ и вольнопрактикующие имеют право требовать занесения своего имени в регистр, если имеют соответствующие квалификации и неопороченное профессиональное прошлое. Только учителя, занесенные в регистр, могут быть назначены в государственные школы. Цель регистра — создать объединенную профессию, поддерживающую свою честь и уровень знаний.

В заключение — статистические данные о состоянии народного образования в Н. Зеландии, относящиеся к 1926 году.

а) Начальные школы:

типы школ:	число школ:	учащихся:
1) Общие государственные . . .	2.601	216.807
2) Туземные государственные . .	130	6.591
3) Туземные миссионерские . .	8	364
4) Зарегистрированные частные .	301	26.778[1])
Всего . .	3.040	250.540

[1]) Из числа частных зарегистрированных школ: 54 шк. с 2.114 уч-ся — светские, 195 шк. с 21.137 уч-ся — католические, 52 шк. с 3.227 уч-ся — протестантские.

б) Школы II-ой ступени:

Типы школ:	число школ:	Учащихся: всех:	стипендиатов:
1) Secondary (High) Schools . .	41	13.651	12.558
2) District (High) Schools . .	77	3.162	3.023
3) Technical (High) Schools . .	14	5.963	5.758
4) Art Schools	8	1.096	1.015
5) Зарег. частные школы . .	35	2.794	—
6) Maori Schools	12	570	145
7) Junior High Schools . . .	6[2])	1.887[2])	137[2])
Всего . . .	193	27.373	22.636
8) Технич. кл. (в 48 пунктах) .	—	12.681	5.157

в) Университет:

Колледжи:	число студентов:
Ауклэнд	1.270
Виктория	930
Кентербери	1.229
Отаго	1.224
Всего . .	4.653

Студентки составляют 29% всех обучающихся в университете. Число студентов-стипендиатов равнялось в 1926 г. 2.000, что составляет 43% общего числа всех студентов.

Литература:

1) «Australian Year Book» за последние годы.
2) «Annual Reports» (всех шести штатов).
3) R. Tompson: Education in Australia.
4) «New Zealand Year Book» за последние годы.
5) Annual Reports of Education Department.
6) C. Thwing: «Higher Education in Australia and New Zealand».
7) Статьи P. Cole (Австралия) и N. A. Makensie (Н. Зеландия) в Educational Yearbook, ed. Kandel (Columbia Univ.), за 1924 и 1925 гг.

Н. Ганц.

[2]) Junior High Schools имеют три класса, из них лишь только третий класс считается собственно II-й ступени. В младших классах все учащиеся обучаются бесплатно, в третьем классе всего 137 уч-ся и все они получают стипендии. В итог таблицы включены только учащиеся II-й ступени. Как видно из данных таблицы, в государственных школах II-й ступени 96% учащихся обучается бесплатно.

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: [551] - 570

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

Сербская Матица

(По поводу столетия ее существования)

I

В конце XVII столетия, когда Будапешт вновь вошел в состав монархии Габсбургов, в нем оказалось значительно больше сербов, чем венгров. В течении XVIII века это соотношение постепенно менялось в пользу венгров, но еще в начале XIX века сербов было очень много в главном городе Венгрии, резиденции сербского («будинского») епископа. Множество сербов торговцев, ремесленников жило в этом городе, но были и чиновники и интеллигенты; в состав городского «магистрата» входили «сенаторы» сербы.

Начавшееся в XIX столетии возрождение сербского народа на Балканах, восстания Карагеоргия (1804) и Милоша Обреновича Великого (1815), образование сербского вассального от Турции княжества, национальное движение в Европе вообще, среди славян и венгров в частности, все это живо отзывалось и среди сербов в пределах Венгрии.

Учитель («профессор») новосадской сербской гимназии Георгий Магарашевич в 1824 г. начал издавать «Сербскую Летопись». Скоро, однако выяснилось, что это издание, основанное, как славянский журнал, с целью пропаганды идей славянской взаимности, должно прекратиться. И вот в начале 1826 г. собрались в Пеште пять торговцев-сербов: Гаврила Бозитовац, Иван Деметрович, Иосиф Миловук, Андрей Розмирович, Георгий Стонкович и молодой юрист Иван Хаджич (литературный псевдоним Милош Светич) и решили основать товарищество под именем «Матица Сербская», внеся каждый по 40 флоринов для составления основного капитала.

Днем основания «Матицы» они считали 14 января, т. е. день святого Савы, первого архиепископа и просветителя сербского, а в уставе написали: «Поводъ къ заведенію овога Дружства есу една любовъ и ревность къ общему благу, а намѣреніе естъ распространеніе књижества и просвѣщенія народа Сербскогъ...» В программу работы внесли издание сербских книг и газеты, выдачу литературных премий и раздачу наград книгами «сироташной (т. е. бедной) юности» (т. е. юношеству).

Тотчас по образовании товарищества приступлено было к возобновлению журнала, который и стал выходить под названием «Летопись Матицы Сербской» («Летопис Матице Српске»). В настоящее время «Летопись» является старейшим славянским журналом и одним из старейших журналов вообще.

Учредители «Матицы» успели вскоре привлечь новых членов, хотя некоторые из них и ушли из общества. Устав свой

они не подали на утверждение властей и не объявили об образовании «Матицы», считая, что еще в 1812 г. император Франц II в одном указе как бы советовал сербам заняться изданием полезных книг. Не так посмотрело на дело правительство. Вспомним, что это было время Меттерниха, т. е. время довольно грубого полицейского произвола и чрезвычайно придирчивой регламентации; кроме того, все славянское было взято под особое подозрение; считалось, что славянские интересы свидетельствуют о преступном руссофильстве и даже о преданности русскому правительству, подкупающему австрийских и венгерских славян. Понятно, что, когда существование «Матицы» обнаружилось, ее деятельность была приостановлена и журнал закрыт.

Только ценой тяжелой борьбы и усиленных хлопот удалось добиться высочайшего утверждения «Матицы» (1834—1836). Выход «Летописи» возобновился. Вскоре наступило существенное улучшение и расширение работы «Матицы». Старец Сава Текели, богатейший сербский общественный деятель, вошел в Матицу, как ее председатель, и завещал ей свое огромное состояние, частью на устройство и содержание «Текелианума», пансиона для студентов-стипендиатов Матицы в Пеште, частью на другие потребности. Пример Текели был очень плодотворен, и множество сербских благотворителей дарственными записями и завещаниями дали Матице весьма значительные средства на ее литературную, научную и культурно-просветительную работу, в частности на выдачу различных стипендий учащейся молодежи. Огромное же состояние Текели было после его смерти частично расхищено, так как вдова покойного благотворителя оспорила завещание и добилась признания за нею права на пожизненное владение имуществом, при чем процесс тянулся несколько лет и вначале дело доходило даже до вооруженных столкновений! Тем не менее «Текелианум» был открыт и сыграл крупную роль в истории сербского просвещения.

Вообще же жизнь Матицы в 1840-ых годах и помимо шумного и дорого стоющего процесса из-за наследства Савы Текели была в достаточной мере бурной. Целый рдя внутренних столкновений, но особенно доносов, вмешательств властей и расследований — такова была атмосфера, в которой приходилось работать Матице. Во время венгерской революции (1848—49) и войны сербов и венгров, Матица вынуждена была приостановить свою работу и «Летопись» не выходила.

После наступления мира положение Матицы в Пеште стало крайне затруднительным, так как между венграми и сербами образовалась пропасть, и сербы начали массами покидать Будапешт. Кроме того, полицейский режим знаменитого австрийского реакционного министра внутренних дел Баха нисколько не был легче режима Меттерниха. Матица жила по-прежнему, вызывая недоверие властей, окруженная подозрительностью, явным и тайным шпионажем, среди вспыхивающих

от времени до времени формальных гонений. Было очевидно, что Матица должна искать другое место, как центр работы, ибо в Пеште она была осуждена на закрытие или медленное угасание. И вот целых тринадцать лет Матица добивается разрешения переселиться в Новый Сад, центр сербов в Венгрии, «Сербские Афины» на Дунае. Только в 1863 г. это разрешение было дано, и в 1864 г. Матица перебралась в Новый Сад, где для нее среда была гораздо благоприятнее, чем в Пеште.

До тех пор в значительной мере консервативное сербское учреждение (Матица, например, упорно отказывалась принять реформу сербского правописания, проведенную Вуком Караджичем). Матица быстро «полевела», сделавшись одним из центров сербского народничества, возглавляемого вождем венгерских сербов, адвокатом и депутатом венгерского сейма Светозором Милетичем. Это еще более восстановило против нее венгерское правительство и прессу. Правительство теснило Матицу, пресса ее усиленно травила, тем более, что ее деятельность развивалась успешно и в ней активно работали лучшие тогдашние сербские писатели и общественные деятели. Закрывши словацкие гимназии и «Словацкую Матицу», венгерское правительство произвело некоторого рода разгром единственной в Венгрии сербской гимназии — новосадской — и готовилось закрывать и сербскую Матицу. До закрытия, правда, не дошло, однако «Текелианум» и все состояние Текели у Матицы отобрали в казну и заставили «народников», во главе с Милетичем, устраниться от руководства Матицей. Наступило время оппортунизма и некоторого упадка и застоя в Матице, прерванного только в начале XX столетия появлением в ней реформационного течения, возглавляемого молодым сербским критиком и историком литературы Тихомиром Остоичем, в то время учителем новосадской сербской гимназии (позднее, после образования Югославии, профессор и первый декан факультета в Скоплье).

После нового периода застоя Остоич стал фактически во главе всей работы Матицы, как её первый секретарь. Перед мировой войной, в связи с огромным национальным подъемом в среде сербов, вызванным Балканской войной, в Матице работа вновь закипела. Мировая же война едва не погубила Матицу. «Летопись» была закрыта, издательство прекратилось, выдача стипендий была значительно сокращена, наконец, секретарь Остоич был интернирован. Жестоко гонимое, сербское национальное учреждение влачило самое жалкое унизительное существование, и было еще вынуждено вкладывать свои капиталы, в том числе отдельные специальные просветительные фонды, в облигации австро-венгерских военных займов.

Перед самым концом войны и двуединой монархии, венгерский министр народного просвещения распорядился подготовить эвакуацию имущества Матицы из Нового Сада во внутреннюю Венгрию. Распоряжение было отдано слишком поздно:

через нсеколько дней Новый Сад заняли сербские войска, и в помещении Матицы Народное Собрание «Сербской Воеводины» провозгласило её отложение от Венгрии и присоединение к Сербии, вместе с которой она и вошла в объединенное королевство сербов, хорватов и словенцев. Матица приступила к возобновлению работы в новых условиях, в своем национальном государстве. Тотчас же вернули Остоича из ссылки на его секретарское место.

Но хозяйственное положение разоренной войной и полным падением австро-венгерской валюты Матицы было крайне тяжелым. Следующая краткая справка, в грубых чертах, но вполне наглядно и убедительно, об этом свидетельствует: на 31 дек. 1912 г. капиталы Матицы равнялись 3.122.803 золотым кронам (около 1.250 тыс. зол. руб.), на 31 декабря 1926 г. — 11.194.294 бумажным динарам (около 375 тыс. зол. руб.), включая около 1.900 тыс. дин. новых фондов, созданных после 1912 г. И этот результат достигнут после ряда лет упорной работы в Югославии и после известного экономического подъема молодой страны вообще.

Издательская деятельность Матицы возобновилась; вновь стала выходить «Летопись». В конце 1927 г. торжественно отпраздновано столетие Матицы и выпущено две огромных роскошных книги: «Обзор деятельности Матицы», из которого мы почерпнули фактические данные о ней, и «Искусство Сербской Воеводины» — богато иллюстрированное, прекрасное издание.

II

Обозрев вкратце тернистый путь, пройденный Матицей Сербской за сто лет ее жизни, скажем еще несколько слов о плодах ее работы.

Они во всяком случае весьма значительны. Уже самое существование этого чисто общественного сербского культурно-просветительного центра было чрезвычайно важно для сохранения самой сербской народности, гонимой и подвергаемой мадьяризации (а в известной степени и германизации), для воспитания и развития национального самосознания и самодеятельности, для сближения сербов, живущих в различных областях и государствах, для развития славянской (в первую очередь югославянской) взаимности, для успешного сближения славян. Для сохранения и развития сербской литературы, сербской школы и сербской общественности, для распространения и демократизации просвещения среди сербов, для воспитания и подготовки многих и многих образованных, национально сознательных и хорошо подготовленных к полезным профессиям сербов, — Матица Сербская, с ее журналом, издательством, разнообразными фондами и стипендиями, сделала очень много.

Терпеливо и самоотверженно работали многие поколения сербских патриотов в рамках устава Матицы, и сейчас не одни сербы могут и должны помянуть этих людей добрым словом. Из Матицы зародились многие идеи, начинания, порывы; воспитались живые, даровитые, дельные люди; создались под ее покровом полезные учреждения.

Журнал выходил непрерывно, кроме годов, когда выход его был совершенно невозможен. Матица выпустила свыше трехсот томов «Летописи», очень богатого и разнообразного содержания. Кроме того, до 1914 г. Матица издала 149 книг для народа, по самой разнообразной программе. Выпуск этих книг сейчас опять возобновился.

Матица организовала ряд конкурсов и выдала много премий за научные, литературные, педагогические и популярные произведения.

Располагая многочисленными фондами (в настоящее время до 50-ти), Матица до сих пор дала возможность 493 лицам получить и закончить свое образование; между этими лицами находится целый ряд выдающихся сербов во всех областях культурной деятельности.

Мы не будем здесь касаться дальнейшей программы деятельности Матицы и ее богатых и многогранных возможностей. Тон работы, отчасти и род её неизбежно должен измениться, ибо сербы уже не угнетенное меньшинство, а державная нация в собственном государстве. Но работа, конечно, от того не может и не должна заглохнуть. Торжества по случаю столетия Матицы, описанные нами вкратце в «Русской Школе» (книжка 26-ая, стр. 306), внушают бодрую уверенность за будущее.

Для нас же русских, «в рассеянии сущих», как и для русских меньшинств в различных странах, пример сербской Матицы весьма поучителен и страден.

Проф. А. К. Елачич.

Русская школа в Литве

(Второй съезд русских учителей и деятелей просвещения)

I

На первом съезде, происходившем в декабре 1926 года (см. № 24-й «Русской школы за рубежом») был избран для проведения в жизнь постановлений и созыва следующего съезда специальный орган — Педагогическое Бюро. Подобно всем русским организациям, Бюро пришлось начать работу с добывания средств. Был организован среди учителей, родителей и учащихся гимназии сбор учебников, книг для чтения и учебных пособий. Удалось собрать 642 книги и 638 пособий разного рода. Затем был устроен литературно-музыкально-вокальный вечер имени В. Г. Короленко; на полученные от этого вечера средства приобретено 1.300 книжек для чтения и учебные пособия для школ. Некоторое количество книг и пособий было получено Бюро для учащихся-беженцев из фонда парижского Земгора. Так началась работа по снабжению школ учебниками, библиотечками для чтения и учебными пособиями.

Весьма большое внимание уделило Бюро «Дню русской культуры». Были организованы литературно-музыкальные вечера в Ковне, в Кибартах и Можейках, школьные праздники в Ново-Александровске, Вилкомире, Поневеже. В некоторых сельских школах были устроены гулянья и гимнастические упражнения. Кое-где празднование было отмечено проповедью священника. Надо сказать все же, что празднование «Дня русской культуры» захватило в минувшем году, повидимому, лишь небольшие, верхние слои русского населения в Литве, главным образом, городского. Сельское население, в подавляющем большинстве неграмотное, в праздновании, надо думать, участвовало слабо.

Бюро стремилось осуществить все решения первого съезда: оно предприняло шаги к открытию новых начальных школ (открыты две школы), средней школы в Ново-Александровске и русской учительской семинарии, организовало ряд комиссий для разработки программных вопросов начальных школ, издало отчет о первом съезде, созывало совещания для выработки устава Союза русских культурно-просветительных и благотворительных организаций в Литве, разработало проект устава Союза и т. д. К сожалению, работа Бюро не встретила должной поддержки на местах: отозвались отдельные лица, некоторые школы. С огорчением необходимо отметить, что Бюро встретилось у части учителей с очень узким, формальным пониманием их назначения в школе, с отсутствием правильного подхода к вопросам педагогического дела и культурно-просветительной работе среди русского населения. Лишь единич-

ные учителя с энтузиазмом проводили просветительную работу; местами проводниками работы явилось духовенство.

Неоднократно обсуждая причины вялого отношения мест, Бюро пришло к убеждению, что деятельность его не будет иметь успеха до тех пор, пока не будут организованы местные культурные силы. Таким образом, определилась потребность в созыве второго съезда русских учителей и деятелей просвещения в Литве. Приступая к организации съезда, Бюро главное внимание обратило на возможно полное представительство на съезде учителей начальных школ. Самая программа съезда вырабатывалась применительно к интересам начальных школ и нуждам сельского населения. Особенно актуальным являлся вопрос о введении всеобщего обязательного обучения в Литве. Кроме того, в целях объединения всей русской культурно-просветительной работы, Бюро решило занять съезд и вопросом организации празднования «Дня русской культуры» в Литве. Чтобы обеспечить материальную возможность съезда Бюро устроило литературно-музыкальный и вокальный вечер, связанный с юбилеем Н. А. Некрасова, сбор с которого дал средства на устройство съезда и выдачу пособий делегатам на проезд с мест.

На приглашения, разосланные Бюро, отозвались почти все учителя русских начальных школ. На съезд прибыли представители Ковенских школ, Кибартской, Можейкской, Евьевской, Ежеренской, Ловжанской. Бобришской, Хвалойнской, Поневежской, Преображенской (всего 16 человек), от Шпульской, Вилкомирской, Калбутишской и Жеймельской школ получены доклады учителей. Не прибыли и не отозвались на приглашения учителя Посвайгской, Комиссаровской и Паскутишской школ, вероятно потому, что учителя в них не принадлежат к русской национальности. Из числа культурно-просветительных обществ на съезде представлены были: Поневежское культурно-просветительное общество, Ковенское общество преподавателей русской школы. Женское Мариинское благотворительное общество, общество вспомоществования нуждающимся учащимся, Св. Никольское братство, демократический союз литовских граждан русской национальности, русское студенческое объединение, центральный старообрядческий совет, общество «Учение — Свет» и др.

II

Съезд открылся 17 апреля в помещении русской гимназии речью представителя Общества преподавателей русской школы и Педагогического Бюро, указавшего на задачи съезда и на назревшую необходимость разрешения целого ряда вопросов в связи с поднятым в стране вопросом о введении всеобщего обязательного обучения. В президиум съезда вошли: почетный председатель Н. Н. Покровский, Г. Ф Кудрявцев и К. К. Хохлов.

По принятии порядка дня, предложенного Бюро, съезд по-

становил отправить приветственные телеграммы президенту республики и министру просвещения[1]). Затем были оглашены приветствия от объединения русских учителей, от общества «Учение — Свет», от демократического союза и телеграмма от председателя союза просветительных обществ в Латвии, депутата латвийского сейма Е. М. Тихоницкого: «Шлю привет съезду и кланяюсь русскому учительству. Верю в его светлую работу».

Заседание первого дня было посвящено докладам с мест.

Доклад Педагогического Бюро о деятельности за истекший год останавливался на тех моментах работы в помощь русской школе, которая уже освещена в первой главе настоящего очерка. Доклад, между прочим, отметил, что четырнадцать школ снабжены в минувшем году учебниками, учебными пособиями и библиотечками, причем на каждую школу пришлось в среднем около 75 учебников, 50 книг для чтения и 80 учебных пособий разного рода. Ко «Дню русской культуры» было разослано по школам и приходам около двух тысяч экземпляров газет и книг, посвященных празднику.

Затем, один за другим на кафедру всходили делегаты с мест и рассказывали несложную, но глубоко драматическую повесть о своей тяжелой работе в глухой литовской провинции.

На долю русского народного учителя в Литве выпала поистине задача непосильная. Чаще всего он не только учитель, но и создатель школы. В одиночку, или вместе с кем-нибудь из русских общественных работников, обходит учитель жителей, собирая подписи под прошением в министерство об открытии школы; ищет помещение; чуть не своими руками сколачивает мебель; выклянчивает от местных самоуправлений, одинаково инертных и бедных, дрова и кое-какие пособия на школу и т. д. Но вот усилия увенчались успехом. Можно начать учить детей, но какое же учение, если, как рассказывает одна учительница, школа ее помещается в бывшем сарае... Дует с обветшалой крыши, дует с боков, тянет холодом с пола... Как учить, если нет парт, а дети сидят на разбитых скамейках, наспех сколоченных родителями. Чему научишь ребенка, если в классе нет никаких пособий, карт, счетов, глобуса, не говоря уже о картинах, библиотеке, коллекциях и прочей роскоши...

Вот отдельные иллюстрации этой картины по докладам учителей.

Ковенская школа № 22 существует с 1918 года. При открытии школы состояние было прямо плачевное: имелось

[1]) На первую телеграмму съездом получен ответ, что президент сердечно благодарит русских народных учителей и деятелей просвещения за поздравление; телеграмма министра просвещения гласит: «Сердечно благодарю участников съезда за поздравление и хорошие пожелания. Прошу заверить съезд, что его стремления просвещать своих соплеменников будут приняты во внимание и в должной мере оценены министерством просвещения».

только шесть полуразвалившихся четырехместных парт, доски не было, приходилось писать на стене. Большинство учеников занималось стоя, писали, лежа на полу. Учебников и пособий совсем не было. В настоящее время положение школы и ее оборудование значительно изменилось к лучшему, но «быт» остался тот же. Учебных пособий, кроме карт Европы, Литвы и полушарий, не имеется и до настоящего времени. Учащихся 105 в четырех отделениях.

Кибартское начальное училище открыто в 1921 году. Первое время существование школы было очень тяжелое. Ученики долгое время занимались во вторую смену, а затем с трудом устроились на окраине города. Школьной мебели и пособий в первое время не было никаких. Школа оборудована путем благотворительных сборов. В настоящее время она вступила в седьмой год существования. Налаженная в предыдущие годы педагогическая работа продолжается в прежнем направлении. Незначительные изменения введены лишь в области ручного труда. Быстрое падение числа учащихся послужило причиной закрытия одного комплекта. Столь значительное уменьшение числа учащихся произошло вследствие отъезда многих семейств в Бразилию и сокращения числа детей, вызванного общими послевоенными причинами. Школа осталась при одном комплекте. При обширности школьной программы и при наличии четырех отделений с 38 учащихся при одном учителе педагогическая сторона дела лишь с большим трудом может поддерживаться на прежнем уровне.

Поневежская школа открыта в 1921 году. Занятия производятся во вторую смену. Учебных пособий мало. Учебников, выдаваемых городскою управою, недостаточно. Школа поддерживается заботами родителей и просветительного общества. Учащихся 35; три отделения.

Учитель Благовещенской школы сообщает, что, когда он приехал в 1921 году к месту службы, он не нашел никакого школьного имущества, кроме пустого школьного здания с выбитыми стеклами. Учителю самому пришлось заняться ремонтом и оборудованием школы. В настоящее время в школе 32 уч. Нужды школы велики. Одной из важнейших нужно считать отсутствие парт. Ученические парты, сделанные самими крестьянами на скорую руку, пришли в ветхость, расшатались и совершенно непригодны для занятий. Учебными пособиями школа почти не оборудована.

В Ново-Александровском двухкомплектном училище учащихся до 70 человек. Школа существует с 1922 года. Учебных пособий мало.

Ковенская школа № 38 открыта в декабре 1922 года. Первое время пришлось вести занятия во вторую смену. Тяжело было смотреть, как детям приходилось стоять в весеннюю слякоть и дожидаться, когда первая смена закончит занятия. В 1923 году родители на свой счет отремонтировали

предоставленную под школу казарму. Учащихся около 80; четыре отделения, два комплекта.

Шпульская школа открыта в 1923 году. В первый год существования школы волость отказалась нанять помещение и вообще от всех расходов, а потому все расходы по школе пришлось принять на себя учителю. Школу открыли, но не было ни одной скамьи, ни доски, ни книг. В настоящее время учащихся 46 человек. Ежегодно приходится отказывать в приеме 15—20 ребятам за отсутствием помещения. Учебных пособий почти нет никаких. Имеется библиотека, состоящая из 75 литовских (!) книг.

Ловжадская школа открыта в 1925 году. Волость не дала ничего при оборудовании школы. Учителю, местному уроженцу, пришлось самому на свои средства ремонтировать школу и оборудовать школьною мебелью. Первое время пришлось платить и за помещение тоже из средств учителя, так как население смотрело на открытие школы совершенно равнодушно. Учащихся 36.

В Вилкомире удалось добиться школы лишь в 1926 году. Управа предоставила школе 8 скамеек, стол, доску и пару табуреток. Остальное пришлось оборудовать самим родителям. Учащихся 40. Учебных пособий, кроме двух-трех карт, нет.

Можейская школа открыта в 1926 году, при чем родители взяли на себя оборудование школы и заботы о хозяйстве. Учащихся — 34.

Евьевское русское население еще в 1922 году хлопочет об открытии школы, и лишь в 1926 году удается получить разрешение, и то по ходатайству белорусского «Гуртка», с преподаванием на белорусском языке. Помещение в начале было холодное, без печи. Дети всю зиму мерзли. Регулярных занятий вести не было возможности. Пособий, как для учителя, так и для учащихся, кроме карты Литвы, нет.

По докладу одного священника, в различных местах мариампольского уезда разбросано русское население; детей школьного возраста в этом районе до 60, но об открытии школы не приходится и думать в виду того, что ни в одном пункте уезда не собрать количества детей, достаточного для составления хотя бы одного комплекта школы. Явление очень частое при разбросанности русского населения в Литве.

Самое тяжелое впечатление создавалось на съезде, когда учителя бесхитростно повествовали о том, как они учат без учебников, без тетрадей и т. д. «Учебники, говорится в одном докладе, покупают сами учащиеся, но так как население в большинстве бедняки, то ограничиваются одной книжкой для чтения, иногда даже и от этого отказываются и не посещают школы».

В другой школе другая беда: ученики поступают в чужие

школы, потому что в этих школах выдаются учебники и пособия...

Из докладов выяснилась тяжелая картина положения и быта всего русского населения в Литве. Бедность, темнота, инертность.

«Некоторые и рады бы пустить в школу ребенка, заявляется в одном докладе, но ведь его надо обуть, одеть, а на это нет средств». Почти в каждой школе учитель вынужден снабжать детей книгами и тетрадями из своих средств, иначе ученики не посещали бы школы. Да и правда, что им делать в ней без книг, без тетрадей, без карандашей.

Иногда учитель, этот «сеятель вечного», бьется, как рыба об лед, спасая школу, а население относится с полным равнодушием к ее судьбе.

Один докладчик говорил: «Главной причиной плохого посещения детьми школы является халатность самих родителей. Местное русское население и до войны не отличалось высокой культурой, имея самый незначительный процент грамотности. Война с ее последствиями рассеяла по свету и раззорила местного крестьянина. Сейчас, правда, положение улучшается, однако, наш крестьянин попрежнему инертен, попрежнему мало интересуется вопросами школы». (Ново-Александровский уезд).

Другой докладчик рассказал следующее: «До войны в его местности в одном лишь приходе было две школы. Теперь же во всей волости, довольно густо населенной русскими, всего одна русская школа. И если сказать откровенно, то русских школ мало только потому, что само русское население не хлопочет об этом. Население довольно бедное, большинство детей пасут скот в Латвии. До школы ли им?» (Ракишский уезд).

«Подавляющее число учеников, говорит докладчик из Волковышского района, принадлежит к бедному классу; питание их оставляет желать лучшего; следствием же плохого питания является пониженная трудоспособность».

Делегат от Ковенской начальной школы говорил: «Русское население самое бедное в городе. Многие не могут послать своих детей в школу, так как не в состоянии одеть их, другие отдают своих детей на заработки, третьи, в виду отдаленности школы от места жительства, посылают детей в чужие школы».

Один докладчик констатировал, что тяжелое положение школы вызвало у детей и родителей апатичное отношение к ней: «Число учащихся сокращается, и с будущего года предполагается школу присоединить в виде комплекта к литовской школе».

Суммируя все повествования, следует сказать, что доклады с мест выявили тяжелую, неприглядную картину русского школьного и просветительного дела в Литве. Однако, на съезде не чувствовалось духа уныния. Участники съезда ве-

рили, что самое трудное, повидимому, прошло, что впереди надо ждать лучшего...

Доклады отметили и положительные явления: укрепление положения ряда школ, рост интереса к делу русской культуры, возникновение на местах просветительных организаций и обществ мелкого кредита, стремление к открытию новых школ и т. п. Студенческое объединение в Ковне приобрело библиотеку «Зарница», которая уже имеет свыше ста читателей. Представитель Поневежского русского культурно-просветительного общества сообщил, что общество оборудовало небольшую библиотеку, организовало хор и драматический кружок, оказывает помощь школе и т. д.

За последний год возбуждено до десяти ходатайств об открытии школ, открыты две школы и ожидается разрешение на несколько новых школ. Общее число школ дошло до 20. Правда, их должно быть, пропорционально численности русского населения, гораздо больше, свыше 50, так как в Литве в среднем приходится одна школа на тысячу жителей (русское население Литвы еще по переписи 1923 года насчитывало 55 тысяч).

Доклад об успехах русской школы в Латвии указал на путь, по которому нужно итти русской школе в Литве, именно — на образование русского отдела при министерстве просвещения, который придаст русскому школьному строительству в Литве планомерный характер и облегчит условия для открытия новых школ.

Первый день съезда был заключен докладом представителя русского общества мелкого кредита, в котором сообщалось о способах оказания помощи населению в его хозяйстве и школьном строительстве путем кооперации. Начинания в деле оказания помощи крестьянам кредитом в Ковенском и Ежеренском русских обществах мелкого кредита дали положительные результаты и наглядно иллюстрировали реальность достижений в этой области и возможность поддержки русского сельского хозяйства.

Во время перерывов съезда делегаты и гости осматривали выставку ученических работ начальных школ. Хороши были работы Кибартской и Можейкской школ. Среди выставленных работ Кибартской школы (рисование, выпиливание, картонаж и переплетные изделия) особенно интересны отчеты об экскурсиях, которые сопровождались обыкновенно сбором коллекций. Как грамотны, сознательны эти отчеты, сколько в них проникновения важностью, нужностью совершаемой работы со стороны маленького экскурсанта! Можейкская школа блеснула рукоделиями учениц, Ковенская школа представила различные образцы работ по ручному труду.

На съезде присутствовало в первый день около 40 человек. День закончился дружной товарищеской беседой за чашкой чая.

III

Второй день съезда начался с доклада о всеобщем обязательном обучении и задачах русского населения и учительства.

Докладчик указал, что вопрос о введении всеобщего обучения в начальной школе, обязательного для всех детей школьного возраста в Литве, становится в наши дни актуальным. Мы не раз, а почти ежедневно читаем в газетах, что в различных местах республики самим населением или самоуправлениями выносятся резолюции и решения о введении всеобщего обучения в связи с десятилетием независимости государства. Для страны вопрос этот является делом большой государственной важности: по переписи 1923 г. более $^2/_5$ (44%) населения совершенно неграмотны, 21% полуграмотен, т. е. умеет читать или подписать свою фамилию и только треть населения (35%) умеет читать и писать. При таких условиях вопрос всеобщего обязательного обучения приобретает особенную остроту, но вместе с тем выявляет и особенные трудности, которых не следует игнорировать.

Нельзя, конечно, умолчать, что министерство просвещения приняло все меры к развитию образования в стране и достигло за десятилетие больших успехов. В самом деле, число школ с 1919 г. по 1927 г. увеличилось с 1.036 до 2.301, а число учащихся с 45 тыс. до 122 тыс. («Šv. Darbas» 1928 г. № 2), увеличение большое, в два с половиной раза за промежуток в восемь лет. Если сравнить с довоенным временем, разница получится еще более резкая: в 1913 г. одна школа приходилась на три тыс. населения, а в 1927 г. на одну тысячу. И несмотря на такой большой рост школ в стране обучается менее половины детей школьного возраста. По переписи 1923 г. детей школьного возраста около 300 тыс., из них совершенно неграмотных значится 160 тысяч. Если взять средний годовой прирост учащихся школьного возраста, то он равняется приблизительно 7—8 тыс. в год. При таком темпе роста числа учащихся потребовалось бы для подхода к всеобщему обучению при обычных условиях, особенно, если учесть прирост населения школьного возраста, по крайней мере, 20—30 лет школьного строительства, если не принять самых энергичных мер по проведению реформы всеобщего обязательного обучения. Для городов, конечно, реформа может быть проведена значительно скорее.

Необходимы большие подготовительные работы. На пути к осуществлению реформы встретится еще одно препятствие, которое придется преодолеть государству. Первое, это плохое оборудование школ в настоящее время. В отчете министерства просвещения о начальных школах за 1924 г. (Šv. Darbas № 5 1926 г.) мы читаем: «Хотя положение начальных школ и улучшается, но вполне удовлетворительным его назвать нельзя

Школы нередко помещаются в неподходящем помещении. Не хватает мебели: скамеек, досок и шкапов. В большинстве школ учебные скамейки не отвечают своему назначению. Недостает учебных пособий и книг. Хозяйственные нужды школ недостаточно обеспечены, так как самоуправления не платят или не в состоянии выплатить назначенные суммы на школьные нужды, не обеспечивают в достаточной мере отоплением. Не редко случается, что самоуправления не могут оплатить нанимаемое для школ помещение». В министерских отчетах за другие годы повторяются такие же грустные мотивы. Эти заключения отчетов свидетельствуют о том, что местные самоуправления, особенно волостные, плохо справляются с возложенными на них задачами школьного дела. При этом следует сказать, что на самоуправления ложится небольшая часть расходов на школы, в среднем около 15%, при чем доля участия самоуправлений с каждым годом падает и определяются в таком виде:

годы	из казны	самоуправлений	в %% ко всем расходам	из других источ.	всего (в милл. лит.)
1923	6,0	1,5	20%	0,1	7,6
1924	9,7	1,6	14%	0,1	11,4
1925	12,6	1,8	12%	0,1	14,5
1926	13,7	1,9	12%	0,2	15,8

Из общего расхода самоуправлений преобладающая часть ложится на городские самоуправления. При разверстке расхода на одного жителя, занимающегося самостоятельным трудом, приходится в среднем всего от одного лита до 1,4 лит. в год, при этом расходы сельского жителя, надо считать, не превышают 50 центов. Таким образом, волости несут незначительные расходы, но и те выполняются, как мы видели, недостаточно удовлетворительно.

Причины тому — бедность населения и недостаточное понимание со стороны полуграмотного сельского населения нужд просвещения. И неудивительно, что не редко волости, небогатые средствами, старались уклониться от школьного строительства. Иного трудно было бы и ожидать от населения в значительной части безграмотного и потому неумеющего оценить значение просвещения в государственном масштабе. Да откуда и научиться этому? Газета, книга, печатное слово вообще — в нашей деревне сравнительно редкое явление. Да и горизонт самих волостных самоуправлений не велик. Преобладание местных приходских интересов над общегосударственными и является главной помехой развития школьной сети и просвещения в деревне.

Всеобщее обучение необходимо, должно быть и обязательным, и это обстоятельство может вызвать реакцию со стороны наиболее темных слоев населения, так как обязательное обучение ляжет новым бременем на малосостоятельную деревню.

Подобные случаи бывали уже в других странах, особенно, где имелись очаги темного населения, и эта темнота переходила иногда в открытую борьбу против прогрессивных мер правительства. При бедности сельского населения казна должна быть готовой принять на себя весьма значительную часть бремени расходов на расширение сети начальных школ.

За последнее время приходится все чаще отмечать в отношении местного населения отрадное явление — решимость волостей приняться за введение всеобщего обучения. Однако, необходимо этот героический сдвиг, выразившийся в большом количестве резолюций и постановлений, претворить в длительную работу самого населения и его органов — волостей. Одних директив и обращений к правительству недостаточно. Проведение реформы всеобщего обязательного обучения бюрократическим путем обычно не имело значительного успеха. Школьная администрация и самоуправления при этом превращались в административный орган, и от всей реформы оставался один момент принуждения, что не редко умаляло авторитет самих самоуправлений и школьной администрации и вызывало глухую, а иногда и открытую борьбу против учителя, инспекторов и других школьных органов самоуправлений.

Чтобы предотвратить эти трудности, необходимо привлечь само население к реформе. Осуществляя важную государственную реформу всеобщего обучения, министерство просвещения должно призвать на помощь все культурно-просветительные организации, которые до настоящего времени работают совершенно изолированно. Там, где нет просветительных организаций, они должны быть вызваны к жизни и привлечены к работе. Там, где работают несколько организаций обособленно друг от друга, деятельность их должна быть объединена, независимо от национальных, вероисповедных и других признаков. Для проведения в жизнь реформы должны быть образованы постоянные органы на местах, которые бы объединяли и координировали всю до сего времени распыленную работу просветительных органов и обществ. Учителя, деятели просвещения и само население должны быть организованы в единый фронт, как принято сейчас говорить. В самом министерстве должен образоваться и работать постоянный живой авторитетный орган, объединяющий всю работу в стране. Наивно думать, что чисто канцелярскими мерами можно осуществить реформу. К работе министерства должны быть привлечены общественные силы, представители с мест, национальные представители. Для более плодотворной работы должны быть образованы национальные отделы по образцу Латвии, где при министерстве просвещения имеются отделы литовский, немецкий, русский, еврейский и др.

Докладчик закончил указанием, что без организации культурно-просветительной работы на местах, без работы органов культурной автономии меньшинств, без участия всех культур-

ных сил страны реформа всеобщего обучения при бедности населения может быть обречена на прозябание.

Доклад о преподавании русского языка и истории в начальной русской школе указывает на методические предпосылки обучения родному языку и средства борьбы с порчей языка и речи. Доклад вызвал оживленные прения, в которых выяснялась необходимость организации повторительных летних курсов для учителей начальных школ с целью прохождения методики русского и литовского языков и русской истории. Краткое сообщение о преподавании Закона Божия, церковно-славянского языка и пения в школе обращает внимание народного учителя на его обязанности в условиях школ, отдаленных от церквей.

Доклад о праздновании дня русской культуры в русских школах и деревнях вскрывает вопрос о причинах возникновения этого национального праздника, при чем докладчик выпукло обрисовал причины национального движения в наше время. Положение обязывает всякого русского хранить богатое наследие русской культуры и приумножать его. Одним из выражений и способов выявления национального самосознания является установившийся обычай празднования дня русской культуры. День этот захватывает все шире и глубже русское население, и задача русского учителя и всякого работника на ниве просвещения — придать яркость, красоту и смысл этому празднику.

Доклад о поэзии Н. А. Некрасова по случаю 50-летнего юбилея со дня его смерти закончил серию докладов съезда.

Съезд принял следующие резолюции:

По докладу о всеобщем обязательном обучении. — Принимая во внимание сложность и трудность проведения в жизнь всеобщего обязательного обучения, неподготовленность населения, в массе малограмотного и разбросанного среди других народностей, съезд для успешного проведения начатой министерством просвещения реформы считает необходимым: 1) образование при министерстве просвещения особого отдела по делам русской школы и 2) организацию и поддержку культурно-просветительных обществ на местах при содействии местных интеллигентных сил, которые должны согласовать свою работу с просветительными организациями других национальностей.

По докладу о преподавании русского и литовского языков, русской истории, Закона Божия и пения. — Принимая во внимание тяжелые условия работы русского народного учителя на местах, его оторванность от культурных центров и крайнюю необходимость для пополнения знаний и усовершенствования методов преподавания скорейшей организации повторительных учительских курсов, съезд постановил: 1) поручить президиуму съезда при-

нять все меры к организации в ближайший каникулярный период повторительных курсов для русских народных учителей и 2) обратиться от имени съезда в министерство за материальной поддержкой на организацию означенных курсов.

По докладу о праздновании дня русской культуры съезд постановил: 1) поручить учителям устройство означенного дня в первый воскресный день июня месяца, где это возможно, или в другой праздничный день мая или июня, смотря по местным условиям, и 2) отметить этот день в школах устройством литературно-певческих вечеров, детских гуляний, чтений, хорового пения и т. п.

Съезд выразил благодарность Бюро за понесенные им труды и уполномочил его продолжать работу до следующего съезда. Бюро дано право кооптировать лиц, полезных и необходимых для работы.

Литературно-музыкальным и вокальным вечером в честь прибывших на съезд гостей завершился второй и последний день съезда. Программа вечера была посвящена русской песне, русской музыке и поэзии.

В заключение председатель съезда отметил серьезность и важность скромной работы народных учителей и других деятелей просвещения, поблагодарил участников и устроителей съезда и выразил надежду, что труды съезда пойдут на пользу русского населения и на благо государства.

От имени участников съезда говорил учитель К. Хохлов. Он обратился от имени своих коллег приблизительно с такими словами: «Дорогие устроители съезда и дорогие гости, почтившие наш съезд! Вы не знаете, как много он значит для нас. Мы думали, что мы всеми забыты. Вчера и сегодня мы убедились, что этот радостный праздник устроен для нас. Для нас читались доклады на прекрасном русском языке, от которого мы незаметно начинаем отвыкать, для нас пелись здесь чудесные русские песни, читались стихи наших великих писателей. Мы не забудем этого праздника и с нетерпением будем готовиться к следующему съезду. Мы теперь знаем, что у нас есть друзья, что мы не одиноки. Земно кланяюсь всем от имени всех коллег!»

А. Тыминский.

Библиография

Общая педагогика, организация народного образования

Литература по планированию народного образования

Советская власть давно стремится строить народное хозяйство по заранее разработанным планам. От граничащей с анархией децентрализации, характеризующей первый период диктатуры коммунистической партии, когда м е с т а организовывали «производство» вне всякой зависимости от центральных органов государственного управления. с самого начала НЭП'а наметился поворот к решительному и властному вмешательству государства в вопросы, связанные с организацией народного хозяйства и его управлением. Наладив государственное денежное хозяйство, упорядочив до некоторой степени местные финансы, советская власть начала регулировать отпуск денежных средств из казенного сундука. Появились «производственные планы» наркоматов, которые были предтечей «контрольных цифр». «Контрольные цифры» вот уже три года издаются особыми государственными органами — «госпланами», задача которых — организовать на твердых научных основах «социалистическое строительство Союза». Трехлетний опыт показывает, правда, что те «научные основы», на которых зиждется государственная плановая работа, являются далеко не твердыми, — госпланы очень сильно «просчитываются», но за всем тем работа планирующих учреждений, как показал этот же опыт, имеет некоторое положительное значение, приводит к известным практическим следствиям.

В течение последнего года произведена попытка применить методы планирования и к чрезвычайно сложным вопросам народного просвещения. «Третий фронт» — просвещение переводится, как любят говорить деятели советской диктатуры, «на боевую линию». К вопросам просвещения не могли не притти вплотную хозяйственные органы (стоит напомнить совещание по профессионально-техническому просвещению в начале октября истекшего года); изучением проблем культурно-социального строительства занялись плановые органы (в «Контрольных цифрах» на 1927—28 г. уже имеется отдел по нар. образованию); XV-й съезд коммунистической партии уделил весьма большое внимание вопросам народного образования, подчеркнув решающее значение школы в организации хозяйства; верховный орган профессиональных союзов также заинтересовался третьим фронтом.

Плановая работа в области просвещения за короткое время своего существования уже успела пройти одну фазу развития. Ее надо характеризовать, как попытку построить перспективный план развития учреждений народного образования с ничтожным методологическим опытом и крайне скудным и ненадежным статистическим материалом. Плодами этого периода являются крайне несовершенные два варианта «пятилетки» (читатели «Р. Ш.» с ним отчасти знакомы, так как основные данные плана приводились в «хронике»).

В настоящее время, судя по словам В. К а с а т к и н а, одного из виднейших организаторов плановой работы в области просвещения, и в центре и на местах работа вступила в новую стадию — кропотливого уточнения первых вариантов пятилетки на основе более тщательно подобранных материалов и одновременной разработки ряда методологических и плановых проблем, которые или выдвигаются непосредственно в процессе работы над указанным пятилетним планом, либо могут стать актуальными в ближайшее время и облегчить дальнейшее уточнение плана.

В организационно-плановом учреждении наркомпроса РСФСР образован сообый п л а н о в о й о т д е л, который и занялся разработкой ряда методологических вопросов планирования. Прорабатываются след. темы: 1) схема классификации просвет. учреждений; 2) о показателях культурной мощности губернии (края) и основных показателях по нар. образованию; 3) соотношение бюджетно-экономических и культурных показателей в про-

цессе планирования; 4) зависимость между высотою грамотности населения и народным доходом; 5) степень несоответствия народно-хозяйственного профиля и профиля культурного (вопрос «культурных ножниц» по районам); 6) методология получения показателей количественной эффективности просветительной работы и эффективности затрат на нее; 7) эффективность затрат на всеобщее обучение (проверка работы статистика Струмилина под тем же названием, выводы которой уже сообщались в «Русской Школе», см. книжку 23-ю, ст. «Всеобщее обучение в России»); 8) эффективность затрат на избы-читальни; 9) эффективность затрат на высшее индустриальное образование (с процентом повышения энергетической ценности продукции, в зависимости от срока обучения и от степени оборудования учебного заведения); 10) методология изучения эффективности работы научных учреждений; 11) методы выявления стоимости основного капитала просветительных учреждений. Литература, посвященная указанной проблеме, если не ошибаемся, стала появляться с 1926 года. Она не очень обширна.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют «Измерители расходов учреждений народного образования», официальное издание Наркомпроса РСФСР, выполненное Государственным издательством. «Измерители» вышли в пяти выпусках, под общей редакцией А. Г. Васильева, В. З. Завадье и Б. А. Маковского, с предисловием последнего; все выпуски помечены 1928 годом, но на титульных листах стоит почему-то 1927 г.

Первый выпуск: «Общая часть». Стр. 88 + 2. Ц. 90 к. Предисловие выясняет причины появления в свет этого издания. «Нам (Наркомпросу) необходимо обосновать требования по повышению бюджетных норм расходов и вместе с этим дать возможность работникам наших учреждений целесообразно использовать отпускаемые средства». Далее в предисловии указывается, что «Измерители» рекомендуют лишь минимум оборудования и снабжения, который соответствует педагогическим требованиям и методам работы, применяемым в сов. школе. Хотя книгой предусматривается лишь самое важное и основное, хотя все второочередное не вошло в нее, тем не менее и «рекомендуемые нормы, говорит предисловие (стр. 6), не укладываются в рамки фактических ассигнований, отпускаемых на нужды нар. просвещения; в виду ограниченности наших рессурсов, нам елва-ли удастся провести эти нормы повсеместно в жизнь в кратчайший срок; поэтому на ближайший отрезок времени (3—5 лет) их надо считать регулятивными, и вряд-ли придется за этот срок их существенно менять». «Но это же обстоятельство, говорит редактор, обязывает наши органы нар. образования и работников просвещения пропагандировать нормы и бороться за их возможно более быстрое проведение в жизнь».

В сборнике помещены след. статьи: «Учебное оборудование современной школы» (речь идет главным образом о типах и видах учебных пособий); «О нормах амортизации школьного оборудования» (амортизация зданий, обстановки, оборудования лабораторий, библиотек, чертежных, арифмометров, пишущих машин, оборудования мастерских, сельско-хозяйственного оборудования); в приложении к статье даны таблицы: а) сроков службы оборудования, сооружений и предприятий (две таблицы); процентов годичного списания, установленные комиссией немецких инженеров в Бреславле; «О нормах необходимой площади для различных типов школ» (школа I ст., семилетка, девятилетка, школа II ст., деревенский детский сад, детский дом, — рабфаки, совпартшкола; политехникум однокомплектный, техникумы и т. д.; здесь же даны нормы площади под библиотеку и клубы и приведены нормы площади довоенного времени, по данным мин. нар. просв. 1895 г. и 1910 г.); статья «Общие соображения о нормах хозяйственно-операционных расходов» дает нормы освещения школьных зданий, водоснабжения и канализации, потребления топлива (по поясам), нормы расходов по содержанию зданий, дворов, тротуаров и мостовых, ремонта зданий, нормы суточного питания: для детей дошкольного и школьного возраста и т. д.

Второй выпуск: «Соцвос». Стр. 230 + 2. Ц. 2.40. Содержит подроб-

ные данные о расходах на учебное оборудование и материалы, а также на хозяйственные расходы дошкольных учреждений, школ I ступени и повышенного типа; особенное внимание должны привлечь нормы расходов на учебную часть и материалы учреждений социально-правовой охраны несовершеннолетних (институт социального воспитания, сельскохоз. трудовые колонии, детские дома нормального типа, школы-интернаты для глухонемых и слепых, вспомогательные школы-интернаты для умственно-отсталых, приемники-распределители).

Третий выпуск: «Главполитпросвет». Стр. 163 + 3. Ц. 1.70. В составлении выпуска принимали участие: Аронов, Золтышев, Калашников, Павлов, Равкинов. Даются нормы по след. видам работы: совпартшколы; учреждения по ликвидации неграмотности; школы взрослых повышенного типа; одногодичные рабочие курсы; избы-читальни; уездные библиотеки.

Четвертый выпуск: «Главпрофобр». Стр. 213 + 1. Ц. 2.40. Даны нормы всех расходов по проф.-техническим школам, учебно-производственным мастерским, школам фабрично-заводского ученичества, рабочим факультетам.

Пятый выпуск: «Средние проф.-технические школы» касается расходов по техникумам всех специальностей и рабфакам.

Большой интерес представляет совсем недавно выпущенный Наркомпросом РСФСР статистический сборник «Народное просвещение в основных показателях». Госиздат. М.—П. 1928. Стр. 191. Ц. 3 р. 75 к.

Эпиграфом сборника взяты слова А. И. Рыкова на XV партийном съезде: «Осуществление индустриализации и подъем хозяйства в дальнейшем не может происходить без параллельного подъема культурного уровня страны». Общая редакция сборника принадлежит В. Н. Касаткину и К. А. Коноваловой; авторами и редакторами отдельных частей его являются И. М. Богданов, П. Н. Григорьев, И. С. Самохвалов, М. Ф. Виклинская, К. А. Коновалова. В предисловии говорится: «Не все отделы сборника одинаково полны. Препятствием для этого служит и нежелание делать книгу чересчур громоздкой и ограниченность имеющихся данных по ряду вопросов (национальный и социально-классовой разрез, эффективность просветительной работы, данные по заграница и т. п...). Некоторым недостатком сборника является его статичность, отсутствие динамики по годам... Внимательный читатель найдет в сборнике в разных таблицах по одному и тому же вопросу за один и тот же год неодинаковые показатели. На данной стадии статистической работы этот дефект совершенно неустраним. Корни его лежат и в далекой еще от совершенства методологии статистических исследований, в трудностях стат. учета просветительной работы и в множественности каналов, по которым притекают статистические данные (ведомственная статистика, госплан, наркомфин, ЦСУ), при чем районы ЦСУ, НКФ и Госплана не вполне совпадают».

Статистическим таблицам предпосланы две статьи — В. Касаткина: «Культурные ножницы» и И. Заколодкина: «О системе показателей по народному образованию». Если вторая статья имеет исключительно специальный интерес, то первая способна заинтересовать каждого работника просвещения. Автор задается вопросом, почему проблемы культурной революции до сих пор не вставали с такой остротой, с такой отчетливостью? Интересен его ответ: «Объясняется это не тем, конечно, что партия не сознавала важности этих проблем, а тем, что для восстановления хозяйства на базе старого основного капитала более или менее хватило наличных культурных и технических сил. Теперь наше народное хозяйство исчерпало почти все возможности восстановительного периода, и мы переходим в фазу накопления нового основного капитала. В связи с этим, необходимо расширение и качественное улучшение и культурной базы, в противном случае может получиться резкая диспропорция, которая через некоторый промежуток времени тяжело отразится на всем процессе социалистического строительства».

«Культурные ножницы» имеют очень большой раствор. Болезненные

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 571 - 590

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

диспропорции, которые автор объясняет отставанием в развитии культуры, весьма многочисленны. Это, прежде всего, «массовые отказы в приеме детей даже в школы первой ступени (18,4%, целая армия в триста слишком тысяч человек только по РСФСР), не говоря уже об отказах в приеме в школы повышенного типа (общие и специальные), куда ведут еще более узкие корридоры, чем в школу I ступени». Далее г. В. Касаткин говорит: «Не всем еще известно, но нужно, чтобы все об этом знали, как недостаточна сеть нашего низшего и среднего проф.-технического образования. Ведь на одного оканчивающего курс высшей школы у нас пока что приходится оканчивающих курс: средней спец. школы — 1,5, низшей 1,1, курсов проф. образования — 3,9, средней общеобраз. школы — 6,2, низшей — 25,5, школ для взрослых — 10,1. Таким образом, на 1 работника высшей квалификации наши просветительные учреждения продуцируют: работников выше средней квалификации — 1,5, средней — 11,2 и низшей — 35,6. Нужно еще иметь в виду, что две последние цифры несколько преувеличены, так как известное число лиц этой квалификации уходит не прямо на работу, а переходит в учебные заведения повышенного типа. Разумеется, отсюда отнюдь не следует, что у нас слишком развито высшее образование (мы стоим в ряду других государств на 24 месте!): острие этой диспропорции направлено на низшие ступени профобровской системы».

Диспропорции захватывают почти в такой же степени и качественную сторону просветительной работы. «Мы страшно отстаем и по линии капитальных вложений, удовлетворяя потребность в новом строительстве даже школ I ст. ежегодно только на 10—20% и тормозя этим развитие нашей сети. В отношении перспектив по этой линии дело пока что обстоит не лучше: по ориентировке Госплана СССР (1926—27 — 1931—32 гг.), все затраты на школьное строительство по СССР на пятилетие намечены в сумме 495 милл. р. (по бюджету 378 милл. р.). И это в то время, как для одной только РСФСР и только по школам I ступ. на эту цель нужно по самым скромным подсчетам 609.434.000 руб.! Что же остается (или, вернее, сколько не хватает) на строительство школ других типов и научных учреждений, на их капитальное научное, учебное и хозяйственное оборудование? «Ножницы», как видим, по этой линии не только не сжимаются, а раздвигаются еще шире» (стр. 8).

Диспропорции так велики, что советская Россия отстает не только от современности. «Мы очень отстали от довоенного уровня в отношении бюджетных норм расходов; в среднем, на 1 учащегося они ниже довоенных на 50%; в частности, по школам I ст. они равны, примерно, 75%, а по повышенным школам соцвоса даже только 25%. По линии заработной платы просвещенцам мы имеем сейчас для учителей школ I ст. лишь 65%, для учителей школ повышенного типа 40% и для работников высшей школы 35% довоенного уровня». Школьно-жилищный фонд и учебное оборудование изношены до крайности. «По данным НКП, в среднем, здания техникумов изношены на 39%, рабфаков — на 31%, совпартшкол на 47%. Физическая изношенность имеющегося оборудования для техникумов — 51%, для ВУЗ'ов — 39%, для рабфаков — 45%, для совпартшкол даже 56%... Учебное оборудование изношено не только физически, но и не соответствует уровню науки и техники, а набор оборудования — даже минимальным стандартам (в особенности, в школах, возникших во время революции)».

Велик раствор «культурных ножниц» и в деревенско-городском разрезе. — «Если охват детей дошкольного возраста (от 3 до 7 л.) по всей РСФСР равен 0,6%, то по городам он поднимается до 3.3%, а по сельским местностям падает до 0,1%. Вторым концентром школы повышенного типа соцвоса (5—7 группы) в городах охвачено 44.6% детей соответ. возраста, а в сельских местностях только 3%... Третий концентр школ повышенного типа соцвоса (8—9 группы) охватывают подростков соответ. возраста в городах на 14,4%, а в сельских местностях лишь на 0,5%, варьируя между 22,7% (сев.-вост. обл.) и 10,8% (Сев.-Кавказ) в городах и между 0,9% (нижне-волжск. обл.) и 0,2% (Сибирь) в сельских

местностях (в среднем по РСФСР охват на 2,7%)... Если вообще в стране через библиотеки одной книгой обслуживается 2 человека населения, то в среднем 1 книга приходится уже на 5 человек (1/5 книги на человека!)».

А вот данные о бюджете. «Из года в год падает удельный вес бюджета на образование во всем местном бюджете РСФСР: в 1924—25 г. он составлял 27,7%, в 1925—26 г. снизился до 26,8% и в 1926—27 г. упал до 26,6%...; в 1927—28 г. он обнаруживает некоторое увеличение, но явно недостаточное. Фактическое исполнение бюджета нар. образования, в меньшем %, нежели по другим расходам, еще больше снижает этот и без того падающий удельный вес. В частности, в 1926—27 г. исполнение бюджета по соцвосу составляло... 99,3%, по профобру — 98,3% по политпросвету — 99,6% (по ликпунктам только 87,2%), в то время, как административная группа расходов местного бюджета была выполнена на 102%, производственно-хозяйственная на 110,4%, «прочие» расходы даже на 112,9% и весь бюджет на 104,3%».

Автор приводит несколько поучительных примеров из «буржуазной» и «капиталистической» заграницы: «на 100 душ населения неграмотных приходится: в Германии — 0,04 (еще по данным 1911 г.), в Англии — 0,7 (1919 г.), Соед. Штаты — 5,9 (1920 г.), Франция — 8,9 (1924 г.), в РСФСР — 43,2 (1926 г.); на 1.000 душ населения приходится учащихся во всех типах учебных заведений: в Соед. Штатах — 250,4 чел. (данные 1924—25 г.), Англии — 175,7, Франции — 113,0, СССР — 81,1 (1926—27 г.)»...

Статистические таблицы касаются: населения и грамотности; состояния сети и обеспеченности населения культурно-просветительными учреждениями; характеристики результатов просветительной работы; бюджетных показателей. В особой главе дается сравнение СССР и РСФСР с иностранными государствами — Соедин. Штатами, Англией и Пруссией.

Необходимо обратить внимание на небольшой сборник (скорее брошюру): Народный комиссариат просвещения РСФСР: «Вопросы методологии планирования просветительной работы». Под ред. и с предисловием В. Н. Касаткина. Госиздат. М. 1928 г. Стр. 82. Ц. 90 к. В сборник вошли след. статьи: В. Касаткин: «Основные вопросы методологии перспективного планирования»; И. Заколодкин: «О методологии учета количественной эффективности просветительной работы и затрат на нее»; Л. Пресс: «Зависимость между грамотностью населения и народным доходом»; Л. Цынман: «О зависимости между экономической мощностью и удельным весом расходов на народное образование»; И. Заколодкин, К. Коновалова и В. Шарапов: «О системе классификации просветительных учреждений; Н. Яковлев: «К вопросу об учете основного капитала гос. бюджетных учреждений НКПроса»; В. Касаткин: «Основные показатели пятилетнего плана просветительной работы»; последняя статья сборника: Л. Пресс и В. Касаткин: «Что говорят цифры?» дает анализ бюджетно-экономических показателей по РСФСР. Недостаток места не позволяет хотя бы в общих чертах остановиться на разборе некоторых интересных теоретических построений В. Н. Касаткина.

То же обстоятельство не позволяет нам подробно прореферировать журиальную литературу. Приходится ограничиться лишь перечнем наиболее интересных статей. Большинство из них помещены в журнале «Народное Просвещение»; его не так уж трудно доставать в наших зарубежных библиотеках.

По вопросам всеобщего обучения: 1) Гасилов, Г.: «Всеобщее обучение среди нацмен» («Н. П.», 1928, № 3 и 4); 2) Григорьев, П.: «Система контрольных цифр всеобщего начального обучения» («Нар. Просв.», 1927, № 5); 3) Григорьев, П.: «Место второгодников и переростков в планах введения всеобщего обучения» («Н. П.», 1927, № 8—9); 4) Григорьев, П.: «Методы исчисления некоторых основных показателей по начальному образованию» («Н. П.», 1928, №№ 1 и 3); 5) Григорьев, П.: «Проблема всеобщего начального обучения» («Н. П.», 1928, №№ 2 и 3); 6) Богданов, И.: «Принципы построения школьной сети» («Н. П.», 1926, № 4—5); 7) Белоусов, С.: «Второгодни-

чество и его роль в жизни нашей школы» («Н. П.», 1926, № 2).

По вопросам планирования школьной работы: 1) Аристов, В.: «Планирование школьной работы» («Н. П.», 1928, №№ 3, 4); 2) Пистрак, М.: «Об организации процесса учебной работы» («Н. П.», 1928, №№ 4, 5).

По теоретич. вопросам планирования: 1) Астерман, М.: «К вопросу о принципах классификации просветительных учреждений и мероприятий» («Н. П.», 1928, № 4); 2) Астерман, М.: «Социально-культурное строительство» («Плановое Хозяйство», 1927, № 12); 3) Евстигнеев-Беляков, А.: «К методологии экономического и культурного районирования» («Н. П.», 1927, № 12); 4) Касаткин, В.: «О построении перспективного плана нар. образования» (Н. П.», 1926, № 2); 5) Касаткин, В.: «Вопросы методологии и основные задачи плановой работы» («Н. П.», 1926, № 4—5); 6) Касаткин, В.: «К вопросу о методологии контрольных цифр» («Н. П.», 1926, № 6); 7) Касаткин, В.: «Планирование и статистика» («Н. П.», 1926, № 6); 8) Касаткин, В.: «К вопросу о перспективном плане просвет. работы» («Н. П.», 1926, № 8); 9) Касаткин, В.: «К вопросу об увязке перспективного плана просвет. работы с потребностями социалистического строительства» («Н. П.», 1928, № 5); 10) Пресс, Л.: «Методология экономического и культурного районирования» (Н. П.», 1927, № 8—9); 11) Скаткин, Л.: «К вопросу о построении волостной сети культурно-просвет. учреждений» («Н. П.», 1927, № 8—9); 12) Смирнов, И.: «Народное образование в местных бюджетах автономных республик и областей РСФСР» («Н. П.», 1928, № 2).

В заключение несколько слов о перспективах настойчивой работы по планированию, с которой знакомят отмеченные здесь книги и статьи. Нам представляется, что результаты её будут гораздо скромнее даже тех, которые достигнуты в области чисто хозяйственной. Правоверные марксисты, занятые строительством того, что сам Ленин называл «капитализм плюс социализм», думают конечно иначе.

Так А. Астерману, статья которого указывалась выше, представляется, что работы по планированию в области просвещения, по его системе, организации, целевым установкам, классификации, будучи теоретически разработаны, могут превратиться в новую, исключительно важную науку о просвещении, «как область прикладных организационно-экономических наук социализма». Ему кажется, «что теоретики-педагоги, занявшись изучением проблем социально-культурного строительства, вплотную подойдут к разрешению этой задачи». Он говорит («Нар. Просв.», 1928, № 4, стр. 65): «Наука о просвещении, новая область наук, мыслится нами, как монистически связанный комплекс дисциплин, объединенных единой установкой: просвещение — один из основных факторов социалистической реконструкции». Автору представляется, что этот единый комплекс распадается на такие дисциплины: а) система просвещения; б) организация просветительных учреждений и мероприятий; в) планирование просветительного строительства; г) методика просвещения (педагогика в собственном смысле этого слова).

Это увлечение американскими методами исследования в области просвещения, параллельное увлечению «фордизмом» в области хозяйственной, очень характерно. Однако и в данном случае марксистское захолустье подражает моде вчерашнего дня. В самой Америке, где «наука о просвещении» указанного типа достигла своего высшего развития, раздается все больше и больше голосов, указывающих на ее недостаточность и на необходимость дополнить педагогическое исследование (research) новой философией образования (срв. хотя бы реценз. ниже Educational Yearbook за 1925 г., стр. 424).

Н. Новожилов.

Луначарский, А. В. Кино на Западе и у нас. Изд. Теа-кино-печать. Петербург. 1928. Стр. 79. Ц. 80 к. **Трайнин, И. П.** Кино на культурном фронте. Изд. Теа-кино-печать. Ленинград. 1928. Стр. 107. Ц. 1 руб.

Обе брошюры посвящены проблеме культурной роли фильмы. Инте-

рес их не только в мыслях авторов, развивающих, как это само собою понятно, обычную коммунистическую теорию культурно-просветительной работы, сколько в тех данных, которые мы находим — главным образом в книжке Трайнина — о современном положении кинематографа в СССР.

А. В. Луначарский склонен несколько преувеличивать значение кино, как особого вида искусства. Но он совершенно правильно оценивает его, как средство идейного влияния на массы, как способ «пропаганды» и агитации. В ряде статей и заметок, собранных в рецензируемой брошюре, нарком просвещения РСФСР развивает по существу одну простую и совершенно-правильную, но остающуюся почему-то непонятной руководителям и деятелям советской «кинополитики» мысль — пропаганда и агитация возможны и действенны только тогда, когда они подходят к массам осторожно и незаметно и захватывают их, прежде чем содержанием, своею формою. Для кино — это значит: только захватывающая массового зрителя, то ли своею художественностью, то ли внешнею эффектностью и «сенсационностью», фильма может расчитывать на успех, а, следовательно, и проводить то или иное «идеологическое влияние». — Между тем в СССР идеологические требования, предъявляемые к содержанию фильмы, главным образом определяют её судьбу. Луначарский довольно ядовито высменвает коммунистических критиков, требующих «стопроцентных» фильм, безукоризненных революционно и идеологически. Оказывается, даже Луначарскому приходится вопиять о строгости цензуры: «часто литературно хорошие сценарии, которые наши товарищи, партийные руководители Совкино или ВУФКУ, одобряют, — запрещаются потом в реперткоме. Насколько трудно установить критерий разрешения, видно из того, что производство Госкинпрома Грузии или ВУФКУ (Украины), которое прошло в соответственных республиках все инстанции, при ввозе в РСФСР в качестве готовой картины... запрещается репертокомом»... Между тем, автору приходится констатировать, что идеологическая коммунистическая окраска иногда создает неуспех даже удачным в художественном отношении фильмам. Он пишет: «Обыкновенно замалчивается, что «Броненосец Потемкин» у нас никакого успеха не имел... Когда я пришел в первый театр Совкино на Арбате..., я нашел зал на большую половину пустым. Только после того, как немецкая публика восторженно приветствовала эту вещь, «Потемкина» снова стали давать у нас... Всякому захотелось посмотреть картину, которая дала нам первую победу на заграничном кино-рынке. Предыдущая и очень хорошая картина Эйзенштейна — «Стачка» — провалилась повсюду, в том числе и в рабочих кварталах»... Такова же была участь «Матери» (по роману Горького)... Однако, и ввозная фильма, по свидетельству Луначарского, не высокого уровня: — «Мы, вследствие нашей бедности, закупаем только те иностранные картины, которые можно приобрести за ничтожную цену. За исключением нескольких боевиков...., мы получаем хлам... Наши кино-работники совершенно неуклюже владеют своими ножницами и, пытаясь из этой дряни сделать что-нибудь цензурно-приемлемое, превращают ее в такую кашу, которую можно считать только издевательством над публикой».

Как видно, советскому кино суждено пережить такую же борьбу за свой репертуар, какую пережил советский театр, но вести эту борьбу придется в гораздо более тяжелых условиях, без тех прочных традиций, которые помогли хотя бы отчасти спасти русскую сцену от «стопроцентной» идеологически ценной, но жалкой с художественной точки зрения дребедени. И сам Луначарский не выдерживает до конца своей позиции, и его критика европейской фильмы сводится, главным образом, к указанию «идеологической неприемлемости» фильм, которые он сам с чисто художественной точки зрения оценивает весьма высоко.

Брошюра Трайнина дает общие сведения о кино в СССР (отметим, что 50 уездных городов РСФСР и 300 «селений городского типа» не имеют вовсе кинематографа). И до сих пор господствует «коммерческое» кино, в противоположность «клубному» и всяким видам агитационного кино. На 1729 «коммерческих» кинематографов прпходится в СССР.

правда, 5418 «клубных» и под., но месячные цифры их посещаемости стоят в обратном отношении — 18 милл. к 9½ милл. (последняя цифра еще значительно выше действительности). Весьма низко и количество выпускаемых сов. индустрией фильм. Притом качество советской фильмы является, и по мнению Трайнина, весьма спорным. Трайнин приводит цитаты из рабочих анкет, показывающие, что рабочий не хочет и в искусстве видеть только то, «чем занят весь день», что рабочий и крестьянин в литературе и кино «ищут неизвестного», а не тенденциозного изображения пролетарского быта. В кино в рабочих районах самые большие сборы дают разные «Генрихи Наварские», а сов. фильмы — 20—25% посещаемости; «на 100% идеологически-выдержанные» картины, «продержавшись на экране один-два дня, снимаются». Агитация в картинах бывает настолько примитивная, что сами коммунисты видят ее недостаточность: «показать... пьяненького попика... вовсе не значит убивать религию и сопутствующие ей предрассудки, которые глубоко сидят еще в суеверном крестьянине и без попа». В советских фильмах сплошь и рядом «проводится «ура-патриотизм», подчеркивающий, что сильнее и храбрее нас нет»; «обычно это сводится к батальным, часто садистским (!) сценам, в которых белые — уроды, глупые, а красные — только паиньки и умницы». «Есть картины, где садистская тенденция слишком (!) выпячивалась вперед, без всякой нужды». — Возражает Трайнин и против излишнего увлечения фильмами без героев — «массовыми».

Трайнину приходится возражать и тем, кто «говорит: у вас монополия проката, вы попросту можете навязать ту или иную картину кинотеатру. Иначе говоря, возьмите зрителя измором. — Если-б вопрос так стоял о хлебе и мануфактуре, не сомневаемся, что мы бы очень быстро сломили упорство рядового зрителя. Но речь идет о зрелище, и никаких мер принуждения ходить в кинематограф у нас нет. Есть лишь одна мера — заинтересовать зрителя»... «Кино должно стать могучим средством перевоспитания человека. Перевоспитывать же нельзя одними окриками, которые вызывают лишь недоверие к воспитателям. «Агитки», как бы благочестивы они ни были, уже раздражают своею неубедительностью». «Нужно совсем отказаться от агитации диктаторскими методами (лопай, что дают!) и от подачи этой агитации «лошадиными дозами», что лишь вызывает раздражение зрителя и не достигает цели».

Конечно, обоим авторам и в голову не приходит еще более кардинальный вопрос — о праве монопольного навязывания массам того или другого мировоззрения — в частности морального и социального. Но ведь коммунистов-то именно и характеризует, что для них не существует никаких вопросов, а в особенности вопросов морального порядка.

Дм. Чижевский.

В. Кильпатрик. Основы метода. Сжатый перевод с английского И. И. Ильина. В изложении Н. И. и М. Ф. Ильиных с введением проф. С. С. Моложавого. Москва. 1928. Стр. 114. Ц. 90 к.

Интересная книжка Кильпатрика является опытом общей методики, построенной на идеях Дьюи и Торндайка и на бихевиористской теории. Кильпатрик крайний сторонник идей свободы и самодеятельности в воспитании.

Очевидно, именно «объективно-психологический» метод Кильпатрика побудил переводчиков ознакомить с его книгою русского читателя. Однако, мы должны самым решительным образом предостеречь от этого макулатурного издания. Книга не переведена целиком, а «изложена». При том уничтожена своеобразная «катехизическая» форма оригинала, которую сам автор считает для книги весьма существенной. Можно было бы надеяться, что изложение будет, не стесненное требованием буквальности, ясным и легким. К сожалению, и этого нет. Книга изложена суконным и беспомощным языком, перегруженным иностранными словами, вроде: «пруссионизм», «синопс» (— связь), «коэрсия» (— принуждение), «пререквизит», «интернальный», «экстериальный», «проблема» (в смысле «задача» или «заданпе»), «аттитюд» (слово «установка»

иногда употребляется переводчиками), нелепыми конструкциями и сочетанием слов, вроде: «теннисная активность», «до основания мира» (переводчикам казалось, очевидно, неудобным сказать «до сотворения мира»), «передавать полномочия на избранных представителей», «внутренний материал учебный» (т. е. вытекающий из интересов ученика), «чтобы изучать какую нибудь вещь, мы должны... в ней упражняться» и т. д. без конца...

Написанное «красным профессором» С. Моложавым предисловие пытается освежить издаваемую книгу с коммунистической точки зрения. Характерно, при этом, что Кильпатрику ставится в упрек его субъективизм («субъективность», как выражается автор предисловия) — он, мол, «подчеркивает... роль эмоций в системе поведения», «говорит о роли сознания и о роли мышления в акте поведения», «придает... преувеличенное значение... представлению цели в акте деятельности» — одним словом интересуется живою личностью ребенка, а не только мифологией рефлексов, нервных токов, мозговых процессов и т. д. — По нашему же мнению именно «объективно психологические» страницы в книге Кильпатрика являются ненужным придатком к живым и интересным ее педагогическим страницам, придатком, лишенным внутренней связи с выводами автора.

Отметим, между прочим, в книге Кильпатрика прискорбные следы «военной психолотии» (оригинал книги вышел в 1925 г.) — приписывание всех грехов современной школы прусскому школьному методу (Кильпатрик сылается не на литературу о германской школе, а на рассказы разных лиц, вроде какого то доктора, посетившего 300 прусских школ и лишь в одной из них и от одного ученика слышавшего «самостоятельный вопрос» учителю). Все эти вздорные места в «сжатом изложении» почему то тщательно сохранены.

Дм. Чижевский.

Educational Yearbook of the International Institute of Teachers College, Columbia University, ed. by J. L. Kandel, M. A., Ph. D. — Vol. III. 1926. New-York. Macmillan Comp. 1927.

Этот третий том отмеченного уже нами («Р. Шк.», кн. 26, стр. 261-ая) издания сохраняет все достоинства обоих предыдущих томов: краткость изложения при чрезвычайной насыщенности его конкретным материалом и точность изложения, которая определяется искусно составленной общей схемой издания. В новом томе, кроме статей об Англии, Германии, Соед. Штатах и Франции, принадлежащих перу тех же авторов (W. Perkins, R. Lehmann, W. Carson Ryan и C. Richard), мы находим еще и подробные очерки школьных систем следующих стран, впервые появляющихся в Ежегоднике: Австрии (Victor Fadrus), Эстонии (Pater Poeld), Финляндии (Alb. H. Lilius), Греции (George Sakellarion), Ирландии (T. Corcoran), Сев. Ирландии (W. J. Mc Callister), Нью-Фаундленда (Vincent Burke), Польши (Roman Dyboski и K. Zbierski), Швейцарии (J. L. Claparède). — Второй отдел «Ежегодника» на этот раз посвящен «проблемам среднего образования», в особенности взаимоотношению между начальной и средней школой. Эта проблема переходной ступени, промежуточной и посредствующей между начальным и средним образованием (англичане называют ступень эту — intermediate education), стоит теперь в центре интереса в современной политике народного образования Америки и Зап. Европы. Ею и занимаются в первую очередь статьи T. Persy Nunn'a, M. Kullnick'a, Thomas H. Briggs'a, разбирающие состояние этого вопроса в Англии, Германии и Соед. Штатах. Новейшее развитие во всех этих государствах приводит все более и более к выделению старших классов начальной школы в особую промежуточную ступень школы: это — так наз. central schools в Англии, Mittelschule в Германии, junior high school в Соед. Штатах. Досадно, что из чисто формальных причин в отдел этот не попала характеристика последней реформы школьной системы в Австрии, где упомянутая проблема получило свое особенно яркое выражение в лице т. наз. Hauptschule (срв. «Р. Шк.», № 25, стр. 111 сл., 145 сл.). Статья об Австрии, помещенная в первом отделе, несмотря на всю свою основательность и точность изло-

жения, тоже отличается уже чрезмерной краткостью. — Впрочем, несмотря на неизбежную в изданиях этого рода непропорциональность изложения отдельных статей, и этот третий том «Ежегодника» является совершенно незаменимым пособием для каждого, занимающегося вопросами политики народного образования.

С. Гессен.

August Aichhorn. Verwahrloste Jugend. Die Psychoanalyse in der Fürsorgeerziehung. Zehn Vorträge zur ersten Einführung. Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. Sigm. Freud. Internationaler Psychoanalytischer Verlag. Leipzig, Wien, Zürich. 1925. Стр. 290.

Работа Августа Айхгорна вышла в качестве 19-го выпуска так называемой «Международной психо-аналитической библиотеки». Она свидетельствует о том, что влияние учения Фрейда непрерывно растет, и метод психо-анализа проникает в области, которые ранее не были им затронуты.

В своем предисловии к книге Айхгорна Фрейд устанавливает два положения: 1) воспитатель должен изучить психо-аналитический метод; иначе воспитываемый останется для него неразрешимой загадкой; 2) психоанализ может быть привлечен как вспомогательное средство при воспитании, но он не может заменить его.

Айхгорн — многолетний руководитель учреждений попечительного воспитания в Австрии и участник консультаций по вопросам, связанным с индивидуальным воспитанием.

Книга А. представляет воспроизведение десяти лекций, в которых он последовательно рассматривает основные проблемы применения психо-анализа при осуществлении попечительного воспитания беспризорной и так наз. «диссоциальной», т. е. не вмещающейся в рамки регулярного общежития, молодежи. Предметом попечительно-воспитательного воздействия являются дети, которым угрожает впадение в беспризорность, или уже действительно беспризорные. Речь идет при этом прежде всего о так наз. психической беспризорности, вызывающей необходимость восполнения отсутствующего или неудовлетворительного воспитания: автор пользуется выразительным немецким словом — «Erziehungsnotstand». Попечительное воспитание отличается от обычного воспитания именно тем, что оно является его восполнением или заменой, другими словами, в этом случае имеется особый повод для воздействия публичных факторов (государства, общества) на воспитание, и можно говорить об особом «носителе» обязанности воспитания и о опециальных методах воздействия.

Говоря о применении психо-анализа при попечительном воспитании, А. понимает его как метод разложения психических явлений и процессов на их элементы («eine Methode der Zerlegung seelischer Erscheinungen und Vorgänge in ihre Elemente»; стр. 18). Это определение слишком обще, чтобы исчерпать своеобразие психо-аналитического метода, как это впрочем, явствует и из всего содержания работы А. Воспитатель, пользующийся методом психо-анализа, в состоянии из характера и силы психических реакций делать заключения о психической ситуации подвергающегося наблюдению, контролировать влияние воспитательного воздействия, обсуждать трудности его на основе данной психической констелляции и т. д. Этим путем он достигает более глубокого познания индивидуальности воспитанников.

Айхгорн, однако, не видит в психо-анализе какой-то панацеи (das Allheilmittel für die Fürsorgeerziehung); он отдает себе отчет в том, что воспитание основывается прежде всего на интуиции воспитателя, но эта интуиция углубляется, если воспитатель владеет методом психо-анализа.

В дальнейшем своем изложении автор, в виде правила, иллюстрирует применение этого метода на конкретных примерах из своей практики, которые он излагает весьма подробно, воспроизводя нередко стенографически свои беседы с воспитанниками и родителями в целях анализа симптомов психической беспризорности. Он стремится при этом показать, что воспитатель без психо-аналитической подготовки не в состоянии исследовать скрытые, подсознательные психические процессы. А между тем, успех

воспитательного воздействия зависит от того, удастся ли дать душевным силам, которые влекут за собой противообщественное поведение, другое (положительное) направление.

Лекции, посвященные исследованию психических причин такого поведения, особенно интересны. Явления беспризорности свидетельствуют о том, что механизмы, обуславливающие социальное поведение, действуют неправильно («dass in einem Individuum die das soziale Handeln bedingenden Mechanismen nicht mehr normal ablaufen»; стр. 61). Совершенно основательно подчеркивает А. необходимость различения симптомов (непосещение школы [манкирование], бродяжничество, воровство) и причин беспризорности. Нельзя видеть в подавлении симптома — излечения. Нередко явления асоциальности у ребенка мы склонны объяснять влиянием дурных товарищей, улицы и т. д. В действительности причины часто коренятся глубже, в скрытых психических травмах. Особенно существенны аффективные переживания, оставляющие глубокий след в душе ребенка, который не находит выхода для своего душевного состояния и проявляет себя внешними знаками противообщественного поведения. На ряде примеров А. показывает, что психо-анализ дает возможность выяснения этих более глубоких причин психической беспризорности.

Далеко не всегда выводы автора убедительны. Его интуиция ведет его по более верному пути, чем Фрейдовы — да простится нам это выражение! — навязчивые схемы, понуждающие исследователя-фрейдиста видеть повсюду подсознательные инцестуозные мотивы, инфантильно-либидиозную фиксацию, так наз. Oedipus-komplex и т. д.

Как пример такой сомнительной диагностики приведем хотя бы следующий казус. Юноша совершает кражу спирта для политуры из мастерской отца и для сокрытия следов преступления наполняет опустошенные бутылки мочой. Диагноз А. гласит. Отец по смерти первой жены женился вторично на девушке, к которой и сын его питал отроческое нежное чувство. В кражах спирта и в наполнении бутылок мочой А. видит акт мести по отношению к отцу, «ausgeführt mit demselben Organ, durch das er sich von diesem beeinträchtigt fühlte»!

Способ воспитательного воздействия на ребенка есть в сущности отношение доверия, которое должно быть установлено между воспитателем и воспитуемым. Достижение этой цели — необходимое условие успешной борьбы с состоянием психической беспризорности. А. уясняет различие между психо-аналитиком врачем, который имеет дело с добровольно к нему обращающимся пациентом, и воспитателем в исправительном заведении; в последнем беспризорный склонен видеть представителя того самого общества, с которым он находится в конфликте. Воспитанник скрывает свое состояние и как бы носит маску. А. на целом ряде поучительных примеров дает методические указания о способе приобретения доверия и авторитета, подчеркивая особую важность первой встречи и первого впечатления и изображая своеобразную «борьбу за преобладание» (ein Kampf um die Vorherrschaft). Для успеха всего дальнейшего воспитания имеет первостепенное значение, чтобы воспитанник видел в воспитателе не внешнюю и враждебную силу, а как бы доброжелательного и понимающего его состояние союзника.

Автор не скрывает трудностей психо-аналитического исследования в учреждениях попечительного и исправительного воспитания. Они вытекают прежде всего из самого факта необходимости воздействия на большое число воспитанников. Типические особенности беспризорных А. усматривает в меньшей способности сдерживать чувственные влечения, в ослабленном влиянии общепризнанных нравственных норм, иногда — в открытом конфликте с общественной средой, как последствии неудовлетворенной потребности в любви и нежности (Zärtlichkeitsbedürfnis) в раннем детстве. Применяемый им метод А. характеризует как «практическую психологию примирения». Воспитание должно осуществляться не путем слов, уговоров, порицаний и наказаний, а путем переживаний. Центральная проблема воспитания есть установление положительных эмоциональных отношений между воспитателем и воспитанниками. Едва ли что-ни-

будь поясняет в этом смысле утверждение автора, выраженное в терминах школы Фрейда: устранение беспризорности есть в конечном счете «ein libidinöses Problem» (стр. 197).

Любопытны замечания автора, касающиеся группы особо трудно воспитываемых, так наз. агрессивных беспризорных, склонных к самым резким вспышкам и не считающихся с основными правилами общежития. Автор рекомендует как метод воздействия на них абсолютную мягкость и доброту — до полного исчерпания агрессивности. В начале агрессивность возрастает, но затем исчерпывает себя, ибо отсутствие привычной реакции (наказание) приводит после своеобразного катарсиса в конечном счете к душевному равновесию. Только в дальнейшем следует постепенно приучать их к обычным жизненным реакциям, ибо необходимо создать иммунитет и для жизни вне воспитательного заведения. Приводимые автором примеры из его личной педагогической практики не вполне убеждают в том, что его метод во всех случаях безошибочен. Впрочем, — и в этом отношении А. вовсе не склонен скрывать изнанку — он сам признает, что он шел часто ощупью, учась на собственных ошибках.

Последние две главы (значение принципа реальности для социального поведения; значение идеального «я» (des Ichideals) для социального поведения) менее самостоятельны, представляя в сущности популяризацию некоторых идей Фрейда. Однако, и здесь заслуживают полного внимания тонкие замечания о типах беспризорных, жертв чрезмерной снисходительности и баловства, с одной стороны («Verwahrloste aus zu viel Liebe»»), и жертв чрезмерной суровости и беспощадности, с другой («Verwahrloste aus zu grosser Strenge»; стр. 251). Второй тип, разумеется, гораздо распространеннее. Ошибка прежнего режима исправительных заведений — в том, что они не заботились о восполнении «дефицита любви» и злоупотребляли принуждением и устрашением.

Даже из этого схематического изложения явствует, что для всех, интересующихся проблемой детской беспризорности, работа австрийского педагога представляет незаурядное значение. Автор заражает своим оптимизмом, привлекает своей наблюдательностью и живой связанностью с практической работой. Основное значение книги Айхгорна мы видим в том, что она является противовесом ходячим теориям, сводящим причины беспризорности к внешним (так. наз. экзогенным) факторам. Можно не разделять чрезмерного увлечения автора фрейдизмом, которое приводит его нередко к эксцентрическим и парадоксальным выводам, но нельзя не признать, что он делает интересную попытку вскрыть глубокое значение индивидуальных причин противообщественного поведения беспризорных и указывает методы разумной психотерапии. Многие утверждения и диагнозы автора сомнительны, но чувство признательности вызывает его стремление проникнуть в самую глубь исследуемых явлений и его заражающее других увлечение ответственнейшей воспитательной работой над беспризорными детьми.

Ал. Маклецов.

Akademische Ferienkurse in Europa. Lpz. 1928. Стр. 56.

Среди других изданий комитета интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций выделяется это небольшое издание, выходящее одновременно на трех языках — французском, немецком и английском.

В небольшой брошюре под выписанным выше заглавием собраны сведения о летних университетских курсах для иностранцев (или доступных и иностранцам), устраиваемых различными европейскими университетами и др. высшими школами. Тут и курсы языков для иностранцев, и циклы лекций, посвященных культуре данной страны и т. п. Всего даны сведения о 79 курсах, из которых на долю Франции приходится 19, Англии — 17, Италии — 13, Германии — 11, Испании и Швейцарии — по 7, Австрии, Венгрии, Голландии, Дании и Португалии — по 1.

Справочник не ограничивается сведениями только о курсах, но приводит краткие данные и о научной, культурной, и спортивной жизни каждого из городов, в котором такие курсы состоятся.

Д. Ч.

Методики и учебники

Хмелев, А. Н. Крестьянская реформа 1861 г. Изд. Брокгауз-Ефрон. Ленинград. 1926 г. Стр. 96.

Эта книжка входит в серию Библиотеки для изучения классовой борьбы по лабораторному методу, — так значится на обложке. А в редакционном предисловии к книжке сказано, что книжка предназначена для учебных потребностей рабфаков.

В какой форме и в какой мере можно и нужно пользоваться лабораторным методом при преподавании истории в средней школе (а рабфаки, конечно, к высшей школе причислены быть не могут), — это вопрос весьма сложный и вовсе не такой бесспорный, как это представляется некоторым поклонникам этого модного течения. Но, судя по книжке г. Хмелева, приходится признать, что модным термином «лабораторный метод» прикрывается подчас нечто, ничего общего с этим методом не имеющее.

Хмелев желает познакомить неподготовленных читателей в общедоступном изложении с историей крестьянской реформы 1861 г. Делает он это следующим образом. В начале книжки помещен ряд поверочных вопросов к следующим затем статьям. В статьях на эти вопросы даны прямые ответы автора книжки. Читателю остается прочесть эти статьи и потом по выставленным вопросам поверить себя, — насколько он усвоил содержание статей. Что же тут общего с лабораторным методом? Правда, автор во введении подчеркивает, что в его статьях особым шрифтом вставлены «материалы, выборки из источников, статистические данные», очевидно, как материал для самостоятельных аналитических упражнений учащихся. Однако, на поверку оказывается, что эти вставки, хотя и набраны особым шрифтом, но за двумя-тремя исключениями[1]) представляют собою вовсе не выборки из источников, а выписки из сочинений Рожкова, Покровского, Игнатовича и др., т. е. опять-таки роль читателя сведется к усвоению этих готовых изложений, а вовсе не к работе по анализу источников. Когда автор приводит ту или иную статистическую табличку (обыкновенно из книг Рожкова, Тутан-Барановского, Огановского, Игнатовича и др.), он иногда предписывает читателю: «составьте по приводимым цифрам диаграмму». Отчего же и не поупражняться рабфаковцу в вычерчивании диаграмм по готовым цифрам, но — опять-таки — разве в этом состоит лабораторный метод преподавания истории?

Итак, этикетка лабораторного метода пришпилена к книжке совершенно зря и может только ввести в заблуждение несведущих учеников и сообщить им превратное понятие о существе этого метода.

Отбросив же фальшивую этикетку, мы находим в книжке Хмелева сжатый и в общем понятно написанный очерк — 1) экономического состояния России в первой половине XIX ст., с разъяснением экономических факторов падения крепостного права, 2) основных положений реформы 1861 г. и поземельного устройства освобожденной деревни и 3) экономического состояния деревни в пореформенное время. Изложение в общем удобопонятно, но в некоторых местах очень нуждалось бы в более тщательном редактировании. На стр. 13 объявляется, что в первой половине XIX ст. русская торговля в связи с общим экономическим подъемом страны сильно развилась, — появился внутренний рынок для широкого сбыта произведений русских фабрик; а на соседней 14-й странице читаем: «Россия с ее крепостным населением, эксплоатируемым помещиками, была плохим потребителем товаров, производимых на русских фабриках и поневоле надо было думать о том, чтобы внутренний рынок заменить внешним», чем автор и объясняет устремление русской внешней политики на приобретение владений в средней Азии. Как же читатель согласит в уме 13-ю и 14-ю страницы? На 13 стр. внутренний рынок есть налицо, а на 14-й стр. его — нет, как нет.

На стр. 59 содержание Положения 19 февраля по вопросу о земель-

---

[1]) Разумею отрывки из записок по крестьянскому делу Перовского и Кавелина и из мемуаров Семенова-Тяньшанского.

ном устройстве освобождаемых крестьян изложено так спутанно и не точно, что в голове неподготовленного читателя наверно безнадежно смешается оброк за пользованпе наделом в течение временно-обязанного периода с выкупом надела в собственность крестьян. На стр. 60 порядок определения размера земельных наделов крестьян опять изложен неотчетливо и скомкано. Вот тут бы и использовать настоящий лабораторный метод, да и привести в подлиннике соответствующие статьи Положения 19 февраля 1861 года! Что и говорить, это чтение не легкое для ученика средней школы, но все же оно избавило бы ученика от той путаницы, которая получится в его голове от небрежного и неточного изложения г. Хмелевым основных положений реформы на 59 и 60 страницах его книжки.

Если бы автор строже проредактировал некоторые, довольно ответственные страницы своей книжки, ее можно было бы признать в общем полезным пособием не для «лабораторного» изучения реформы 1861 года, а для чтения с целью первоначальной ориентировки в истории освобождения крестьян от крепостной зависимости и в последствиях, проистекших для крестьянства от этой реформы.

А. Кизеветтер.

Мичурин, А. П. Северная Маньчжурия. Пособие для младших классов средних учебных заведений. Изд-во «Якорь». Харбин. 1928 г. Ц. 50 цент.

Перед нами небольшая книжечка (44 стр. малого формата), имеющая целью познакомить учащихся 11—12 лет с Маньчжурией, куда волею судьбы они были заброшены в наше время странствований и переселений русского человека по всем уголкам земного шара.

В нашу педагогическую среду давно уже проникла мысль о необходимости исходить в преподавании географии из того, что окружает ребенка. «Настоятельно необходимо», говорит Гейки, «чтобы география стала влиятельной и ценной воспитательной дисциплиной. В этих видах следует возможно раньше приучить детей пользоваться собственными глазами для наблюдения окружающего и собственным умом для извлечения надлежащих выводов из своих наблюдений»[1]). «Факт, открытый ребенком путем собственного наблюдения, становится частью его самого и значит для него бесконечно больше, чем тот же факт, заученный им со слов учителя и вычитанный в учебнике. Нужно всячески поощрять детей к самостоятельным открытиям... Научив их смотреть на вещи собственными глазами, мы окажем им неоцененную услугу: мы не только дадим им возможность радостно прожить свое детство, но мы дадим также им такой источник света, который будет озарять всю их последующую жизнь»[2]).

В современной школе курс географии начинается с родиноведения; затем идет курс краеведения, и только за ним следует общий курс географии. Знакомясь, путем непосредственного наблюдения, со страной, где он живет, ребенок создает запас ярких и конкретных представлений, из которых затем будут складываться сложные картины жизни природы и человека, — он учится познавать мир.

Каждый представитель русской школы заграницей находится в большом затруднении, приступая к урокам географии с детьми младших классов: у него нет никаких пособий на русском языке, чтобы закрепить в памяти учащихся то, что прорабатывается в уроках. Книжка А. П. Мичурина является одной из первых попыток дать такое пособие учащимся города Харбина, почему она и привлекает наше внимание.

К сожалению, эта одна-ли не первая попытка, на наш взгляд, оставляет желать многого. В предисловии сам автор указывает, что книжка является только канвой, которой преподаватель может пользоваться при ведении занятий, добавляя и изменяя материал и его расположение в за-

---

[1]) Арчибальд Гейки: «О преподавании географии». Перевод с англ. Л. Д. Синицкого. Стр. 11.

[2]) Там же, стр. 9.

висимости от местных условий, от состава учащихся, степени их подготовки и пр. Мы думаем, что в предисловии следовало бы указать, каким методом надо прокодить предлагаемый материал. Необходимо подчеркнуть, что сведения о Сев. Маньчжурии и ее народонаселении должны явиться в результате собственных наблюдений детей, рассматривания картин, чтения того или другого отрывка из путешествий по этой стране, рассказов из жизни животных, приключений охотников, наконец, рассказа самого учителя. Сведения же, сообщаемые в книге, есть лишь сводка того, что уже проработано в классе. Иначе, может случиться, что неопытный преподаватель, мало знакомый с современными взглядами на преподавание географии, проходя главу о флоре и фауне Сев. Маньчжурии, заставит детей заучить 16 названий деревень, 18 — полевых культурных растений, 32 — зверей и птиц, 13 — рыб и т. п., как это делалось в доброе старое время, когда в школе были в большом ходу учебники К. Смирнова. Уроки снова будут далеки от активного метода преподавания, о котором говорит Гейки.

Выбор материала, подход к нему и его трактовка также вызывают много возражений. Так, в самом начале, говоря о том, почему детям важно и интересно ознакомиться с Китаем, автор совершенно проходит мимо теперешних событий в Китае, событий, к которым приковано внимание всего мира. Если автор думает, что происходящая в Китае революция, борьба с иностранцами, борьба различных социальных классов и элементов не будут понятны детям 11—12 лет то, ведь столь же непонятна им, если стоять на этой точке зрения, и история Китая, его прежнее государственное устройство, смена династий и т. д. Однако, автор считает нужным этой истории посвятить три урока, не упоминая о современных событиях. Между тем дети 11—12 лет нередко уже читают газеты, спрашивают взрослых о различных фактах, связанных с этими событиями, путают имена борющихся генералов с названиями городов. Помочь им разобраться в газетных сообщениях столь же необходимо, как и дать историю прошлого Китая. Да и сама эта история на фоне сенсационных событий будет усвоена неизмеримо лучше.

Сведения о населении Китая, его религии, быте, системе образования слишком кратки, изложены сухо и бледно. Характеристика учений Конфуция и Лао-Тцзы дается в такой форме, что даже и взрослому трудно уловить разницу между ними. О буддизме только упоминается. А между тем трудно найти более яркий и легко усваиваемый детьми миф, чем легенда о Будде. Могут сказать, что, ведь, это все же учебник, от которого нельзя требовать художественного изложения и очень большой яркости. Но мы знаем учебники Крубера, Лесгафта, — весьма популярные учебники Г. Иванова, где фактические сведения удалось облечь в яркую, занимательную и в то же время краткую форму.

В книжке есть прекрасная картинка — «в китайской школе». Если-б автор рядом поместил другую картинку, — «в китайской школе 25 лет тому назад», — то не требовалось бы и словесных пояснений: снимки говорили бы сами за себя.

Создание подходящих пособий по курсу родиноведения и краеведения трудное дело. У нас в России эта задача еще только начинает выполняться. Неизмеримо труднее сделать это здесь за рубежом. Но задача поставлена, а это уже много значит. Вот почему, не смотря на все вышеуказанные недостатки, мы приветствуем появление книжки А. П. Мичурина. **Е. Р.**

Соколов, С. Н. и Чефранов, С. В., Северо-Западная Область. Госиздат. М.-П.,1928.Стр. 95. Ц. 50 к.

Заботливо изданная небольшая книжечка С. Н. Соколова и С. В. Чефранова представляет собою географическое описание северо-зап. области, являясь в то же время первой книжечкой «Обзора СССР по районам Госплана», издаваемого под редакцией тех же двух авторов. Авторы ставят себе целью помочь учащимся школ 1-й ступени получить более углубленное представление о той области, где они живут, и удовлетворить потребность в начальной краеведческой литературе географического харак-

тера. «Эти очерки могут быть полезны и для учащихся 6-го года обучения, где СССР проходится в целом, но более подробно», пишут авторы. Сжато и живо написанный первый очерк, к тому же составленный на основании новейшего свежего материала и исследований таких ученых специалистов, как академик Ферсман, может служить и для всех интересующихся географией России и прежде всего преподавателей зарубежной русской школы. Очерк касается природы таких малообследованных районов нашего обширного отечества, как, например, Кольский полуостров, которому мало внимания уделялось нашими старыми учебниками географии. В новом освещении встанут они в представлении читателя. Он увидит и оценит также новые достижения в области строительства местной и вместе областной жизни: такова, например, Волховская гидротехническая станция, начатая постройкой в 1919 г. и начавшая работать с конца 1926 года (в книжке дан фотографический снимок со станции). Относительно иллюстрационного материала-карт и фотографий нужно сказать, что он очень недурен, хотя подбор, к сожалению (на что уже не раз приходилось указывать при отзывах о новых книгах и учебниках по географии) — носит тенденциозный характер, с изгнанием всего того, что имеет эстетическую ценность. Из памятников Петербурга дан лишь памятник Ленину у Финляндского вокзала, главные ворота завода «Красный Путиловец», лесная гавань петербургского порта и т. п. Это очень жаль, ибо понижает достоинства хорошей книжечки, как учебника или учебного пособия.

Н. Могилянский.

Портенко, А. А. Днепр и Приднепровье. Госиздат. М.-П. 1928. Стр. 182. Ц. 1 р. 25 к.

Прекрасно изданная, заключенная в красивую картонную обложку, книжечка г. Портенко представляет собой смесь записок, иногда лиевников натуралиста-экскурсанта, путешествовавшего в лодке в районе среднего течения Днепра. В специальных главах даются общие очерки: Киева и природы его окрестностей, общей гидрографии Днепра и его значения, как водного пути, климата Приднепровья и т. п. Таким образом книга мало выдержана в своем плане и в своих отдельных частях. Не трудно заключить, что ее автор — специалист-орнитолог и его главное внимание обращено на пернатое царство. Он любовно перечисляет всех виденных им птичек и дает об их жизни и повадках очень подробные, но слишком пространные для неспециалистов описания. Книжка, однако, читается легко и с интересом, ибо она не лишена также материала бытового, характерного для нашей современности с ее драматическими коллизиями. Как живого видишь перед собой черниговского деда-рыбака Панаса Кориненко, описанного автором достаточно ярко и в деталях его элементарной бытовой обстановки. Если к этому прибавить, что книга прекрасно иллюстрирована в той своей части, которая касается картин природы Приднепровья, великолепными фотографиями В. П. Ланге и самого автора, то нужно признать, что она может служить прекрасным пособием для изучения природы Днепровской поймы, ее животного мира, а также некоторых мест нагорного берега Днепра: Межигорья, Киева, Канева. И здесь, к сожалению, большая нехватка — нет иллюстраций ни Межигорья, ни Киева, ни Канева, хотя автор делает экскурсы и в область истории и описания некоторых местных достопримечательностей. По своим внешним достоинствам — хорошей бумаге, печати, богатым иллюстрациям, цена книги не может быть признана высокой.

Н. Могилянский.

Чайкин, Владимир. В стране волшебной сказки. Путевые заметки о поездке в Японию. С иллюстрациями. Изд. автора. Варшава. 1928 г. Стр. 104.

На 104-х страницах малого формата, набранных довольно крупным шрифтом, автор делится с читателем воспоминаниями об Японии, в которой он провел полтора года до июня 1917 г., как должностное лицо, командированное главным артиллерийским управлением.

Нельзя отрицать того, что книга местами довольно занимательна, и

автор с должным сочувствием останавливается на многих положительных чертах национального характера японцев и японской жизни. К сожалению, воспоминания автора слишком перегружены материалом личным и случайным, мало относящимся или вовсе не относящимся к Японии, напр., эпизод с попутчиками автора Поляковыми (стр. 14—16). Наблюдения г. Чайкина, в общем, поверхностны и не глубоки; в книге почти нет ничего нового, такого, чего не знал бы давно об Японии и японцах всякий сколько-нибудь образованный человек.

Литературная сторона воспоминаний не высока: язык, так сказать, домашний; описания природы, людей, философствования автора почти везде шаблонны; рассказывается о стране все то, что давным давно сказано и пересказано. Бумага — великолепна, иллюстрации хороши (повидимому, фототипии с недурных фотографий). Опечаток почти нет, но местами попадаются «прискорбные редакционные недоразумения». Так, напр., на стр. 17-й и 65-й удав (boa-constrictor) именуется «боа конструктором». На стр. 72-й автор красочно описывает свое рыцарское выступление в защиту кельнерши-японки; по его словам, он «бросился, вырвал из рук негодяя его жертву и, надавав ему пощечин, вынес прочь из ресторана». Кого? Жертву, негодяя или обоих? Автор вообще занимает в книге слишком много места своею личностью: поместил два своих портрета — один в начале книги, другой на стр. 96-й, вслед за портретом графа Льва Львовича Толстого; под вторым портретом надпись: автор в гостях у Л. Л. Толстого.. При чем тут Япония и почему сие важно?

Е. Л. Буницкий.

Селунский, А. Веселый букварь. Рисунки М. Пертса. Редакция Ю. Новоселова. Изд. «Вальтерс и Рапа». Два издания: а) Для деревенских детей. Рига. 1928. (На тит. листе 1927). Стр. 32. Ц. не указ. б) Для городских детей. Рига. 1928. Стр. 32. Ц. не указ.

Букварь составлен по звуковому методу; материал расположен в обычной, давно усвоенной составителями, системе (печатный и рукописный (прямое письмо) алфавит, упражнения в письме, буквы-картинки, печатный и рукописный тексты для первоначального чтения отдельных слов и фраз и т. д.). Нам представляется, что букварь дает мало слов для упражнения в чтении (от 21 до 25 на четыре изученных звука). О выборе материала статейного говорить много не приходится: обычно он определяется задачами учебного пособия и вкусами автора (или редактора); в букваре г. Селунского сказки, стихи, рассказы — выбраны удачно (пожалуй, стихов Саши Черного можно было взять поменьше). Хотелось бы видеть больше методического порядка в планировке статейной части книжки (нередко более трудный материал предшествует более легкому), но этот недостаток каждому учителю легко избегнуть, устанавливая порядок чтения статей. На странице 13-й (букварь для деревенских детей) под одним общим заглавием напечатаны два различные стихотворения; едва-ли это правильно.

Внешность издания букваря — вполне удовлетворительна: бумага плотная, матовая, шрифт — достаточно четкий. Рисунки М. Пертса живы и выразительны. Отпечатан букварь по литографскому способу, вполне прилично.

Н. Н.

Педагогические журналы

The World Association for Adult Education. Bulletins XIX—XXXVI. February 1924 — May 1928. Цена каждого бюллетеня 1 шилл. (адрес: 16 Russel Square, London W. C. 1).

О первых четырех годах этого бюллетеня, издаваемого «Всемирной Ассоциацией внешкольного образования», был уже помещен в «Русской Школе» подробный отзыв (№ 5—6 за 1924 г.). Читатель наш знаком также по превосходной статье г-жи И. Коричонер с новыми течениями во внешкольном образовании в Англии (№ 8 за 1925 г.) и с личностью Альберта Мэнсбриджа, организатора т. наз. «Tutorial classes», как новой формы вне-

школьного образования, и создателя «Всемирной Ассоциации внешкольного образования». За последние четыре года Ассоциация укрепилась, разрослась, прочно связалась с центральными организациями внешкольного образования не только британских доминионов и Северной Америки, но и европейского континента. Благодаря энергичной деятельности И. Коричонер, занимающей должность «разъездного секретаря» Ассоциации, последней удалось привлечь к сотрудничеству всех самых выдающихся деятелей внешкольного образования европейских стран. В состав Совета Ассоциации ныне входят представители Англии (E. S. Cartwright, Horace Fleming, C. Ernest Elcock), Канады (C. M. Mac Innes), Нов. Зеландии, Австралии, Соед. Штатов (Dr. R. H. Simpson), Гавайи, Тасмании, а также Дании (I. H. Helweg), Германии (Dr. E. Brenner), Голландии, Швеции, Швейцарии (P. Bovet), Чехословакии (Dr. O. Večadlo), Югославии (Dr. D. Subotić), Польши (Prof. R. Dyboski). Председателем Ассоциации является попрежнему А. Мэнсбридж, тов. председателя — Артур Туэнтиман (A. B. Twentyman), а секретарем — Доротеа Джонс (D. W. Jones). Такие известные деятели германского движения как В. Флитнер, Гертруда Гермес, П. Гермберг являются постоянными ее сотрудниками. Ей удалось установить прочные связи с Японией и даже Китаем. Во многих странах (Германия, Япония) создание центральных организаций внешкольного образования прошло под ее прямым влиянием. Ряд иностранных педагогических журналов (Die Freie Volksbildung, голландский Volksontwikkeling, L'Educazione Nazionale Дж. Ломбардо-Радиче, Русская школа за рубежом) согласились давать постоянные отчеты о жизни Ассоциации. За самое последнее время Ассоциации удалось, наконец, привлечь к сотрудничеству и итальянские учреждения (Миланский Институт Кардуччи) и вступить в связь с французскими организациями внешкольного образования.

К наступающему десятилетию своего существования (1929 г.) Ассоциация т. обр. приобретает все более и более реальный международный характер. Характер этот должен быть окончательно закреплен за нею Международной конференцией по внешкольному образованию, назначенной на конец августа 1929 г. в Кэмбридже. Подготовка к этой конференции идет уже давно: предварительные совещания в Фредериксборге (Дания) в 1926 г. и в Обергофе (Германия) в 1928 г., на которых кроме членов Совета приняли участие и деятели отдельных стран, позволили разработать программу конференции. Собрания конференции предположены трояко рода: общие собрания будут посвящены трем главным проблемам внешкольного образования (принципы и проблемы внешк. образования, методы внешк. образ., отношение гуманистического образования к техническому образованию), собрания секций — отдельным видам внешкольного образования и собрания групп — сравнительной характеристике различных видов внешкольного образования (работа в деревне, радио, библиотечное дело, работа на водном транспорте, народные университеты, народные дома, подготовка работников внешк. образования) по отдельным странам. Конференции предстоит также вероятно избрать и почетного председателя Ассоциации на место выбывшего за истечением срока избрания президента Т. Масарика, состоявшего в течение первых шести лет ее первым почетным президентом.

Параллельно с деятельностью по объединению отдельных стран Ассоциации удалось вызвать к жизни и широкую издательскую деятельность. Здесь в первую очередь следует отметить издаваемый Британским Институтом внешкольного образования «The Journal of Adult Education» (выходящий два раза в год, London, Constable et Co, цена 2½ шилл.) и образцово изданный им же «The Handbook and Direktory of Adult Education» (цена 3½ шилл.) — обширный том, заключающий в себе энциклопедию английского внешкольного образования. Сюда же относятся, наконец, и бюллетени Ассоциации: 36 выпусков этих бюллетеней, вышедших к настоящему времени, являются уже сейчас — по собранному в них необозримому материалу, относящемуся почти ко всем странам света — совершенно незаменимым и единственным в своем роде пособием для всякого деятеля внешкольного образования. Не имея возможности изложить

здесь подробно богатое содержание этих бюллетеней, приведем хотя бы оглавления последних 18-ти выпусков: XIX. — Новейшие течения в библиотечном деле. — XX. — Внешкольное образование в Австрии. Лейпцитская библиотека. — XXI. — Внешкольное образование в Швейцарии. — XXII. — Внешкольное образование в Италии. — XXIII. — Внешкольное образование в Калабрии, Сицилии, Сардинии. Работа в тюрьмах. — XXV. — Внешкольное образование в Финляндии. Народные библиотеки в Чехословакии. — XXVII. — Народные дома в Англии. Новейшие опыты в Германии. — XXVIII. — Философия внешкольного образования. Народные университеты в Вене. — XXIX. — Британские доминионы. — XXX. — Внешкольное образование в Японии. — XXXI. — Внешкольное образование в Голландии. — XXXII. — Отчет г-жи Гертруды Гермес об ее впечатлениях в Англии. — XXXIII. — Отчет английского тютора об его впечатлениях в Германии. — XXXIV. — Новейшие течения в Китае, Японии и Дании. — XXXV. — Внешк. образ. в Соед. Штатах. — XXXVI. — Внешкольное образ. в Соед. Штатах. Внешк. образ. во Франции.

Конечно, не все перечисленные статьи в бюллетенях равноценны. На ряду с беглыми заметками о текущих явлениях и даже о новых выдающихся книгах по внешкольному образованию, в бюллетенях Всемирной Ассоциации встречаешь однако и самостоятельные социолого-педагогические исследования, написанные мастерами своего дела. Из таких статей отметим в первую очередь статьи о внешкольном образовании в Швейцарии, Голландии, и в особенности работы о внешкольн. образовании в Японии, Соединенных Штатах и Франции. По обилию и точности фактич. материала, по глубине и широте подхода к нему работы эти представляют совершенно исключительный интерес. Очень интересна также помещенная в № XXVIII бюллетеней статья проф. A. E. Heath (Бристоль), посвященная «философии внешкольного образования». Для английского педагога проблема внешкольного образования заключает в себе три основные трудности: 1) нащупать специфическую «образовательность» (educability) каждого отдельного лица, от которой и должен исходить процесс его общего образования, 2) сочетать общее образование данного лица или группы лиц с их специальным, определяемым их профессией, интересом, 3) дать образование действенное, т. е. сочетающее научную традицию с практическим опытом жизни. Тогда только проблема внешкольного образования, заключающаяся в воспитании духовной целостности, сможет быть в полной мере разрешена.

Имея в виду особое значение внешкольного образования для своих читателей, редакция «Русской Школы» предполагает в будущем регулярно следить за бюллетенями WEA, по мере их выхода в свет. Сейчас остановимся только несколько подробнее на двух последних выпусках, посвященных внешкольному образованию в Соед. Штатах и во Франции. Для Соед. Штатов характерно чрезвычайное разнообразие учреждений, подпадающих под общее понятие внешкольного образования. Сюда входят и организуемые школьными властями на налоговые средства вечерние школы для взрослых, школы для иммигрантов, дополнит. школы для подростков, «кооперативные» школы при фабриках, сочетающие учение с заводской работой, и совершенно частные педагогические предприятия технического и коммерческого характера. Большое значение имеют образовательные учреждения, содержимые религиозными организациями (YMCA, YWCA, Рыцари Колумба, Еврейские Союзы Мол. Людей), а также крупными промышленными предприятиями (Standard Oil Company, Westinghouse Company), преследующими при этом специальные интересы своего производства. Публичные библиотеки все более и более обрастают разнообразными, помогающими читателю учреждениями (readers' advisory service, кружки читателей), также как и музеи перестают быть простыми хранилищами и идут на встречу активности посетителей, которую они стремятся уловить. Очень интересны и поучительны опыты по организации особых рабочих колледжей, основываемых Рабочим Образовательным Бюро при все более и более энергичном содействии со стороны Американской Федерации Труда. Чрезвычайно велико, наконец, и значение заочных

курсов обучения, до сих пор все еще представляющих собою в большей части коммерческие предприятия. Это многообразие форм внешкольного образования в Америке восполняется еще попытками заимствования иностранных форм внешкольного образования (напр. учрежденный в Пенсильвании Pocono People's College по образу датских высших народных школ). — Совсем иначе обстоит дело во Франции: здесь внешкольное образование носит по преимуществу технически-практический характер. Это разнообразные дополнительные курсы профессионального характера, соответствующие тому, что в Германии называется «дополнительной школой», а также многочисленные сельско-хозяйственные курсы для крестьян, организуемые по преимуществу школьными властями. Общественная инициатива проявляется в первую очередь со стороны католической церкви, стремящейся воспитать с помощью разнообразных образовательных учреждений свое преданное церкви поколение молодежи. Из чисто общественных светских организаций наиболее активную деятельность проявляет «Политехническая Ассоциация», но и та охватывает содержимыми ею классами только около 5.000 человек. Точно так же только в самом начале своего развития находится и рабочее образовательное движение. Интересно, что особенно высоко поставлено дело внешкольного образования в Страсбурге.

Очень досадно, что на прошедшем Русском Съезде по внешкольному образованию в Праге деятельность Всемирной Ассоциации не была никак отмечена. Вступить в связь с Всемирной Ассоциацией русским деятелям внешкольного образования за границей совершенно необходимо уже потому, что работа их как в среде беженства, так и в среде меньшинств носит сама по себе международный характер. Превратив внешкольное образование в политпросвет, советские деятели автоматически исключили себя из Всемирной Ассоциации, в которой Россия так и остается до сих пор непредставленной. Пожелаем и по этой причине, чтобы Русское Педагогическое Бюро, созвавшее съезд по внешкольному образованию, вступило в члены Ассоциации и приняло участие в организуемой ею в августе 1929 г. международной конференции.

С. Гессен.

«Przegląd Pedagogiczny». 1927. Tygodnik. Organ Tow. nauczycieli szkół średnich i wyższych. Год. изд. XLVI.

«Przegląd Pedagogiczny», — официальный орган т-ва учителей школ средних и высших, еженедельно начал выходить с 1 января 1926 г. Наряду с обсуждением вопросов образования и воспитания, журнал защищает профессиональные интересы преподавателей средних школ и высших учебных заведений. «Товарищество» является крупной организацией, насчитывая около 7 тыс. членов из общего числа 12 тыс. учителей ср. школ. Другая подобная организация — «Профессиональный Союз учителей ср. школ» («Związek Zawodowy Naucz. Pol. šk.») — сравнительно невелика (около 1.000 чел.). Кроме «Prz. Pedag.», издаваемого всецело на средства т-ва, та же организация материально поддерживает еще след. издания: 1) «Muzeum» — выходит 4 раза в год; научно-педагог. журнал; 2) «Iskry» — еженедельник для юношества; 3) «Pedagogium» — еженед. орган для учительских семинарий; 4) «Szkolnictwo zawodowe» — для профессиональных школ.

Несомненно, одним из самых больных вопросов польской школы являются ненормальные взаимоотношения между учителями средних и низших школ, сильно отражающиеся на проведении в жизнь идеи единой школы. Главную вину за это несут политические партии, вовлекшие учителей в политику и расколовшие их на два враждебных лагеря: радикальный — учителя низших школ и консервативный — учителя средних шк. Проф. союз учит. ср. шк. в вопросе об единой школе стоит на стороне учит. низш. шк. К этому примешиваются чисто профессиональные интересы, особенно заметно выступающие при обсуждении проекта об единой школе. Проект этот сводится по существу к усекновению низших классов средней школы и замене их старшими классами начальной школы. Аргументы, выдвигаемые защитниками проекта, часто принимают демагогический ха-

рактер, Вот, напр., что пишет И. Смуликовский, депутат сейма и сам учитель народной школы: «Средней школе нужно обеспечить прилив свежих сил. Резервуар этих сил находится вне той среды, из которой поступает контингент сегодняшней молодежи средних школ. Ценность средней школы сразу поднимется, и вместо того, чтобы хлопотать о жалких существах, случайно имеющих средства и счастье пользоваться благами науки, школа получит ученика с дисциплинированным умом и определившимся призванием. Не будет то варварским нашествием, когда на средние школы двинутся дети трудового народа и предупредят падение культуры. На место вымученных шаблонов несчастных маменькиных гнилушек (zgniłków mamusiuych), они принесут способности, творческую силу и расовый порыв, — все те качества, которые сейчас задавлены тяжестью школьной системы» («Dziennik ludovy», цит. по «Prz. Ped.», № 12). Неосновательность подобных заявлений выясняет К. Гольчевский в № 12 «Prz. Ped.». По статистическим данным львовского уч. округа уже сейчас 50% учеников приходится на детей рабочих и крестьян, а если принять во внимание, что 80% родителей-чиновников и служащих разных ведомств вышли тоже из рядов крестьян и рабочих, то можно заключить, что 75% учеников средних школ — дети трудового народа, и, следовательно, средн. школа не есть кастовая школа, захваченная во владение имущими классами, и нет надобности ломать ворота для широких слоев общества. Эти слои давно уже заполнили скамьи средней школы. Серьезные данные в защиту низших классов средн. школы приводит Волк-Ланевский (в статье «Najtrudniejszy węzeł», № 5 и 6 «Prz. Ped.»). Данные эти основаны на сравнении результатов вступительных экзаменов в II, III и IV классы в 86 гимназиях львовского учебного округа. Экзамены держали дети, частью прошедшие народную школу, а частью получившие подготовку дома или в пансионе. Предлагаемый Волк-Ланевским материал по своему характеру выходит из рамок польской школы и поэтому должен привлечь наше особенное внимание. Вот эти данные:

а) ученики, обучавшиеся в нар. школе:

В класс	Держало экзамен	Выдержало	% выдержавших
II	301	124	41,19
III	328	108	32,93
IV	553	103	18,63
Всего	1182	335	28,34

б) ученики, не обучавшиеся в нар. школе:

В класс	Держало экзамен	Выдержало	% выдержавших
II	57	55	96,49
III	63	46	73,02
IV	79	58	73,42
Всего	199	159	79,98

Сравнение этих цифр приводит к следующим выводам: процент учеников высших классов народной школы, принятых по экзаменам в гимназии, очень небольшой — едва 29 на 100. А ведь на эти экзамены являются не средние ученики народной школы, но те лучшие, которые чувствуют себя в силах отважиться на экзамен. Далее мы видим, что, по мере дальнейшего пребывания в народной школе, умственное развитие учеников притупляется, так как процент принятых уменьшается от 41 до 19 (в круглых цифрах). Совершенно другую картину дают ученики, не обучавшиеся в народной школе. Из них попадает в гимназию около 80%, т. е. почти в 3 раза больше, чем учеников нар. школы. Опытный учитель не будет удивлен, что результаты экзаменов в последнем случае лучше, хотя с полной уверенностью можно сказать, что большинство этих детей училось не у преподавателей-специалистов, какими являются преподаватели народной школы. Более слабые учителя, однако, могли развивать способности своих учеников сравнительно более быстрым темпом, так как им не приходилось считаться с большинством менее способных учеников, как это делается в народной школе. Но как бы ни истолковывать результат экзаменов, остается несомненным фактом, что успешность обучения учеников более способных в народной школе в три раза меньше, чем вне ее.

Обращает внимание еще одно обстоятельство. Процент принятых в III и IV классы (не обучавшихся в нар. школе) почти одинаковый, что соответствует приблизительно одинаковой трудности программы II и III классов в сравнении с более легкой программой I класса. Как мы видим, в III и IV классы принято около 73%, во II — 96%. Таким образом и для учеников из нар. школы процент принятых в III и IV должен бы быть одинаковым. И если дело обстоит иначе, то это свидетельствует, что не возростание программных трудностей в соответствующих классах гимназии вызвало понижение числа принятых, но единственно и исключительно задерживающее влияние народной школы на развитие способностей более одаренных учеников. На основании этих данных Волк-Ланевский решительно протестует против уничтожения 3 низших классов гимназии. Такая мера привела бы только к тому, что в I кл. высшей гимназии (как в проекте она называется) или IV кл. существующей гимназии пришли бы толпой ученики, может быть, и способные по природе, но с развитием, значительно задержанным, вследствие длительного пребывания в нар. школе, т. е. в среде ровесников менее развитых и составляющих 90% нар. школы. К этому нужно прибавить, что довольно случайный отбор на основе экзамена в IV кл. (согласно существующей нумерации) не может сравниться со спокойным, основательным отбором в течение трех лет в низшей гимназии.

Здесь ключ к пониманию смысла существования низших классов гимназии: в производстве естественного и точного отбора способностей и их интенсивного развития, что составляет необходимое условие для того, чтобы высшие классы гимназии могли выполнить свою задачу. Народная школа, заключает В.-Л., «которая должна дать подготовку, доступную для всех нормальных детей — всех без исключения, — не может ни производить отбора, ни специально заниматься с учениками, обладающими выше средними способностями, так как это нанесло бы ущерб всей массе остальных учащихся. Следовательно, народная школа не может выполнять функций гимназии в ее низших классах и наоборот».

К мысли о необходимости беречь среднюю школу, не допускать ее ампутации, приходит и автор блестяще написанной статьи об английской школьной реформе, проф. Дыбоский (№№ 18, 19, 20). Изучая проект создания в Англии новой школы, средней между начальной и существующей средней школами, проф. Дыбоский заключает, что для Польши и этот новый тип школы невозможен в виду безграмотности, царящей в стране, бедности в средствах и недостатка в образованных учителях даже в средн. школе. Нужно повышать народное образование, а не понижать среднее. Нужна не ликвидация, а перестройка или пристройка.

Однако, защитники низших классов гимназии не скрывают её недостатков, из которых самым главным является обилие в средней школе неквалифицированных учителей, иногда не получивших даже среднего образования. Сознание невозможности проведения в жизнь новых программ и методов при наличии малоподготовленных преподавателей нашло яркое выражение в речи проф. краковского ун-та Кота на съезде делегатов т-ва учителей школ средних и высших в мае 1927 г. Известный историк польской школы и образованности поставил в вину т-ву, что оно из ложно понимаемого чувства товарищества «покрывало своим авторитетом деморализацию учительского персонала, т. е. допускало, чтобы неквалифицированные учителя преподавали в средних школах. Виноваты в этом не только министры и попечители округов, но и директора, которые в своих рапортах прямо не заявляют, что плохие результаты являются последствием плохой подготовки учителей. Виновато и т-во, допускающее существование большого числа людей, которые не должны были бы учить в школе. Если в университетской жизни приходится встречаться с молодежью, поражающей своим невежеством, то в девяти случаях из десяти эти молодые люди вышли не из тех старых школ, которые перед войной старались привлечь квалифицированных учителей, а из тех школ, которые вместе со своими учителями заслуживают названия «инфляционных». Впрочем, по мнению проф. Кота, и преподаватели квалифицированные не

стоят на уровне современных требований. Они мало занимаются наукой и своей специальностью. («Prz. Pedag.», № 21, стр. 515).

В самом деле, просматривая номера «Prz. Ped.», приходится обратить внимание на отсутствие живой деятельности среди учительства польских средних школ. Не видно живых откликов со стороны рядовых читателей, не заметно работы по изучению новых методов, которые, как бы к ним ни относиться, сильно содействуют оживлению школьной атмосферы. Постоянно мелькают статьи одних и тех же авторов (признак плохой для педагогического журнала); везде проглядывает рука просвещенной редакции, направляющей и наставляющей пассивную читательскую массу. Само т-во склонно искать оправдание для такого положения дела в плохом материальном положении учителей, получающих в среднем только 33% довоенного вознаграждения, и поэтому обсуждение так называемого «Санационного Устава» (уменьшившего жалованье учителей на 4—6%) не сходит со страниц «Prz. Pedag.». Но едва ли положение учителей народных школ лучше, а между тем мы имели случай отметить живой темп их деятельности (см. кн. 26 «Р. Шк.»). Получается впечатление, что польская средняя школа идет по путям старой традиционной школы с ее преобладанием интеллектуализма. Этим, вероятно, объясняется внимание, оказываемое журналом вопросам программного характера, в частности лат. и новым языкам. Интересно отметить, что в защиту лат. языка на последнем съезде встали не только филологи, но и техники, как, напр., ректор горной академии в Кракове проф. Краузе, путем практики пришедший к убеждению, что окончившие классические гимназии легче приспосабливаются к потребностям технической школы. Против лат. языка высказался только один делегат, проф. львовского политехникума Ламницкий, да и то только против обязательного преподавания лат. языка в младших классах. В вопросе о преподавании иностранных языков растет понимание ненормальности положения: преподаются не те языки, которые практически нужны. Число людей, знающих русский и немецкий языки, катастрофически уменьшается. Между тем, экономическая изоляция от Запада и Востока (особенно последнего) должна рано или поздно кончиться. Поэтому, подчеркивает автор интересной статьи об обучении новым языкам в № 19 журнала (Nauczanie języków obcych»), «необходимо уже сейчас ввести в школу возможно более широко преподавание обоих этих языков».

Как результат слабого развития физического образования в современной польской средн. школе (в неделю 2 ч. гимнастики и 2 ч. подвижных игр), заметно стремление найти что-нибудь способное заполнить этот пробел. Естественно, что в первую очередь взор обращается на уже практикующиеся в некоторых школах необязательные военные занятия. Идея, сугубо близкая для Польши, страны, находящейся между молотом и наковальней (по выражению делегата съезда Волк-Ланевского).

Вл. Галецкий в статье: «О военной подготовке школьной молодежи» (№№ 26, 27 журнала) предлагает сделать подготовку обязательной в VI и VII классах, придав ей характер настоящего войска, а не фикции, войска со всеми его методами, обстановкой и режимом. Помимо огромного значения таких занятий для здоровья и физического воспитания молодежи, они имеют, по мнению автора, большую ценность для выработки характера. Указания на возможное огрубение молодежи неосновательны; нужно подобрать только среди офицеров гарнизона соответствующий командный состав. Педагоги-наблюдатели в летнем лагере, как это практикуется сейчас, нежелательны, т. к. они только диссонируют с общей воинской обстановкой, вызывая невольно улыбку не только у офицеров, но и у учеников. В качестве связи между гимназией и лагерем, штатскими и военными элементами, мог бы служить учитель гимнастики. Главное же преимущество военного образования в том, что оно практически учит служению родине.

Консерватизм польской средней школы находит, быть может, свое объяснение в неустойчивой политике сверху. Частые смены министров приучают с недоверием относиться к новым лицам с новыми програм-

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 591 - 610

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

мами, часто очень радикальными. Но это не мешает польским педагогам понимать неудовлетворительное состояние средней школы и искать из него выхода. Неоднократно «Prz. Ped.» подчеркивает, что средняя школа не удовлетворяет потребностям страны и приветствует рост профессиональной школы.

Журнал внимательно следит за школьной жизнью в других государствах и печатает ряд статей о реформе школы во Франции, Германии, Австрии, Италии. Своим девизом он избрал разумное сочетание новых идей с польской традицией или, повторяя слова проф. Дыбоского, не ликвидацию, а перестройку или пристройку.

В. Булавский.

«Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии». 1927—28. №№ 1, 2, 3, 4—5, 6. Ревель (Таллин). 1927—1928 г. Подписная цена: на №№ 1—6 — 75 цент.; отд. № — 15 цент. (Адрес: Таллин, Морская, № 69).

Журнал издается с апреля прошлого года Правлением союза русских просв. и благотвор. о-в; выходит он тетрадками небольшого формата, в 16 страниц каждая; в 1927 г. вышло всего три номера: первый — в апреле, второй — в июле, третий — в ноябре; двойной номер 4—5-й помечен январем, 6-й — февралем тек. года.

Редакционная вступительная статья, помещенная в первом номере, намечает две задачи «Вестника»: давать подробную информацию о развитии русского внешкольного образования и способствовать установлению более тесной связи с соответствующими эстонскими организациями в интересах использования их опыта и находящихся в их распоряжении возможностей.

Эта же статья объясняет и причины появления нового издания. — Культурная работа среди русского населения с каждым годом становится шире и глубже; число просветительных обществ растет; деятельность их становится разнообразнее: начавшись с воскресных школ и библиотек, она переходит к систематической деятельности специалистов-инструкторов и захватывает уже хозяйственные нужды русского населения Эстонии. Определять содержание культурной работы опытом прошлого уже недостаточно; осуществлять руководство этой работой обычным канцелярским путем нет никакой возможности. Вот почему правление союза признало необходимым приступить к изданию своего печатного органа.

Задачи издания определили и его программу. «Вестник» помещает: законы и распоряжения правительства, касающиеся культурных и др. интересов русск. населения, а также постановления местных самоуправлений, относящиеся к тем же областям; уставы просв. и хоз. о-в и организаций, а равно и сведения об их деятельности; списки книг, рекомендуемых для народных и детских библиотек; списки диапозитивов, имеющихся на складе союза; списки книг театральной библиотеки союза; руководящие статьи по различным видам внешкольной работы; сведения о работе эстонских культ. организаций; хронику культ.-просв. работы среди русского населения.

«Вестник», несомненно, представляет интерес для практических деятелей в области внешкольного образования, и не только тех, кто работает в Эстонии, так как целый ряд вопросов, освещаемых на его страницах, способен привлечь внимание русского деятеля и в Литве, и в Латвии, и в любой стране русского рассеяния. Такие вопросы, как «летняя детская площадка» (статья М. Барховой, № 2), «охрана детства», «библиотека и читатель» (статья Д. Селедец № 3), «о работе с газетой в деревне», «изба-читальня» (заметка А. Томасова, № 3), «кружок физического воспитания в деревне» (статья В. Утехина, № 4—5), «народные дома», «театр» (статья Н. Свирского, № 6) стоят в программе повседневной работы каждого практического деятеля по внешкольному просвещению взрослого и детского населения.

Нас более всего привлекает в журнале то, что весь он насыщен делом, настоящим, упорным делом, которое изо-дня в день планомерно выполняется в русских деревнях эстонской республики, направляемое де-

мократическим центром Союза. Хроника деятельности отдельных обществ, входящих в Союз, — едва-ли не самые интересные страницы издания. В «Русской Школе» время от времени печатаются заметки о работе этих подлинных крестьянских организаций, и читатели журнала знают, как разнообразен и широк круг интересов этих культурных русских ячеек Пинаровья и Печорского края. Впечатление большой значимости этой работы еще более усиливается, когда читаешь подряд небольшие протокольные заметки об инструкторах по театральному делу, по борьбе с пьянством, по сельскому хозяйству, женскому делу и пр. и пр. Веришь, что строится большое, настоящее культурное русское дело.

«Вестнику» надо сказать спасибо за то, что он систематически знакомит с законодательством молодой эстонской республики по культурной автономии, организации нар. образования, охране материнства и пр. (см. стр. 3, 5, 24, 40, 58, 83, 90 журнала). Лишний раз убеждаешься, что эстонский народ — умелый организатор свободы; красивые слова о праве каждого народа на культурное самоопределение, украшающие обычно конституции больших и малых государств, здесь вошли в жизнь.

От души желаем «Вестнику» долгой и славной жизни: он этого заслуживает.

Н. Новожилов.

Детская литература

Детская литература в РСФСР за 1927 г.

До последнего времени детская литература была забытым участком в культурно-просв. работе, и лишь с 1927 г. детская книга начинает привлекать к себе общественное внимание. Вопросы, с ней связанные, выносятся из лабораторных рамок Института детского чтения и Центральной дет. биб-ки на широкое общественное обсуждение. Главполитпросветом созывается Всесоюзная конференция детских биб-к. Аналогичные конференции происходят на местах. На обычных библиотечных съездах детская книга служит предметом особого обсуждения. Идеи детской книги начинают пропагандироваться среди литературных, школьных и книжных работников. В этих целях созываются три объединенных конференции с участием авторов, художников, библиотекарей, педагогов и книготорговцев. Осенью 1927 года в Москве устраивается Полиграфическая выставка, на которой детская литература изд. ГИЗ-а получает первую премию

Работа с детской книгой значительно облегчается благодаря ряду вышедших в 1927 г. библиографических справочников, пособий и каталогов по детской литературе (Рубцева — Что читают дети; Новые книги, — Инст. дет. чтен. в. V.; Библиографический справочник по дет. книге Желобовского и Рубцевой; Покровская — Основные течения в современной детской литературе; Сборник под ред. Флериной — Какая книга нужна дошкольнику; Художественное чтение в школе I ступени, — «Раб. просв.»; Труды Инст. дет. чтен. по истории детской книги, т. I). Наконец, с 1927 г., под ред. Л. Р. Менжинской, начинает издаваться специальный журнал по вопросам детской литературы — «Книга детям».

Все это не могло не отразиться на издании детской книги. Особое практическое значение в этом отношении имела работа комиссии по книге Главсоцвоса, которая своими тематическими и рекомендательными списками регулировала и вводила в организационные рамки потребительский спрос.

Спрос на детскую книгу строился приблизительно в следующих соотношениях: преддошкольный и дошкольный — 36%, младший — 25%, средний — 20%, старший и юношеский — 20%.

Спрос и степень его удовлетворяемости в 1927 г. (по темам литературы) иллюстрируется следующими данными (по материалам ин-та дет. чтения):

Темы	Спрос (в %%)	Удовлетв. спроса (в %%)
Быт	20	28
Приключения	23,8	8
Гражд. война	6,7	4
Природов. беллетрист.	10	10
Техника и произв.	3,2	6
Сказки	23,8	8
Историч. беллетр.	3,8	7
Общ. беллетр.	6,2	0

По характеру литературы больше всего спрашивали: приключенческую, сказки и некоторые другие, — слабо обслуженные в имеющемся ассортименте издания, — научно-популярные (типа рубакинских), книги по истории и географии с иллюстрациями, служащие для самообразования ребенка, специальные издания для девочек; значительный спрос ощущался на подарочные издания и пьесы для исполнения в домашнем театре.

Внимание сосредоточивалось главным образом на след. авторах и книгах, сделавшихся, очевидно, излюбленным чтением детей в сов. России: Чуковский, Маршак, Хвольсон (Царство малюток), Крестьянов (Слоник, Мока и Мишук), книжки-картинки: Ватагина и Комарова; Бианки; Федорченко; Мексин; Ауслендер; Григорьев; Остроумов (Макар-следопыт); Бляхин (Красные дьяволята); Кравченко (Как Саша стал красноармейцем); Накоряков (Петька-адмирал); Житков и некоторые другие. Из старых авторов неизменно спрашивали: Майн-Рида, Жюль-Верна, Буссенара, Киплинга, Диккенса, Марк-Твена, Короленко, Мамина-Сибиряка и др.

Основными потребителями детской книги являются коллективные покупатели, составляющие до 60% общего спроса. Индивидуальные покупатели составляют до 40% общего спроса. (В 1925 г. этот покупатель составлял до 60% всего спроса). Обслуживают их в большинстве случаев частные из-ва (Мириманов, «Радуга», «Светоч»); спрашивает индивидуальный покупатель преддошкольную, дошкольную и подарочную книгу.

В 1927 г. только в РСФСР насчитывалось 29 изд-в, выпускавших дет. книгу. Этими издательствами были выпущено 973 названия (из них повторных 128), 20.358.500 экз. на сумму 4.429.900 черв. р., со средним тиражем 20.900 экз.; средняя номинальная цена одного экз. 20 к.

Казенные советские издательства преобладают на рынке по общему объему своей продукции, но значительно уступают частным по средним тиражам; издания частных книжных фирм значительно дешевле советских.

По сравнению с 1926 г. общее число издательств, обслуживающих дет. литературу, выросла на 26%[1]). Число выпущенных названий увеличилось на 32,5%, тираж поднялся на 132,3%. Средний тираж вырос на 74,1% и средний номинал одного издания понизился на 43,5%. Число повторных изданий выросло на 39,1%.

По сравнению с 1926 г. осталось то же соотношение между конкурирующими издательствами. Как и в прошлом году, главную роль на рынке детской книги играют Госуд. издательство и Мириманов, конкурирующие объемом своей продукции и дешевизной изданий, при чем ГИЗ конкурирует общим объемом своих изданий и разнообразием своего ассортимента, а Мириманов дешевизной и многотиражностью. Затем идут «Молодая Гвардия» и «Земля и Фабрика» (ЗИФ). Роль остальных издательств в детской литературе ничтожна и сводится к случайным изданиям. За последний год значительно сжала свою продукцию «Радуга».

[1]) Вот перечень главнейших издательств, выпускающих дет. книги (в порядке их удельного веса): Госуд. изд-во, Мириманов, «Радуга», «Мол. Гвардия», «Земля и Фабрика», «Моск. Рабочий», «Нов. Москва», «Раб. Просв.», «Посредник», «Крест. Газета», «Никит. Субботники», «Раб. Газета», «Прибой», «Книга», «Детск. творчество», «Знание», «Жизнь и Знание», «Начатки Знаний», Сойкин, «Совет. Деревня» (Курск), «Сев.-кавк. книга», «Дол. неграмотность», «Немгиз», Общество политкаторжан, Пролеткульт и др.

Обращают на себя внимание, как признак стабилизации ассортимента, растущие из года в год переиздания за счет сокращения общего числа выпускаемых названий и увеличение тиражей в части названий, отстоявшихся из стабилизировавшихся по спросу. Достаточно сопоставить сравнительные данные роста продукции Мириманова за 1925, 1926 и 1927 гг., чтобы в этом убедиться. Увеличив свою продукцию в названиях в 1926 г., сравнительно с 1925 г., на 186,5%, Мириманов в 1927 г., сравнительно с 1926 г., увеличивает ее лишь на 10%. Зато средний тираж его изданий за это же время вырастает на 136,2%, а число переизданий — на 30%.

Распределение детской литературы издания 1927 г. по возрастным группам видно из след. таблицы:

Группы	Число назв. в группе	% к общ. числу назв.	Тираж в тыс. экз.	% к общ. тиражу	Средн. тир. в тыс. экз.
Дошкольная . . .	340	34,9	9.746,5	47,8	28,6
Младшая . . .	199	20,4	3.783	18,5	19,1
Средняя	188	19,3	3.454	16,9	18,3
Старшая	228	23,4	3.254	15,9	14,2
Театр	18	2	121	0,9	6,7
Всего . .	973	100%	20.358,5	100%	20,9

Главное место, как по числу изданных в 1927 г. названий, так и по тиражу, занимает дошкольная книга; на втором месте по числу названий стоят книги для старшего возраста; слабее других обслужен в истекшем году детский театр.

Н. Н.

РЕЦЕНЗИИ:

(Рецензии составлены Комиссией по детскому чтению при Институте изучения России; знаком * снабжены книги, которые давались на отзыв детям)

Дошкольный возраст.

* **Андриевская, М.** Любопытные. Рис. Е. Жуковского. Изд. «Радуга». М.—П. 1926. Стр. 8 (не нум.). Ц. 30 коп. Тираж 30.000.

Нехитрая фабула. Незатейливые стихи. Незамысловатые рисунки. Подано в «народном духе»: «Раз мужик Ершов Увар вынес масло на базар»... Продал Увар масло — купил себе козла. И отправился домой. «Идут с козликом трюх-трюх, а на встречу им пастух». Пастух спрашивает Увара, сколько он дал за козла? В этом вопросе вся завязка, вся тема и все решение. Пастуху Увар отвечает охотно. И даже вступает с ним в — «тары бары, ля-ля-ля...» Но за пастухом Увару задают тот же вопрос: «баба весела», рыбаки, обозчики, Иван-дурак. Словоохотливость и благодушие Увара постепенно исчезают. И от обозчиков он уже бежит: «Через поле и мосты, через ямы и кусты»... Но на пути, «как на зло, попадается в... село». А в селе у ворот также «любопытный» Дурак-Иван. Терпение Увара лопается. Увар колотит дурня. Сбегается народ. Прибегает на шум и милиционер. А Увар им всем козлом: «Бэ-ээ». Народ вначале дивится, но затем решает, что Увар «валяет дурака». Удивление и «приговор» народа и всю незатейливую историйку разрешает Увар поучительной сентенцией»: «То-то... Вам не про себе, коль сказать два раза «Бэ-ээ». Как же мне спастись от зла, коль меня на счет козла вы спросили этак в час семь иль восемь тысяч раз»...

Книжечка может доставить детям несколько веселых минут, если только «большие» не усвоят морали историйки и на семь или восемь тысяч вопросов малышей не станут отвечать, как Увар: «Бэ-ээ».

Доп.

Ауслендер, Сергей. «Малыши». Рассказ. Рис. Э. Гурвич. Гиз. М.—П. 1926. Стр. 30. Ц. 50 к. Тираж 10.000.

В книге четыре рассказа, рисующих жизнь детского сада и начальной школы в сов. России. Изложение тенденциозно; действительность сильно прикрашена, почему и некоторые бытовые черточки воспринимаются с

известной долей недоверия. Особенно тенденциозен рассказ «Октябрь», в котором повествуется о мальчике, сыне рабочего; смертельно раненый в бою с «буржуями», рабочий завещает сыну твердо стоять за рабочее дело; сын помнит заветы отца и через 7 лет становится в ряды бойцов. В рисунках та же тенденциозность и натянутость. Бумага прекрасная, печать хорошая. Иллюстрации хорошо исполнены.

Не рек.

Барто, А. Красные шары. Стихи. Рис. А. Француза. Гиз. М.—П. 1926. Стр. 15. Ц. 40 к. Тираж 15.000.

Книжка-картинка. Иллюстрируется жизнь большого русского города: продавец шаров; милиционер; на вокзале; фонарщик; лошадь упала; трамвай; пожарные; на площади; дворник; каток; праздник. Стихотворный текст только поясняет рисунки. Бумага хорошая; шрифт мелковат; печать ясная; обложка яркая, соответствующая содержанию. Иллюстрации исполнены в красках, отчетливы, исполнены хорошо.

Доп.

Младший возраст

* **Гурьян, О.** Прогулка. Картинки В. Голицына. Гиз. М.-П. 1926. Ц. 50 к. Тираж 10.000.

В зимний снежный день группа ребятишек отправляется на прогулку в сквер. Картинки детских развлечений схвачены живо и реально. Рисунки выразительны. Книжечка нравится детям младшего возраста. Непонятными являются след. безвкусные строки: «Притащила ветку елки, что ж, от елки мало толку! Неизвестно почему — елка бабе ни к чему»!» Можно читать детям вслух.

Доп.

* **Дестомб, К.** Домик с золотыми окнами. Рисунки Н. Фогт. Изд. «Радуга». 1926. Стр. 10. (Внутр. страницы обложки заняты текстом). Ц. 23 к. Тираж 30.000.

Крестьянский мальчик каждый вечер смотрит с горы на «дом с золотыми окнами». Живет он в простой избе, с раннего утра до позднего вечера помогает отцу в тяжелой крестьянской работе, а как вечер — бежит на гору и смотрит. Глаз не может оторвать он от диковинного дома: вместо стекла в окна вставлены золото и драгоценные камни, которые особенно сильно горят при солнечном закате. И думает мальчик, что в этом доме живут счастливые люди: «верно, и платье у них золотое, и вещи, и чашки, и ложки... им не надо работать»... Даже засыпая после трудового дня, видит во сне мальчик таинственный дом, весь в золоте, весь в драгоценных камнях, видит людей, разодетых в роскошное платье, счастливых, веселых детей. И вот однажды, когда с работой покончили, мальчик решил дойти до странного дома и все разузнать. Долго шел. Оглянулся — далеко остался вдали его убогий, непригляд-ный домишко. Да, счастье неравно у всех... Наконец, пришел — и глазам своим не поверил: стоит такой же, как их, крестьянский домишко, за домом — сараи и двор для скота, фруктовый сад... нет ни золотых окошек, ни драгоценных камней... И живут в доме бедные люди, простые крестьяне, которые работают с раннего утра до поздней зари... Рассказал мальчик, зачем он пришел, поведал, что манил его дом с золотыми окошками... Дочь крестьянина засмеялась: «не туда ты зашел; посмотри, это там». Оглянулся мальчик и глазам не поверил: сверкают огни и горят золотые окошки... в его собственном доме... Тут он все понял. Вернулся он поздно и сказал отцу: «Я узнал, что у нас в этом доме окошки сияют, горят дорогими камнями и светятся золотом. А раньше я думал, что это бывает в богатых домах, где живут без работы счастливые люди»... Книжка написана хорошим языком, рисунки очень ярки и выразительны, хотя не всегда верно передают обстановку. Основная мысль книжки выражена не совсем ясно; но книжка будит мысль ребенка и в руках опытного руководителя может сделать много.

Реком.

Лена и Лиза, Макса и Морица сестрицы и их семь проказ. Рис. Мадделена. Русск. текст В. Куликовского. Изд. О. Дьяковой. Берлин. Год и цена не указаны. Стр. 48.

Эта книга является подражанием прославленному «Максу и Морицу». Если «М. и М.» нельзя отказать в талантливости изложения и легкости формы, то «Лена и Лиза» не имеет и этих достоинств. Антихудожественные иллюстрации, грубый и бездар-

ный стихотворный текст могут только пробудить в детях самые низменные чувства. На протяжении 48 страниц говорится о чудовищных жестокостях, проявляемых двумя сестрами.

Не рек.

Богданов, М. Н. «По гнезда, по яйца». Одесса. 1919 г. Изд. Т-ва «Бессарабское кн-во».

Переиздана хорошо известная работа прекрасного русского популяризатора. Внешность издания серая; бумага, печать — только удовлетворительны.

Реком.

Средний возраст

* **Андреева, Лидия.** Катя и Шарик. Повесть. Рис. М. Гетманского. Гиз. М.—П. 1926. Стр. 260. Тираж. 7.000.

Катя, 6-летняя сиротка, живет у тетки. Однажды, она находит в помойной яме щенка, спасает его и приносит домой. Тетка сердится и хочет выбросить собаку. Катя, спасая щенка, убегает с ним из дома. После целого ряда приключений Катю и щенка подбирает старушка-учительница. У этой старушки девочка проводит несколько дней. Приятель Кати организует поиски за девочкой; девочка найдена, но старушка-учительница привязалась к Кате, ей тяжело расстаться с девочкой, да и Катя не хочет уходить к сердитой тетке. В конце концов старушке удалось получить от тетки разрешение оставить девочку у себя. Девочка зажила спокойной жизнью. Но тут случилось несчастье — пропал Шарик. Все поиски оказались тщетными. Катя долго не могла успокоиться, но время взяло свое: девочка опять начала играть и смеяться — и только вспоминая Шарика, у нее больно сжималось сердце. У старушки на сердце неизбывное горе: давно затерялась её дочь, которую она не чает уж видеть в живых. Однажды ей показалось, что в окне промелькнувшего поезда она увидела свою давно оплаканную дочь. Старушка очень расстроилась, а Катя решила отправиться на поиски дочери своей благодетельницы. Тут следует описание скитаний девочки по широким просторам России в поисках за пропавшей дочкой любимой старушки. Все кончается благополучно: «бабушкина» дочь найдена, найден и Шарик, все счастливы. Первые четыре главы повести несколько натянуты, изложены вяло. Надо еще отметить, что в этой книжке слиты две темы: первая — история с Шариком, вторая — поиски бабушкиной дочки. Но несмотря на все эти, иногда очень значительные, недостатки, книга читается с большим интересом. Она подкупает искренностью и живостью изложения. Издана довольно хорошо. Опечатки незначительны и их мало. Иллюстрации черные, их немного и они не украшают книги, а в некоторых местах портят (стр. 45, 97, 236).

Реком.

* **Куприн, А. И.** Рассказы для детей. «Библиотека зеленой палочки». Изд. «Север». Париж. 1921.

Надо сказать большое спасибо за переиздание этой книги — яркой, художественной. Удивительное мастерство слова, способность проникать в духовный мир детей автор проявляет на каждой странице. Все рассказы понятны и близки детям. Герои — прежде всего животные, потом люди. Особенно хороши рассказы «Слон» и «Белый пудель».

Оч. реком.

Бехтер, Г. М. Муравей Буц. Приключения в мире муравьев. Перев. с нем. В. М. Богровой. С 6-ю рис. К. Верникс. Изд. А. Ф. Девриена. Берлин. 1923.

Книжка давно получила признание юных читателей и в рекомендации едва ли нуждается. Новое издание во всех отношениях плоше прежних.

Реком.

Богданов, М. Н., проф. Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы. 2-е изд. Гиз. М.—П. 1923.

Книга давно пользуется признанием и педагогов и юных читателей; нужно приветствовать ее переиздание. На доминирующем в рассказах фоне жестокой борьбы за существование, выдержанных в реальных и строго научных тонах, расцветают бесценные цветы любви и чистого, глубокого, не корыстного интереса к каждой твари поднебесной. Книга воспитывает лучшие стороны человеческого духа, зовет к высоко эстетическому и нравственному восприятию жизни природы, к изучению животного царства.

Реком.

* **Лункевич, В.** Два великих царства природы. Животные и растения, населяющие сушу. № 9 «Популярной энциклопедии естествознания». С 89 рис. 7-е изд., просм. и дополн. П. 1925 г. Культ.-просв. коопер. т-во «Начатки Знаний». Стр. 95 + 1 ненум. Ц. 25 к. Тир. 10.000.

В первых двух небольших главах книжки автор дает элементарные понятия о пяти поясах земного шара и выясняет, почему в различных странах живут различные представители растительного и животного мира. В дальнейшем изложении, живом и бойком, автор знакомит с массой представителей двух великих царств природы, живущих на суше, описывая различные курьезы, из ряда вон выдающиеся явления, с похвальной целью заинтересовать читателя. Педагогич. критика давно ставила автору в вину его стремление гнаться за сенсацией; к сожалению, и в этом, переработанном, издании имеется тот же недостаток. Хотелось бы большей строгости, большей последовательности в изложении. Но книжка, несомненно, заинтересовывает читателя, и поэтому ее нужно иметь в школьной библиотеке, тем более, что популярная литература по естествознанию не так уже велика. Рисунки, бумага — плохи, печать — удовлетворительна, цена высока (в издании Ф. Ф. Павленкова эта же книжка стоила 25 к.).

Доп.

* **Лункевич, В.** Враги и друзья человека. С 55 рис. в тексте. П. 1925. 6-е просм. изд. Культ.-просв. кооп. т-во «Начатки знания». Стр. 112. Ц. 70 к. Тир. не указан.

Враги — майский хрущ, медведка, саранча, гессенская муха, хлебный пильщик, хлебный червь, полевки, зерновки, слоники, цветочники, короеды, тли, филоксера; друзья — перепатые, еж, землеройка, дождевой и шелковичный черви. Язык — бойкий, манера изложения — обычная для «популярного» автора. Не имея под руками этой книжки в издании Ф. Ф. Павленкова, невозможно установить, в какой мере она переработана для настоящего издания; во всяком случае, приходится отметить, что стоила она значительно дешевле.

Доп.

«Бежим в страну краснокожих». Сборник рассказов. Под ред. П. В. Владиславлева. Изд. Т-ва «Книга». М.—П. 1923. Тираж 3.000.

Сборник составился из произведений хорошо известных русскому читателю авторов — В. И. Дмитриевой («Путешествие в Африку»), Н. М. Гарина-Михайловского (отрывки из «Детства Темы») и А. П. Чехова («Монтигомо-Ястребиный Коготь»). Объединенные одной темой, все они повествуют о попытках гимназистов к бегству в те чудесные страны, где не задают скучных уроков, где живут страшные львы, леопарды, крокодилы, за которыми так упоительно-сладко охотиться... Реком.

Старший возраст

* **Сказки Кота-Мурлыки.** Под редакцией Е. Тумской. Гиз. 1923. Стр. 302. Тираж 7.000.

Прекрасные сказки проф. петербургск. ун-та Вагнера не нуждаются в рекомендации. Комиссия только сверила издание Гиз'а с изданием наследников автора (СПБ. 1895 г., тип. М. М. Стасюлевича). В рецензированном издании выпущены предисловие и четыре сказки: Два Ивана; Гулли; Новый год; Два вечера. Почти все сказки сокращены; некоторые довольно значительно. В большинстве случаев сокращаются подробности, которые не являются необходимыми для развития фабулы; напр., в сказке «Клест» выпущено место, где говорится о сыне барыни — Феденьке; в сказке «Любовь великая» — описание светских развлечений Любы и ее матери. В сказке «Мила и Нолли» выпущена вся V глава, где говорится о том, что случилось с Нолли после того, как Лебедь унес Милу на Голубые Острова. Иногда заметна преднамеренность редактора; выпускаются выражения, в которых высказывается «слава» царю, упоминается о том, что действующие лица ходили на Соловки поклоняться преподобным, пели «канты» Пресвятой Богородице. Впрочем, таких сокращений сравнительно немного. В сказках «Старый горшок» и «Чудный мальчик» совершенно выпущен конец, который поясняет смысл сказок; повидимому, это сделано в виду трудности усвоения этих мест детьми. Выпущена IX-ая глава «сказки «Мила и Нолли», в которой говорится о страданиях старого короля — отца Милы. Сокращения составляют приблизительно от $^1/_4$ до $^1/_3$ текста. Реком.

Съезды и конференции.

Первый русский зарубежный съезд по внешкольному образованию. Съезд, организованный Пед. Бюро по делам низшей и средней школы за границей, состоялся в Праге и продолжался три дня. Открылся съезд в воскресенье, 1 июля, в 10 ч. утра, в большой аудитории Славянского семинария Карлова ун. Председатель Бюро проф. В. В. Зеньковский в кратком вступительном слове отметил, что в ближайшем будущем на развитие русского зарубежного школьного образования расчитывать не приходится, и поэтому всю энергию необходимо направить на укрепление и расширение дела внешкольного образования среди русской эмиграции. Съезду предстоит наметить план внешкольной просветительной работы, выяснить ее перспективы.

В президиум съезда были избраны: председателем съезда Д. М. Одинец (делегат от парижского пар. ун-та), тов. председателя А. В Жекулина и гр. С. В. Панина (Прага), секретарем съезда — В. С. Грабовый, членами президиума — А. В. Арцишевский (Болгария), Е. П. Ковалевский (Париж), проф. А. В. Маклецов (Югославия), В. В Руднев (Париж), В. В. Светозаров (Чехословакия), проф. Д. М. Сокольцов (Польша), Е. М. Тихоницкий (Латвия).

По избрании президиума были оглашены приветствия от имени пражского гор. головы д-ра Баксы, председателя национального совета Чехословакии депутата А. Прокупека, ректора Карлова ун-та проф. Нидерле; от имени болгарского министерства нар. просв. Съезд приветствовал проф. К. И. Иванов, от имени русского национального объединения в Польше проф. Д. М. Сокольцов. В виду крайнего недостатка времени приветствий многочисленных делегаций постановлено было не оглашать.

Первый доклад был прочитан Д. М. Одинцом на тему: «О внешкольной работе в эмиграции», который указал на важность этой работы в эмигрантских условиях и очень подробно говорил о вопросах внешкольного образования детей русской эмиграции, отметив настоятельную необходимость знакомить русских детей с Россией. Подчеркнув, что русские дети давно оторваны от родной почвы, что многие из них никогда не видели родины, докладчик говорил, что русские дети заграницей разучиваются чтать русские книги, которые для них стали чужими книгами. На юге Франции русские дети не понимают, что такое «зима», «снег», «изба», для них мало понятен быт русского народа... В докладе общими чертами намечена была довольно развитая система организации внешкольной работы с детьми, которая, к сожалению, не была проработана съездом.

Второй доклад в первом заседании съезда — «О внешкольной религиозной работе среди молодежи» был прочитан проф. В. В. Зеньковским. В докладе развивались мысли, которые почтенный деятель давно уже проводит, работая в христианском студенческом движении; изложение основных его положений «Русск. Школа» уже давала (см. в книжке 26-й отчет о религ.-пед. совещании в Париже). В органической связи с этим докладом находилось сообщение С. С. Шидловской, говорившей о религиозной работе в кружках русской молодежи в Париже. Прения, развернувшиеся по докладу В. В. Зеньковского и сообщению С. С. Шидловской, заняли бо́льшую часть вечернего заседания и велись в очень горячем тоне. Принципиальных противников работы по внешкольному религиозному воспитанию на съезде не обнаружилось; некоторые члены съезда высказывали лишь опасения, что светские руководители кружков могут сообщить делу не совсем правильное направление; один оппонент заявляя, что его смущает то обстоятельство, что христианское движение, ведущее работу в кружках русских детей, находится в материальной зависимости от иностранцев; он отмечал, что некоторые педагоги и родители с известным недоверием относятся к работе, которая идет путями, отличными от старых путей духовно-нравственного развития детей, осуществлявшегося в школе на уроках Закона Божия. Пожалуй, все высказавшиеся в прениях согласно отмечали, что наша зару-

бежная молодежь очень интересуется религиозными вопросами, ищет Бога, охотно посещает христианские кружки, клубы, собрания; некоторые попутно подчеркивали, что в рядах прежних, до-революционных, политических организаций молодежи нет, она в эти ряды не становится, подчеркивая тем самым некоторое идеологическое свое расхождение с «отцами», в массе безразлично относившимися к религиозным проблемам. Не было недостатка и в голосах, напоминавших о необходимости тщательного изучения молодого, в сущности, движения, для того, чтобы иметь возможность правильно оценить его педагогическую сущность, определить отношение к нему православной русской зарубежной церкви, раздираемой внутренним, очень глубоким, расколом. — Печатаемая ниже резолюция, принятая съездом в последнем заседании, в некотором отношении подводит итоги продолжительному обмену мнений, который мы попытались здесь кратко изложить.

Доклада А. В. Арцишевского на тему: «Характеристика школьной молодежи» многие ожидали с известным нетерпением; к сожалению, доклад содержал лишь данные о письменных работах по русскому языку учеников русск. бежен. гимн. в Болгарии, державших испытания на аттестат зрелости. Почему доклад этот нужно было читать на внешк. съезде — решить довольно трудно.

Тезисы доклада проф. Н. М. Могилянского: «О роли и задачах нар. ун-тов в эмиграции» — подчеркивали, что нар. ун-ты возникли на почве стремления широких масс населения к просвещению; что они и в эмиграции сохранили культурную традицию прежних русских учреждений этого типа. Докладчик заявил, что деятели нар. ун-тов продолжают каждый в своей среде научную работу, о которой часто можно судить еще до появления её в печати по тем. лекциям и докладам, которые читаются в организованных при нар. ун-тах ученых об-вах, кружках и семинариях. Доклад встретил некоторые возражения и был передан в спец. секцию.

В течение второго дня и первой половины третьего, последнего, дня, съезд заслушал ряд докладов, подробно реферировать которые, по недостатку места, не представляется возможным. Необходимо только отметить, что доклад С. П. Карасева «О деятельности русской политехнической школы заочного преподавания при УМСА» выгодно отличался деловитостью, отчетливостью и ясностью мысли и дал очень интересные сведения о постановке нового, в русских условиях, вида внешкольной работы в эмиграции. Редакция рассчитывает в одной из ближайших книжек «Р. Ш.» более подробно ознакомить читателей с выводами докладчика. Может быть, не совсем полную, но яркую и основанную на анкетных данных картину состояния русских зарубежных библиотек дали доклады П. П. Милославского («Русские зарубежные библиотеки») и Л. А. Крезе («Русские библиотеки в Праге»). Содержательным и полным практического интереса явился доклад Н. А. Парманина: «Роль кинематографа в шк. и внешк. образовании»; в след. книге «Р. Ш.» будет напечатана статья г. Парманина, в которой подробно излагаются тезисы указанного доклада. Проф. А. В. Маклецов («Опыт Русской Матицы в деле внешкольного образования») ознакомил съезд с организацией Русской Матицы в Югославии, которая интересна, как первый опыт образования русского культ.-просв. центра, существующего исключительно на собственные средства: Доклад кн. П. Д. Долгорукова: «Занятия русскими предметами с детьми, находящимися в иностранных школах» развивал мысли о борьбе с денационализацией русских детей; в прениях, развернувшихся по докладу, следует отметить выступление А. Л. Бема, который совершенно резонно полагает, что в денационализации русских детей прежде всего повинны русские матери и отцы: никогда ребенок родителей, имеющих волю остаться русскими, не станет иностранцем. Интересный, но весьма спорный доклад прочел Е. А. Елачич на тему: «Доступное и недоступное для внешкольного морального просвещения». Тезисы его полемизировали с основным содержанием доклада проф. В. В. Зеньковского, прочитанного в первый день съезда. Чрезвычайно интересны были сообщения с мест, которые делались практическими работниками. Отодвинутые, к сожалению, на последний день, сообщения эти комкались, сокраща-

лись, почему не могли дать отчетливого представления ни о размерах, ни о приемах, ни о возможностях внешкольной работы среди широких масс русского беженства. Весьма утешительные результаты имеет внешкольная работа среди русского меньшинственного населения в лимитрофах. Особенно хорошо поставлена она в Латвии (докладчик Е. М. Тихоницкий, член латвийского парламента от русского населения), хорошо в Эстонии (докладчик М. И. Соболев); налаживается эта работа и в Литве, где русское население особенно в ней нуждается (см. в этой книге «Р. Ш.» статью А. И. Тыминского «Русская школа в Литве»); в одной из ближайших книжек нашего журнала пойдет статья Е. М. Тихоницкого «О внешкольном образов. русск. населения Литвы». — Несколько специальный характер носили доклады: В. С. Грабового: «Система сокольской работы» и А. Т. Павлова: «Юношеское движение, его виды и формы».

На съезде работали две секции — нар. ун. и библиотечная. Работа первой хорошо определяется принятыми в заключительном заседании пленума съезда резолюциями (см. ниже). В библиотечной секции прочитано было свыше десяти докладов, из которых очень многие имели несомненный интерес для внешкольников: «Справочный отдел в русской зарубежной библиотеке, его задача и организация» (граф. С. В. Панина); «Десятичная система классификации в применении к русским заруб. библиотекам» (Н. А. Зурова); «Больные вопросы в жизни русской заруб. биб-ки: статистика, борьба с «зачитыванием» книг, меры охранения кн. инвентаря и т. д.» (Л. А. Крезе); «Объединение русских заруб. биб-к» (П. П. Милославский); «Русские библиотеки-архивы; собирание и хранение «россики» (С. П. Постников). Блестящий по форме, но несколько парадоксальный доклад, касавшийся общих вопросов детского чтения, прочел в этой секции Е. А. Елачич.

Несколько слов об организации съезда. Очень много случайных, повидимому, наспех составленных докладов со слишком общим и расплывчатым содержанием. Сравнительно мало практических, деловых сообщений. И почти предельная перегруженность съезда докладами и сообщениями, что, в свою очередь, вызывало лихорадочную спешку в работах съезда, быстрое утомление его членов. Съезд, повидимому, был недостаточно подготовлен, программа его была недостаточно выработана. Менее всех, повидимому, удовлетворены съездом практич. работники; они заявляли, что все дни были так заполнены обязательной работой в пленуме и секционных заседаниях, что почти не оставалось времени для взаимного общения, которое обычно так ценят люди, вынужденные почти все время работать в одиночестве.

Хозяйственная часть была поставлена на съезде образцово; приезжие делегаты размещались очень удобно; кормились вполне удовлетворительно.

Приводим резолюции, принятые съездом.

1) Съезд признает, что в условиях современной русской зарубежной жизни внешк. образ. русской молодежи имеет первостепенное значение. Не ставя целью замену образования в семье и школе, внешк. образ. должно, с одной стороны, итти им на помощь, с другой — во многих областях, в частности в борьбе с денационализацией, выполнять самостоятельную роль.

2) Съезд полагает, что самым совершенным средством духовной помощи русской молодежи является взаимодействие семьи, школы и внешк. просвет. учреждений. Поэтому Съезд призывает русскую семью, школу, общественное мнение и печать к возможно более энергичной поддержке идеи внешк. образования.

3) В виду угрожающих размеров, которые начинает принимать денационализация русских детей за рубежом, надлежит использовать все доступные средства и прежде всего русскую печать для убеждения русской семьи и вообще всех русских людей за рубежом в необходимости охраны подрастающего поколения от забвения родной культуры. Первой заботой в этом отношении должна быть борьба за чистоту русской речи. В частности могучим средством для охранения молодежи от денационализации съезд считает все виды внешк. русского образ. (по докладу кн. П. Долгорукого).

4) Съезд считает в высокой сте-

пени желательным, особенно для русских детей, учащихся в иностранных уч. завед., все возможные формы внешк. занятий, при чем занятия, ведущиеся вне уч. завед., должны применять методы, приближающиеся к внешк. обучению.

5) Съезд признает особенно желательным учреждение для всех без исключения русских детей: а) дет. садов; б) домов молодежи и клубов; в) юношеских организаций, литерат., историч. и спорт. кружков; г) дет. колоний, спорт. кружков и экскурсий; д) устройство дет. библиотек, а также постоянных и передвижных библиотек. Вместе с тем Съезд считает, что русская книга, как одно из наиболее распространенных и доступных средств внешкольного образования, должна быть приближена к духовному уровню детей с помощью худож. чтения, инсценировки худож. отрывков и попутного ознакомления с русским бытом.

6) Заслушав доклады о внешк. религиозной работе, съезд приветствует эту работу в уверенности, что она, являясь одной из форм внешк. занятий, поможет подросткам и молодежи в их духовных исканиях.

7) Признавая ценность работы с молодежью, как она ведется в сокольских организациях или в формах работы русск. христ. студ. движ., Съезд считает существенным, чтобы она была поставлена в соответствие с современными пед. требованиями (по докл. В. С. Грабового).

8) В виду большой распыленности в некоторых странах русского беженства, где не только невозможно устроить русск. уч. завед., но и осуществить обычные формы внешк. образ., особенно важно приблизить к читателю русскую книгу. В этом отношении особого внимания и подражания заслуживает деятельность Русской Матицы в Любляне (Королевство СХС), большая часть библиотеки которой рассылается по почте рассеянным по глухим местам русским беженцам (по докл. проф. А. В. Маклецова).

9) В общей системе самостоятельных работ, содействующих в широкой мере внешк. образ., съезд придает большое значение работе краеведения, понимая под этим подробное и всестороннее изучение округа (территории) в отношениях: 1) естественно-историч., 2) историко-археологич., 3) этнографич. и 4) социологическом.

10) Заслушав доклад Н. А. Парманина о роли кинематографа в школьном и внешкольном образовании, Съезд, примыкая к основным выводам докладчика, считает, что: а) К. обязательно должен применяться в шк. и внешк. образ. в виду его огромного культ. значения; б) необходимо практич. разработка этого вопроса и в частности методич. правил применения к. в различных учреждениях внешк. образов.; в) необходима организация производства русских фильм в целях борьбы с денационализацией русских детей и знакомства с Россией, как в ее прошлом, так и в настоящем; г) необходимо образование спец. кинематографич. секции на будущем съезде по внешк. образ.

Библиотечная секция выработала след. постановления, утвержден. пленумом съезда:

1) Секция высказывается за крайнюю желательность создания Объединения русских библиотечных и книж. работников за рубежом для согласования работ библиотек и взаимопомощи библ. работников. До создания такого авторитетного объединения, секция признает желательным образование временно Пед. Бюро центр. библ. комиссии для учета и содействия библ. делу за рубежом.

2) Присоединяясь к тезисам док. Л. А. Крезе: «Больные вопросы в жизни русск. заруб. библиотек», секция особенно поддерживает обязательность для библиотек в их деятельности руководствоваться принципом аполитичности, а пополнение отдела беллетристики производить по признаку худож. ценности.

3) Принимая во внимание особые бытовые условия жизни русских за рубежом, секция считает необходимым приложить возможные усилия к сохранению существующих при зарубежных библиотеках читален и организации их там, где их нет (по докл. В. И. Пшиходского).

4) Секция признает желательным образование в русских эмигрантских библиотеках справочных отделов, призванных обслуживать как запросы чисто научного и библиографич. характера, так и отвечать по возможности на все деловые вопросы, связанные с жизнью и деятельностью каждого обращающегося с соответствую-

щим запросом в библиотеку (по докл. С. В. Паниной).

5) Секция высказывает пожелание, чтобы в каждой стране русские местные библиотеки, по соглашению между собой, выбрали одну из библиотек для учреждения архивного отдела, котор. должен собирать и хранить след. материалы: а) все печ. издания, выходящие в данной стране на русском яз. (книги, журналы, газеты, листовки, плакаты и т. п.); желательно собирать издания, начиная с 1918 г.; б) книги на местных языках, касающиеся России (Россика); в) вырезки из местных газет, касающиеся России, русской эмиграции и русских меньшинств; г) фотографии и иллюстрации местной русской жизни; д) материалы архивных отделов должны храниться отдельно от общего фонда библиотек. Пользование ими должно быть обусловлено особыми правилами.

6) Признавая чрезвычайную роль детской книги в условиях жизни ребенка вне родины, секция обращает внимание: а) семьи — на необходимость чтения с детьми вслух классич. образцов дет. литературы; б) школы — на необходимость усиления внимания к постановке шк. библ. работы, имеющей в настоящих условиях чрезвычайное значение; в) зарубежных библиотек — на необходимость организации и надлежащее пополнение дет. отделов. Одновременно секция высказывается за целесообразность там, где это возможно, образования особых дней или часов для обслуживания детей.

7) Для того, чтобы книга могла осуществить свою огромную воспитательную и образовательную роль, необходимо научить и приучить детей должным образом читать и пользоваться книгой.

Для осуществления этого первенствующее значение имеет приучение детей к вдумчивому и серьезному чтению. Наравне с этим надлежит всемерно бороться против вредной привычки детей поверхностно и чрезмерно быстро читать книги. Детей надлежит всячески ограждать от чтения не только вредных книг, но и книг, не имеющих никакой худож., образоват. или воспит. ценности, и тщательно выбирать для чтения только самые лучшие книги.

8) Секция обращается с просьбой ко всем русским читателям, кому дорога русская, культура и русская книга, охранять собранные книжные богатства на чужбине путем бережного отношения к книге и помощи библиотекам в их мероприятиях в борьбе с так наз. зачитыванием книг.

Секция нар. ун-тов вынесла след. постановления, принятые пленумом съезда:

А. Русские нар. ун-ты и соответ. им учреждения д. б. возможно более гибкими, в виду разнообразия и лежащих на них задач и условий работы на местах. Наряду с др. формами просв. работы желательно возможно широкое сообщение общих и проф. знаний. Организация таких курсов и занятий должна итти навстречу возникающим среди эмиграции новым духовным запросам и жизненным потребностям. Работа эта должна развиваться в тесном общении с широкими кругами эмигрантской общественности.

Б. Как одну из новых задач секция признает чрезвычайно желательным развитие при нар. ун-тах агрономич. секций, направленных к обслуживанию эмигрантов-земледельцев, в форме чтения лекций, эпизодич. курсов, устройства курсов заочного обучения и т. д. Секция признает желательным и своевременным организацию подсекции с.-хоз. образ. при пражском Пед. Бюро, как постоянной организации, а также

В. образование при нар. ун-тах подвижных пед. музеев, собирающих и хранящих все материалы, которые могут иметь значение для внешк. образ. и могущих обслуживать не только нар. ун-ты, но и вообще все шк. и внешк. учрежд.

Г. Заочное обучение, проводимое ныне, имеет все положительные данные для дальнейшего и широкого развития, но при непременном условии нормальной постановки дела и при устранении какого бы то ни было спекулят. характера. Заочная система, не заменяя собою просвет. учреждений обычного шк. и внешк. типа, основанных на непосредственном и живом общении руководителя с учащимися, тем не менее представляет собою необходимую и реальную ветвь пед. работы, способную существовать параллельно, связано или независимо от школ академич. типа. Заочная

школа заслуживает полного признания и достойного места в общей пед. работе по внешк. образ. и вместе с тем всемерной поддержки со стороны русских ученых, академич. и проф. организаций.

Д. Секция считает желательным учреждение в Праге Центр. Информац. Органа для осведомления о деятельности всех зарубежных русских нар. ун-тов. Осуществление этой задачи необходимо поручить совету русского нар. ун-та в Праге и Пед. Бюро.

Е. Секция признает желательным в целях правильного осведомления иностранцев о России прошлой и настоящей, ее жизни, ее запросов и потребностей и укрепления культ. связей русского народа с другими нациями — организовать лекции и доклады не только на русском яз., но и на яз. того государства, на территории которого приходится работать.

Ж. Секция горячо приветствует мысль об образовании при нар. ун-тах кружков любителей русского языка в видах охраны чистоты русской речи.

Все доклады и вопросы, касающиеся воспитания детей и молодежи, съезд постановил передать в Пед. Бюро в качестве материала для предположенного в будущем году специального съезда по воспитанию русских зарубежных детей, созыв которого признан совершенно необходимым. **Н. Н.**

= **Съезд русских учителей в Печорах.** Съезд состоялся в конце мая в помещении 1-го печорского городского училища. Собралось около 100 учащих, прибывших даже из самых дальних медвежьих уголков уезда. Присутствовал школьный советник Гринберг, также много посторонней публики: тут и учителя местной гимназии, учащие эст. школ, члены местных органов самоуправлений и просто частные лица. После открытия собрания краткое приветствие от имени министерства нар. просвещения произнес С. М. Шиллинг, а от русской фракции — В. Г. Григорьев. В президиум съезда единогласно были избраны: председателем А. И. Макаровский, тов. предс. — Н. И. Левченко и секретарями А. Т. Селюгина и Н. А. Полонский.

Деловая работа началась докладом Д. М. Суйгусара на тему: «Загадка души Некрасова». Докладчик сразу овладел аудиторией, которая с громадным интересом выслушала доклад. Весьма ценное и интересное сообщение сделал Ю. Д. Новоселов: «Новые методы и практические работы по родиноведению и начальному курсу географии». Лектор в очень простой и живой форме ознакомил слушателей с основными положениями комплексного метода, метода краеведения и Дальтон-плана, как самого последнего и новейшего течения в педагогике и методике. В высказываемых положениях Ю. Д. Новоселов опирался на работы проф. С. И. Гессена. Целый ряд полезных и новых сведений получили слушатели из области практических работ по родиноведению и географии. В связи с этим здесь же демонстрировались образцовые работы учащих и учащихся, а также весьма интересные приборы по ручному труду. (система Пильсатнека).

С большим вниманием был выслушан очень остроумный доклад приехавшего из Риги проф. Синайского: «Зачем и почему надо собирать сказки, загадки, пословицы и т. п. и как это надо делать».

Из других докладов, вошедших в повестку съезда, особенного внимания заслуживает доклад А. К. Янсона на тему: «Внешкольная работа с учащимися и подростками», и сообщение А. П. Узай: «Воспитание и обучение в американских школах». О положении русских меньшинств в лимитрофах говорил депутат государствен. собрания от русского меньшинства проф. М. И. Курчинский.

На состоявшемся затем общем собрании членов союза, между прочим, выяснилось, что летние курсы по эст. языку, гимнастике и рисованию состоятся в Печорах с 9 июля и продолжатся 5 недель.

В заключение состоялось чествование юбиляров Е. Орловой, Н. И. Левченко и И. Матвеева, которым были преподнесены подарки. Чествование закончилось товарищеским ужином, на котором присутствовали все участники Съезда.

= **Съезд учителей балтийских государств в Ревеле.** Съезд открылся 28 июня в большой зале 21-го начального училища; собралось около 400 учащих Эстонии, Латвии и Литвы.

На открытие прибыли министр нар. просв. Мытус, ревельский гор. голова Уэссон, латвийский посланник Сэскис, литовский посланник Аукштолис и другие почетные гости. Конгресс был открыт речью председателя эстонского центрального учительского съезда Мартинсона. После его речи конгресс от имени Эстонии приветствовал министр просвещ. Мытус. От имени латвийского учительского союза приветствие съезду произнес депутат сейма Декенс, указавший, что как географическое положение, так и историческое развитие Эстонии, Латвии и Литвы диктует необходимость тесного объединения учительства этих трех стран. Затем следовали приветственные речи посланников Сэскиса и Аушколиса. Ревельский городской голова Уэссон отметил чрезвычайное значение учительских конгрессов, благотворно влияющих на народную душу. От имени русских организаций говорил русский национальный секретарь С. М. Шиллинг. Он отметил, что русская интеллигенция и русское учительство всегда были проникнуты демократическими идеалами и с уважением относились к другим национальностям. Оратор напомнил, что уже в 1905 году всероссийский учительский союз единодушно признал за всеми народами, населявшими Россию, право обучать своих детей на родном языке. Указав на то, что в окраинных государствах, в частности в Эстонии, русское меньшинство пользуется правом обучения на родном языке, национ. секретарь выразил уверенность, что государствам, вступившим на этот демократический путь, никогда не придется об этом пожалеть.

Деловая работа съезда началась докладом товарища председателя эстонского центрального учительского союза А. К. Янсона на тему: «Большие и малые государства и культурные задачи последних». (Минусы и плюсы больших и малых государственных образований; чем меньше публично-правовой коллектив, тем ценнее отд. индивид.; значение и роль учителя и работа всех культурных сил страны). Представитель латвийского учительства, депутат сейма Декенс прочел доклад: «Идеалы школьной политики балтийских государств», в котором развивается основной тезис — необходимость поднятия высоты общего культурного уровня народа путем установления единой школы I ст., с разветвлением ее на второй ступени применительно к требованиям жизни и дарованиям учащихся. Докладчик, между прочим, остановился на вопросе о том, почему в балтийских государствах не является обязательным предметом русский язык. «Мы тем самым уничтожаем возможность, — заявил он, — в далеком будущем взаимного понимания. Мы говорим сейчас на русском языке и понимаем друг друга, а как будет с нашими детьми? Ведь тогда станут невозможными наши конгрессы»...

Второй день работ съезда начался интересным докладом на тему: «Национальное воспитание и стремление к всеобщему миру», прочитанным Аудовым (Эстония). Указав, что национальное воспитание необходимо по многим очень важным причинам, докладчик резко подчеркнул, что проведение его требует обращения самого серьезного внимания на воспитание международной солидарности, выяснения значения её для человечества, без чего национальное воспитание неизбежно выродится в шовинизм и будет способствовать международным распрям. — Представитель Латвии Виттенберг сделал доклад «О международных учительских организациях». Небольшое сообщение о состоявшейся в 1925 г. в Локарно международной педагогической конференции предложил съезду представитель Латвии Зейверт.

По окончании докладов съезд принимает след. резолюции:

1) Признавая войну наибольшим злом, а потому высказываясь против всякой милитаризации школ, съезд призывает учителей Эстонии, Латвии и Литвы к активной борьбе против войны путем воспитания молодежи не для войны, а для мирного международно-коллективного культурноготворчества.

2) Учебно-воспитательное дело школы в балтийских государствах должно брать в основу принципы родиноведения, демократии и современности.

3) Единая школа требует для своего осуществления и для продуктивной работы объединения учителей в

единую организацию, а потому съезд считает необходимым вступление членов союза учителей балтийских государств в международное объединение учителей.

4) Ближайшими задачами союза учителей балтийских государств съезд считает: издание педагогического журнала на русском и немецком языках, устройство общих педагогических курсов и недель, выставок по вопросам школьного дела, учительских и ученических экскурсий и выяснение возможности введения в школах балтийских государств основательного изучения одного и того же иностранного языка.

5) Для достижения тесной совместной работы съезд признает необходимым постоянное и тесное общение учителей Эстонии, Латвии и Литвы и обещает взаимную поддержку к устранению препятствий в этой работе.

Съезд закончил свои занятия 29-го июня. Следующий съезд постановлено созвать в Ковно.

= **Районный съезд польского учит. союза.** В начале июня в Вильне состоялся шестой делегатский съезд союза польских учителей народных (powszechn.) школ виленского и новогрудского воеводств. Съезд происходил в одной из зал виленского ун-та. Из обоих воеводств прибыло на съезд 148 делегатов.

Съезд прошел очень оживленно, затронув много вопросов школьной и внешкольной жизни. В ряде рефератов эта жизнь была всесторонне освещена, причем были отмечены как светлые, так и темные стороны ее. Много внимания было уделено вопросу о «творческой школе», о целях ее и задачах. Большой реферат был также посвящен вопросу «о независимости школы», — вопросу, ставшему теперь актуальным в виду декрета президента республики о подчинении школьных властей административно-политическим властям. Докладчик очень подробно остановился на этом вопросе, привел много доказательств в пользу независимости школы, отстаивал эту независимость как ссылками на интерес самого школьного дела, так и теми требованиями, которые поставлены современной педагогической наукой школьным учителям в деле воспитания молодого поколения. Докладчик в конце своего реферата представил на утверждение съезда проект протеста против введения в жизнь названного выше декрета, ставящего школу в зависимость от административно-политической власти. Доклад этот вызвал оживленные прения. Большинство ораторов находило, что декрет может очень вредно повлиять на рост школьного дела и в то же время затруднить общественную работу учительского персонала. Некоторые указывали еще на опасность проникновения в школьную среду партийных начал, ссылаясь на то, что во многих случаях административно-политические власти находятся под влиянием тех или иных партийных групп и вот это влияние может просочиться и в самую школу. Школа должна стремиться только к одному: воспитать будущего полезного гражданина государства и уберечь его в периоде этого сформирования от всякой партийно-политической борьбы.

Отдельный доклад был посвящен вопросу о «материальном положении учителей начальных школ». Из доклада можно было вывести заключение, что народные учителя работают, как и встарь, в очень тяжелых жизненных условиях, в особенности же на так называемых «кресах».

Проблема национальных меньшинств специально на этом съезде затронута не была.

= **Съезд учительского немецкого союза.** Съезд состоялся в конце мая в Брауншвейге. В центре обсуждения стоял вопрос о реформе народной школы. Съезд прошел в атмосфере всеобщего удовлетворения, вызванного тем, что проект нового школьного закона не прошел. В вступительной речи председатель союза Георг Вольф подвел итоги школьной политике последних лет, результатом которой и явился проникнутый реакционным духом имперский школьный проект. Лозунг учительского союза — «проект не должен стать законом» — одержал победу, но противник еще не сражен, необходимо быть на стороже. Чтобы быть на высоте поставленных задач, нужно, прежде всего, повысить учительский уровень; в этом отношении уже сделано многое, современный учитель уже не тот, что был прежде. Далее необходимо сближение школы и семьи, нуж-

но работать над «педагогическим просвещением» родителей и общества.

Следующий доклад Гюнтера (Берлин) был посвящен вопросу о внутренней организации и расширении задач народной школы. Современная школа не отвечает своему назначению и не соответствует теперешнему состоянию культуры. Она внутренне бедна и отражает эпоху, требовавшую лишь передачи элементарных знаний. Нужно коренное внутреннее обновление школы, но на пути к нему стоят большие препятствия. Так, в ущерб народной школе, все увеличивается число и значение ремесленных и др. частных школ, дающих ученикам возможность легче найти работу, с другой стороны, школа нередко становится орудием в руках отдельных партий, тогда как она должна быть достоянием всего народа. Еще одно препятствие — недостаток финансовых средств, но в этом государство должно пойти навстречу, так как обновление народной школы — вопрос чрезвычайно важный и насущный.

Перед школой стоят три главных задачи: воспитание в учащихся самостоятельности, хозяйственности и возможно полное развитие духовных сил и индивидуальных способностей молодежи. Восьмилетняя школа недостаточна, — дети по окончании ее еще духовно и физически не вполне зрелы, нужна 9-ти- или 10-тилетняя школа. Современная усложнившаяся жизнь ставит больше, чем прежде, требований к школьной подготовке, — необходимо расширение ремесленного обучения и введение в программу одного из новых языков. Народная школа должна иметь собственный законченный курс, а не быть лишь подготовительной, переходной ступенью.

После заслушания этого доклада была принята резолюция, предложенная саксонским учительским союзом, в которой указывается, что для школ должны быть предоставлены гигиенически-безукоризненные здания; число учеников в классе должно быть значительно уменьшено (не больше 35 чел.). Особенное внимание следует обратить на улучшение сельской школы; 8-летняя начальная школа должна быть учреждена и в тех областях, где ее еще нет.

Л. Ч.

IV международный конгресс по вопросам культурного сотрудничества. Конгресс состоялся 20—23 октября 1927 г. в Гейдельберге и Франкфурте на Майне.

Тема всех докладов конгресса — «роль истории в сознании народов» — увлекла всех почти докладчиков в сферу философии истории и философии нации. Только французский докладчик проф. А. Тибодо и некоторые участники в прениях остановились на проблеме преподавания истории. Тибодо считает, что (во Франции) эпоха великих историков завершена (Сорелем). Современность требует обращения к будущему, а не к прошлому. Важнее критика прошлого, чем создание на его основе «сомнительной философии истории». Истолкование прошлого может быть только односторонним, — как во Франции: официальная школьная республиканская история осуждает «старый режим» и выводит все прекрасное и доброе из Революции, а «реакционные» историки (Бэнвиль) пытаются доказать, что величие Франции создано ее королями. В наши дни, после великой войны, уже нельзя так безусловно верить в ценность истории, как верили в нее наши отцы. Тибодо напоминает, что несколько лет тому назад французские народные учителя высказались за совершенное упразднение преподавания истории в народной школе.

К той же точке зрения приближались и речи итальянского (фашистского) делегата Бордеро, считавшего, что для народного самосознания гораздо важнее «исторический миф», чем исторические факты.

Отпор эта точка зрения нашла со стороны ряда немецких делегатов.

Но большинство докладов (нужно отметить еще доклады проф. Мендельсона-Бартольди: «Роль истории в сознании народов», проф. Галецкого (Польша), Альфреда Вебера, В. Гельпаха) и дискуссия по ним касались, главным образом, вопросов «политического воспитания» масс. Следует отметить, что социалисты были очень слабо представлены на съезде. Напротив, на этот раз приняли участие в съезде и отдельн. националистич.» группы, начиная от фашистов и кончая, напр., быв. гос. секретарем Кюльманом или австр. принцем Роганом. **Ч.**

Хроника.

0°. Организация, управление, финансы народн. просвещения. — 1° Программно-методическая работа. — 2° Социальное воспитание. — 3° Профессиональное образование. — 4° Политико-просветительная работа. — 5° Наука и техника. — 6° Художественное образование и воспитание; искусство. — 7° Издательская деятельность. — 8° Просвещение национальных меньшинств. — 9° Работники просвещения.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

0°. *О высшем технич. образовании.* Пленум центр. комитета коммунистич. партии принял 12 июля т. г. ряд весьма важных постановлений в вопросе о подготовке новых специалистов, о постановке учебной части высших техн. уч. зав., общественно-политич. воспитании студенчества, комплектовании втузов и техникумов и финансировании дела технич. образования. В «Комсом. Правде» № 161 (946) находим резолюцию по докладу Молотова, которая содержит указанные постановления. Вводная часть указ. резолюции дает такую характеристику высш. технич. образования. «Несмотря на ряд достижений, имеющихся в работе втузов, в целом дело подготовки специалистов следует признать в настоящее время неблагополучным. Система подготовки специалистов органически не увязана с промышленностью и не приспособлена к требованиям и темпу ее развития. В этой системе не обеспечено молодым специалистам усвоение новейших достижений нашей и иностранной науки и техники. Совершенно недостаточный наличный кадр преподавателей и профессоров нередко сам не стоит на уровне этих достижений. Технич. образ. в настоящее время оторвано от производства. Производственная практика поставлена неудовлетворительно. Громадным недостатком является чрезмерная продолжительность (6—8 лет) пребывания в высш. техн. уч. зав. и малочисленные выпуски оканчивающих втузы. Подготовка учащихся втузов по экономике соответств. отраслей промышленности, как правило, отсутствует. В отношении общественно-полит. воспитания новых кадров специалистов дело также обстоит неудовлетворительно. В отношении подготовки среднего техническ. персонала большинство из указанных выше недостатков проявляется еще острее. К тому же здесь в гораздо большей мере сказывается недостаточность учебной сети (техникумов)... Коренное улучшение дела подготовки новых кадров специалистов является неотложнейшей задачей не только наркомпроса, хоз. учреждений и т. д. Проф. союзы должны также коренным образом изменить свое отношение к этому делу, приняв самое активное участие в подготовке красных специалистов. Подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии».

В отношении подготовки новых специалистов резолюция требует: 1) в соответствии с перспективным планом развития увеличить вдвое удельный вес инженерно-техн. состава в крупной промышленности к концу пятилетия, обеспечив в дальнейшем удовлетворение бо́льших потребностей промышленности в след. пятилетии; 2) начать с 1928 г. организацию нескольких втузов нового типа, особенно для дефицитных специальностей, с доведением срока обучения в них до 3—4 лет; 3) расширить контингент и сеть техникумов с тем, чтобы к концу пятилетия соотношение между количеством инженеров и техников было не менее, как 2 : 3; 4) систематически проводить курс на значительное увеличение процента научно-подготовленных технич. сил среди занимающих инженерные должности и обеспечить расширение переподготовки практиков, особенно из рабочих; 5) приступить с 1928—29 т. г. к унификации систем технич. образования в СССР.

Учебная работа втузов организуется, судя по резолюции, в направлении усиления органической и постоянной связи втузов (и техникумов) с производством; в связи с этим, резолюция требует: а) прикрепить к главн. управлениям, директоратам, трестам и крупнейшим предприятиям соответ. втузы и техникумы с тем, чтобы хоз. органы вместе с проф. союзами оказыва-

ли решающее влияние на постановку обучения; б) поставить произ. практику, сроком не менее 10 мес., установив непрерывность работы практикантов на предприятии круглый год, возложив ответственность за руководство ею на соответ. хоз. органы по согласованию со втузами; в) систему стажерства заменить обязательным для хоз. органов размещением окончивших втузы и техникумы на постоянную работу; не допускать проведения экономии на предприятиях за счет уменьшения инж.-тех. персонала; г) использовать научно-исслед. ин-ты и лаборатории хоз. органов для уч. работы втузов и техникумов, а последние — для разработки технических заданий хоз. органов; д) поднять число командировок молодых специалистов за границу.

В целях подготовки специалистов, действительно стоящих на уровне новейших достижений науки и техники, обеспечивающих активное участие в проведении социалистической рационализации, резолюция предлагает: а) постепенно пересмотреть учебные планы и программы, при участии соответ. хоз. органов и проф. союзов; б) значительно расширить кадр преподавателей, целиком занятых научной и преподават. работой и систематически повышающих свою научн. квалификацию, обеспечив печатание их научн. трудов, заграничн. командировки и т. п.; в) в кратчайший срок расширить кадр аспирантов, коренным образом улучшив их подбор и руководство научн. работой, а также их материальные условия; г) для работающего в предприятиях кадра инженеров и техников расширить возможность повышения спец. квалификации и ознакомления с новейшими достижениями нашего и иностр. производства; д) привлечь к чтению лекций крупных иностранных специалистов и систематически издавать переводы основных иностр. пособий по технике; е) обновить и дополнить оборудование, удешевить учебники, а также поставить систематическое снабжение библиотек новейшей технич. литературой, в частности, за счет усиления ввоза оборудования и литературы из-за границы; ж) обеспечить дело развития научно-технич. журналов и издание научных трудов научно-исслед. ин-тов; з) сделать для студентов втузов обязательным знание, по крайней мере, одного из иностр. языков.

Заслуживают внимания след. пункты резолюции: 3) ограничить 5—6 годами пребывание во втузах с 4—5 летн. сроком обучения; 4) в качестве руководителей втузов должно выдвигать крупн. хоз.-коммунистов и активных в деле социалистич. строительства специалистов при обязательном освобождении их от всякого совместительства для работы во втузах; 5) в целях наибыстрейшей подготовки новых специалистов и накопления опыта по приспособлению технич. образования к интересам промышленности, передать 6 втузов и 5 техникумов в ведение ВСНХ и 2 втуза в ведение НКПС; обеспечить за проф. союзами активное участие в руководстве этими втузами, а за наркомпросом программно-методич. руководство; материальное положение всех втузов должно оставаться равным; профессора втузов, передаваемых в ВСНХ, назначаются по соглашению с Наркомпросом; 6) поддержать развитие таких нового типа втузов и техникумов, которые могут готовить в более сокращенный срок инженеров и техников с более резко выраженной специализацией и со значительной производственной практикой; 7) всемерно усиливая роль производственного обучения в общей подготовке специалистов, одновременно обеспечить дальнейшее повышение уровня их научно-теоретич. подготовки.

Комплектование втузов и техникумов резолюция обставляет такими условиями: 1) обеспечить дальнейшее повышение рабочего ядра во втузах и техникумах с тем, чтобы для 1928 г. рабочие составляли не менее 65% общего приема во втузы; для подготовки к поступлению во втузы рабочих и их детей организовать при втузах курсы; 2) в течение ближайших двух лет вовлечь в сеть рабфаков (дневных) сверх существующего контингента не менее 3.000 рабочих; значительно расширить сеть вечерних рабфаков с обеспечением в их составе минимального % рабочих с производств; 3) добиться, чтобы оканчива-

кщие школу II ст. были подготовлены для поступления в вузы; в рабочих районах приступить к развертыванию сети 7- и 9-леток (в УССР — проф. школ) с обеспечением улучшенных матер. условий для них и охватом этой сетью преимущественно детей рабочих; 4) **направить во втузы в этом году не менее 1.000 коммунистов**, прошедших серьезную школу партийной, советской или проф. работы, обеспечив для них материальные условия; эту меру практиковать ежегодно в течение ближайших лет.

2°. *Строительство школьных зданий.* В «Контр. цифрах нар. хоз. СССР на 1927—28 г.» (стр. 405) находим данные о расходах на строительство зданий для просветительных учреждений Сов. России за время с 1924—25 по 1926—27 г. Оказывается, что за указанные три года на эту первостепенную нужду израсходовано 105.705 тыс. черв. р., из коих на новые здания — около 38%, на капит. ремонт — около 62%. След. таблица дает представление об источниках средств на школьное строительство и погодном распределении кредитов (в тысячах руб.) на эту цель:

на средства:	1924-25	1925-26	1926-27
госуд. бюджета:			
всего	5.024	7.312	18.275
нов. здания ..	870	1.758	9.873
кап. ремонт ..	4.154	5.554	8.402
местн. бюджета:			
всего	11.891	23.768	30.268
нов. здания ..	1.300	5.952	12.946
кап. ремонт ..	10.591	17.816	17.322
ведомств:			
всего	1.937	3.989	3.219
нов. здания ..	1.915	2.430	2.670
кап. ремонт:..	22	1.559	549
по всем источникам:			
всего	18.852	35.091	51.762
нов. здания ..	4.085	10.145	25.489
кап. ремонт ..	14.767	24.946	26.273

Интересно, что за те же три года ассигновано по этим же источникам на все строительство зданий и сооружений в стране около 4.311 милл. черв. р., в том числе на новое строительство около 2.412 милл. (56%), на капитальный ремонт — около 1.787 милл. р. (41%). Т. о. доля просвет. учреждений составляет в общей сумме этих расходов менее 3%, в расходах же на ремонт несколько более 3%. Включая в расчет и сельское строительство, находим, что доля расходов на строительство просв. учреждений не достигает в общем расходе и 1,3%. «Третий фронт» — просвещение — не занял еще в плане строительства надлежащего места.

= *Школы-развалины.* Несмотря на декреты ЦИК СССР и ВУЦИК о том, что школьное строительство в рабочих районах является обязанностью хоз. органов, в артемовском округе (Украина) эти декреты до сих пор не проведены в жизнь. Школьный вопрос в округе попрежнему висит в воздухе. За десять лет не построено ни одной новой школы. Около 50% школьных помещений совершенно не приспособлены для занятий, — эти помещения ранее служили для жилья, служб и т. д. Занятия в школах проводятся в две, три, даже четыре смены, причем после последней смены школьные помещения зачастую занимают различные организации под собрания, заседания и пр. Школы сильно перегружены. Набитые до отказу, они охватывают лишь 77% детей шк. возраста; восьмилетних ребят охватывают только на 68%. Положение с каждым годом ухудшается; хоз. органы отлынивают от шк. строительства, не ремонтируют и старых школ. От ремонта хоз. органы открещиваются особенно «авторитетно», ибо в декретах ЦИК и ВУЦИК конкретно говорится только о новом строительстве, а ремонт лишь предполагается: стоя на букве закона, хоз. органы отказываются производить ремонт школ. Местный бюджет, который должен был уделить на шк. строительство (главным образом, в сельских местностях) в тек. году свыше 1.500.000 р., не дает ни одной копейки, вследствие наличия двухмиллионного дефицита за первое полугодие. В результате, если только не будут предприняты в центре какие-либо экстренные меры, тек. лето будет потеряно не только для нового строительства, но даже и для ремонта существующих школ-развалин. («Труд» 1928, № 144).

= *Разгром школы учениками.* Челябинская школа-семилетка производила выпуск учащихся последней группы. Вследствие того, что эта группа была составлена недавно, из малоуспевающих учеников других школ, учительский персонал часть группы задержал выпуском на один год и предложил родителям просле-

дить за занятиями своих детей в летний и осенний периоды. Узнав об оставлении на второй год, несколько учащихся импровизировали собрание якобы большинства учащихся школы и, горячо «обсудив» ряд вопросов, по-своему реагировали на решение руководителей школы. Возбужденная толпа учеников, в возрасте от 14 до 18 л., пробралась в помещение школы и стала громить ее. В короткий срок в щепы были разбиты стулья, умывальники, столы, парты; сорваны и уничтожены карты, диаграммы и стен. газеты; выбиты стекла, перерезаны провода и пр. Разгром сопровождался буйными выкриками и угрозами по адресу педагогов, шк. совета и ОНО. Прекратить разгром удалось с трудом. («Труд» 1928, № 2180).

= *Религиозные школы.* Декрет 23-го янв. 1918 г. запретил преподавание религии в школах. Согласно позднейшим постановлениям ВЦИК, затем разъяснениям наркомюста и наркомпроса, религиозное обучение детей до 18 лет не может производиться ни в школах, ни в храмах. Преподавание же «частным образом» отнюдь не должно носить характер правильно функционирующего учреждения. Несмотря на ясное указание сов. законов, все же до последнего времени существуют религиозные школы — прежде всего среди мусульманского населения (в Татреспублике, Узбекистане, Туркменистане и др.). Объясняется это, по словам «Труда», поднявшего (в который раз!) кампанию против вероисповедной школы, тем, что там недостаточно развернута была сеть совшкол, а, кроме того, немалую роль сыграла вся совокупность особых, местных условий. Ныне сов. школа достаточно уже себя зарекомендовала (!), а трудовые массы нац. республик имели достаточно времени и возможности убедиться в полной непригодности для них религиозных школ. Поэтому сейчас пора поставить вопрос о полном и повсеместном отделении школы от церкви... Надо в тех местах, где до сих пор существуют духовные школы, повести широкую пропаганду среди населения за привлечение его к активному закрытию религиозных школ и к активному участию в строительстве сов. школы[1]). Несколько особо стоит вопрос о так наз. высших богословских школах, где готовятся служители культа. Такие богословские школы имеются в Москве, Петербурге и на Украине. Их также терпят. Необходимо, требует коммунистическая газета, добиться того, чтобы религиозные пастыри не имели «овечек», тогда не будет желающих учиться в этих религиозных школах. Надо добиться массового отхода трудящихся от церкви, тогда нечего будет делать тем новым попам, которые выпускаются поповскими школами. («Труд» 1928, № 2.179).

= *Библиотеки при учебн. завед.* В «Трудах ЦСУ» (т. XVIII, в. 3, М. 1927) приведены след. данные о библиотеках уч. зав. СССР в 1925—26 уч. г.:

а) при школах соцвоса:

из числа обслед. школ	из числа обслед. шк. имеют б-ки:	дали свед. о числе книг:	в них книг:
школы I ст. . . .	51.54	49.609	13.011.844
,, 7-летка	3.740	3.432	4.585.610
,, II ст. ..	837	754	1.898.920
,, 9-летки	671	567	2.348.761
школы крест. молодежи ..	372	316	275.777
школы - коммуны, клубы, колонии	104	94	112.475
школы для дефективн. ...	128	115	67.323

б) при уч. зав. профобра:

техникумы	833	751	3.661.191
профшколы .. .	739	656	1.027.229
школы раб. подростков и ФЗУ	602	545	517.416
профкурсы	272	228	183.733
учебн. мастерские	100	90	50.999
вузы и учр. высшего типа ..	144	140	9.936.541

4⁰. «*Груз неграмотности*». Доклад председателя ВЧК по ликвид. неграмотности, сделанный на VII-й всероссийской конференции ликбезов, со всей наглядностью выявил не только недочеты работы ликбезов, но и объективные препятствия, приведшие к факту стабилизации неграмотности. «За последний год почти повсеместно были снижены бюджетн. ассигнования на ликвидац. неграм., как в процент. отношении к бюджетам отделов нар.

[1]) В связи с этим интересно отметить, что весной тек. года всеукраинский съезд православного духовенства вынес постановление — «просить советскую власть ввести религиозное обучение в школах».

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 611 - 630

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

образ., так даже и в абсолютных цифрах. В результате — снижение контингентов, обучающихся даже в таких областях, как Сев. Кавказ и Петербургская обл.!.. Что особенно скверно, так это слабый охват ликбезами батраков, допризывников, сезонников и деревенской бедноты. По-прежнему отстает ликвид. неграм. среди женщин и нац. меньшинств, важность работы с которыми как будто бы для всех стала очевидной. Причины не только в сокращении «ассигнований». Основная причина — в ослаблении общественного внимания к делу ликвидации неграмотности. Основная причина в том, что и проф. союзы, и комсомол, и кооперация, и ряд других общественных организаций поставили работу по ликбезу на самый задний план. Векселей все эти организации навыдавали чорт знает сколько, но к платежам далеко не всюду даже приступили!.. Кто не помнит торжественного заседания в Москве, в Большом театре, когда съезд комсомола выкинул прекрасный лозунг о борьбе с неграмотностью?! С тех пор прошло месяца полтора, но о реализации этого лозунга на местах что-то еще ничего не слышно!.. В равной мере это относится и к проф. союзам... На лицо определенное увлечение «высшими формами культработы» — и полное игнорирование основной работы, без которой смешно говорить о каких-то «высших формах». Наконец, и кооперация заняла по отношению к ликбезу довольно туманную позицию. Она намерена ликвидировать неграмотность «своими средствиями», и при том «только среди пайщиков». Итак, бедняцкие слои, менее других втянутые в кооперацию, по этой «схеме» не могут даже расчитывать на помощь кооперации. И, и что уже совсем скверно, центральные органы кооперации доселе не хотят сказать, какой же % от прибылей они ассигновывают на ликбез... Маленький, но характерный факт. В Карелии желтозерский волисполком деньги, отпущенные по бюджету на ликвид. неграм., израсходвал... на фураж для милицейской лошади! Довольно ледащенькая савраска мирно скушала овса и сена на триста рублей, даже не подозревая, что ее, неразумную тварь, предпочли сорока человекам, которые ожидали, что на эти деньги их обучат грамоте... А вот, напр., «фокус», случившийся на Дону. В 1920 г. там было неграмотных 110 тыс. человек. За 7 лет ликвидировна неграмотность у 60-ти тысяч. Остается ликвидировать у... ста тридцати тысяч человек!.. Это даже не стабилизация неграмотности. Это нечто худшее... А областные цифры? На одном Сев. Кавказе свыше миллиона неграмотных. В Сибири с Далькраем — около полутора миллионов. В Поволжьи столько же, На Урале (металлургия!!) чуть-ли не девятьсот тысяч. И даже в культурной петербургской области — около трехсот тысяч. А ведь счет идет не каким-нибудь древним старичкам и старушкам. В самом цветущем возрасте — в возрасте от 16 до 34 лет — в РСФСР мы имеем почти девять миллионов совершенно неграмотных граждан. Конечно, «пользу» грамоты теперь «понимает» каждый. Но вот этот страшный 9-тимиллионный груз, который тянет СССР во всех областях жизни и строительства, — груз, от которого, если не все, то очень многие «качества», — он далеко не осознан нами, и толкуя на митингах о «культурной революции», вики, рики и окрики со спокойной душой переводят жалкие ликбезовские кредиты на тот или иной «овес». — В речах делегатов с мест на конференции определенно звучали нотки горечи: у них нет уверенности, что резолюции будут осуществлены, а не останутся на бумаге. Они опасаются, что «лошадиная психология» в той или иной мере возобладает на местах. («Правда» № 3971).

= *Библиотеки СССР.* Общее число библиотек СССР, обследованных на 1 дек. 1925 г., — 16.922, из них городских — 5.190, сельских — 11.732. По типам они распределялись так: центр. — 597 (3,53%), район. — 845 (4,99), при клубах и др. учр. — 7.636 (45,37), сельских и при избах-чит. — 7.677 (45,12), детских — 167 (0,99). Обследованием 1925—26 г. («Труды ЦСУ», т. XVIII, в. 3, М. 1927) была предпринята попытка изучения библиотечных книг по языкам; первую попытку нельзя считать удачной, так как на местах еще не ведется точной регистрации книг по яз. составу. Тем не менее полученные обследованием данные, как первый и единственный материал, характеризующий библиотеки со стороны языка книг,

заслуживают внимания. В обследованных 16.922 библиотеках на 1 дек. 1925 г. насчитывалось 39.614.805, распределенных по языкам, книг; из них на русском яз. — 36.575.281 (92,4%), на прочих яз. 3.039.524 (7,6). Распределяется эта последняя «иноязычная» часть фонда библиотек СССР по языкам так: украинск. — 1.167.607 (2,9), татарск. — 288.789 (0,7), немецк. — 280.463 (0,7), франц. — 227.403 (0,5), еврейск. — 213.286 (0,5), армянск. — 178.109 (0,4), польск. — 160.719 (0,4), грузинск. — 102.861 (0,3), тюркск. — 99.635 (0,2), английск. — 63.282 (0,15), арабск. — 47.631 (0,12), узбекск. — 34.983 (0,09), вотском — 24.742 (0,06), белорусском — 22.596 (0,06), чувашск. — 21.960 (0,05), казакск. — 17.356 (0,04), башкирск. — 11.134 (0,03), марийск. — 8.561, латышском — 7.815, финском — 7.475, мордовск. — 4.725, зырянском — 3.883, итальянск. — 1.881, киргизском — 1.958, туркмен. — 1.213, китайск. — 545, калмыцком — 214, прочих — 38.698 (0,9). Бедность библиотек в отношении книжн. запасов на яз. народностей СССР резко бьет в глаза: на всех языках, кроме русского, имеется только 7,6% книг. Исключив отсюда книги на языках: англ., франц., итальянском, немецк., этот % понизится до 6,1. — 10.814 б-к имеют книги на одном языке, 4.314 — на двух, 504 — на трех и более яз. Книги на русском яз. имеют 14.771 б-ка, на украинск. — 4.022, на белорусск. — 172, польск. — 131, латышск. — 9, немецк. — 52, грузинск. — 165, тюркск. — 91, армянск. — 230, еврейск. — 356, арабск. — 1, финск. — 31, вотск. — 47, марийск. — 33, мордовск. — 41, зырян. — 83, чувашск. — 96, татарск. — 505, башкирск. — 43, киргизск. — 21, казакск. — 47, узбекском — 48, туркменск. — 11, калмыцк. — 4, прочих — 103.

7⁰. *Церковная печать.* В «Труде» (№ 143, от 22 июня 1928) некий С. К. Колманов, из Харькова, спрашивает: «Почему в советской стране допускают существование церковных журналов? Не пора ли прекратить этот церковный агитпроп?» На такой прямой вопрос редакция дает след. ответ: «Действительно, у нас церковных журналов слишком много расплодилось: в РСФСР и на Украине издается 25 журналов, с тиражем до 100 тыс. экземпляров. Через эту поповскую литературу распространяются в массах самое дикое невежество, вреднейшие идеи. Наряду с ненаучными сказками о чудесах в церковн. журналах часто за туманными словами видны определенные контрреволюционные призывы, жалобы на «наш век», и т. д. Следовательно, можно сказать, что вся церк. печать — вредная для дела рабочего класса печать так-же, как вся церковь в целом (и христианская, и иудейская, и мусульманская, и др.) является оплотом кнтр-революц. элементов... Но потому, что церковь — это такого рода контрреволюционная организация, где не все принадлежащие к ней понимают, что они принадлежат к вредной для трудящихся организации, приходится церковь и некоторые ее побочные учреждения терпеть, приходится бороться с ней иными методами, чем мы боремся с другими, явно контрреволюционными организациями, — прежде всего методами агитации и пропаганды. Если бы сов. власть закрывала церкви, то она восстановила бы против себя и тех верующих, которые готовы голову сложить за сов. власть, ибо они не поняли бы этих действий. Нужно, чтобы церкви и синагоги закрывались, только не административными мероприятиями, а голосами самих трудящихся. Нужно добиваться, чтобы они это поняли. Нужно, чтобы церк. приходы не имели людей, не имели верующих, тогда некому будет пользоваться заданиями молитвенных домов, и их можно будет получить для использования под более полезные учреждени. Нужно добиваться изгнания церковников из рабочих районов, широкой агитацией приостанавливать кое-где идущее церковное строительство. А если мы допускаем существование церкви, то приходится допускать и существование церковных журналов, церковной печати. Нужно, однако, чтобы органы Главлита, обязанные следить за всеми печатн. произведениями, выходящими на территории СССР, внимательно следили за церковной печатью. Недопустимым является то обстоятельство, что пропускается зачастую в церк. журналах явная контрревол. пропаганда. Позволить поповщине печатать все без разбору, вплоть до открытых контррев. статей, погромных статей. — это слишкем большая роскошь.

9°. *Ученые в СССР.* Большинство ученых (научных работников, по сов. терминологии) СССР объединено в «секции научных работников» профессионального Союза работников просвещения СССР. Центральное Бюро секции опубликовало в № 5—6 журнала «Научн. Работник» последние статистические данные как об ученых, состоящих членами секции, так и не входящих в ее состав. — На 1 октября 1927 года зарегистрированных ученых в СССР насчитывалось 23.061 чел.; из них 14.822 (64,2%) входили в состав Секции научных работников, а 8.230 (35,8%) оставались вне Секции, состоя на особом учете. В число ученых включены 905 деятелей искусства (артисты, писатели, композиторы, художники и т. д.). Из 23.061 ученого проживают: в РСФСР — 17.000 (73,7%); в УССР — 4.481 (19,4%); в БССР 466 (2%); в Закавказских республиках — 689 (3,0%) и Узбекистане — 425 (1,9%).

Если рассматривать данные о территориальном распределении ученых на 1 окт. 1927 г. отдельно для членов Секции и ученых, находящихся вне ее, то получаются совершенно различные соотношения в пределах каждой из этих групп по отдельным частям СССР:

	Члены Секции	в %%	Ученые, взятые на особ. учет	в %%
Всего по СССР..	14.822	100	8.239	100
из них:				
РСФСР	9.869	66,5	7.131	86,5
УССР	3.553	24,1	928	11,3
БССР	404	2,7	62	0,8
Закавказье	596	4,0	93	1,1
Узбекистан	400	2,7	25	0,3

Таким образом, из каждых 100 ученых состоят:

	членами секции (в %%)	вне секции (в %%)
РСФСР . . .	58,1	41,1
УССР . . .	79,3	20,7
БССР . .	87,3	12,7
Закавказье . .	86,5	13,5
Узбекистан .	94,1	5,9

Интересен факт, что 85,5% общего числа ученых СССР находятся в городах, в которых имелись высшие учебные заведения до революции, и только 14,5% — в университетских центрах, возникших после революции.

По полу ученые СССР на 1 окт. 1927 г. распределяются так: мужчин 81,6%, женщин — 18,4%. Половой состав ученых по отдельным частям СССР обнаруживает значительные колебания. Так, в РСФСР мужчины составляют 80,6% общего числа ученых, женщины — 19,4%; в УССР соответственно — 84,4% и 15,6%; в БССР — 90,6% и 9,4%; в Закавказьи — 91% и 9%; в Узбекистане — 81,6% и 18,4%.

Распределение ученых по возрасту таково: из 23.061 ученого СССР сведения о возрасте имеются в отношении 19.130 чел. Из них: до 25 л. — 80 ч. (4,3%); с 26 до 30 л. — 2.340 ч. (12,2%); с 31 до 40 л. — 6.470 ч. (33,8%); с 41 до 60 л. — 8.199 ч. (42,8%); свыше 60 лет — 1.310 ч. (6,9%). — Эти данные показывают, что ученые СССР распределяются почти поровну между двумя основными группами: до 40 лет — 50,3% и старше 40 лет — 49,7%; на средний возраст — от 30 до 60 л. — приходится более ¾ всех ученых (76,6%); на крайние группы — менее ¼ (до 30 л. — 16,5%, свыше 60 л. — 6,9%). По сравнении с данными на 1 окт. 1926 г. (эти данные имеются только в отношении ученых — членов Секции) выясняется, что за год число ученых до 30 л. увеличилось на 0,9%, количество ученых от 31 до 60 л. сократилось на 1,3% и от 61 г. и выше — сократилось на 0,5%.

Данные о партийном составе на 1 окт. 1927 г. имелись в отношении 19.253 ученых СССР. Из них: беспартийных — 18.194 ч. (94%), членов ВКП(б) и комсомола — 1.159 (6%). Партийный состав ученых (данные имеются только о членах Секции) по отдельным годам изменялся так: в 1924 г. ученых коммунистов и комсомольцев было 3,4%, в 1926 г. — 4,6%, в 1927 г. — 7%. Наиболее высокий % партийных ученых имеется в Армении — 17,6%, наименьший — 2,5% — в Грузии; в РСФСР партийные ученые составляют 5,3%, УССР — 8%, БССР — 6%, Азербайджане — 8,3%, Узбекистане — 4,8%.

Сведения о распределении по научным специальностям имеются относительно 22.315 ученых СССР. Первое место по численности занимают представители гуманитарных наук — 6.408 ч. (28,7%); затем следуют: представители медицинских знаний — 5.221 ч. (23,4%); прикладных — 4.823 ч. (21,6%); точных —

4.130 ч. (18,5%) и прочих 1.722 ч. (7,8%).

Сведения о распределении по национальностям имеются относительно 18.321 ученого. Из них: русские составляют 13.019 ч. (69,2%); украинцы — 1.771 (9,4%); белоруссы — 205 (1,1%); евреи — 2.499 (13,3%); немцы — 254 (1,3%); армяне — 254 (1,3%); грузины — 205 (1,1%); эстонцы, поляки, тюрки, латыши и татары — от 0,1 до 0,4%; прочие — 2,4% (среди ученых Москвы имеются представители 41 национальности). Место, занимаемое по численности среди ученых представителями отдельных национальностей, определяется следующими данными: русские: в РСФСР — 83,6%, УССР — 37,5%, БССР — 36,3%; Азербайджане — 49,6; Узбекистане — 72,7%; Грузии — 18,9%; украинцы: в УССР — 38%; БССР — 1,9%; РСФСР — 0,5%; белоруссы: в БССР—39,1%; в УССР — 0,2%; РСФСР — 0,1%; евреи: в РСФСР — 11,4%; УССР — 19,2%; БССР — 20%; Азербейджане — 15,4%; Узбекистане — 10%; армяне в Армении — 96,3%; Грузии — 11,3%; РСФСР — 1,2%; УССР — 0,7%; Азербейджане — 6,7%; грузины: в Грузии — 61,3%; данные об остальных национальностях не приводятся в виду их малочисленности. Анализ приводимых данных свидетельствует о том, что коренная национальность данной республики является преобладающей в РСФСР, Армении и Грузии. В остальных частях СССР коренная национальность составляет среди ученых меньшинство: в УССР число украинцев только на 0,5% превышает число русских, в БССР - белоруссы на 2,8% превышают % русских, в Азербейджане тюрки составляют только 25,8%.

= *К правовому положению ученых.* Опубликовано постановление наркомпроса УССР о перевыборах всеукр. академии наук. В постановлении указывается, что произведенное комиссией наркомпроса обследование деятельности президиума Ак. Наук выявило серьезные недостатки в его работе, угрожавшие деловой научной работе А., неправильную организац. и хоз. работу президиума А. Эти упущения привели к групповой борьбе и препятствовали действительному участию А. в строительстве украинской культуры. Внутренняя борьба различных групп академиков превращала А. в место, где сосредоточивался враждебный советской власти блок консервативных элементов укр. науки со сторонниками реакционной русской профессуры, действовавшей под лозунгами противопоставления себя сов. власти и сов. правительству. В связи с результатами обследования комиссия наркомпроса нашла необходимым переизбрать президиум А., тем более, что срок полномочий прежнего президиума кончился. Эти выборы состоялись 3 мая. Советом А. был избран президентом А. наук акад. Л. К. Заболотный, вице-президентом — акад. К. Г. Воблый. Эти две кандидатуры наркомпрос утвердил. Что касается поста непременного секретаря А., на который был выдвинут прежний непременный секретарь А., акад. А. Ю. Крымский, то, констатируя неправильную и вредную для укр. науки линию руководства прежнего президиума всеукр. А. наук, за которую отвечает и фактический руководитель его акад. Крымский, коллегия признала невозможным утвердить его кандидатуру на пост непременного секретаря А. («Изв.», 1928, № 134).

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА.

Америка

= *Распространение свящ. писания.* Американское Библейское Общество сообщает, что в 1927 г. им было распространено по всему миру 10.034.797 экз. Библии на 166 различных языках. В истекшем году впервые была издана Библия на языке люба-люля, туземцев бельгийского Конго. Три миллиона экз. разошлось в Китае. Спрос на Библию в отчетном году увеличился на 10 проц. в Японии и на 50 проц. в Египте.

Англия

= *Классические языки в Англии.* Несмотря на трезвый «рациональный» дух английского воспитания и английской жизни вообще, в А. сейчас замечается тяга к изучению классических языков. Так, по сравнению с 1918 г., число кандидатов, пожелавших в 1926 г. при испытании на аттестат зрелости подвергнуться экзамену по греческому яз., возросло

вдвое, по латинскому — в 1927 г. в шесть раз (2.200 чел. в 1918 г., 12.300 — в 1926 г., в 1927 г. это число еще увеличилось). Латинский яз. является официальным университетским языком, на котором пишутся документы и произносятся актовые речи. Однако, в этом году оксфордский классик проф. Пойнтон выступил на акте с речью на греческом языке, впервые после 345-летнего перерыва. Речь эта имела большой успех. Классическая филология, как известно, всегда стояла в А. на большой высоте. Но, как видим, в настоящий момент классическая филология начинает особенно привлекать и учащуюся молодежь. (ч)

= *Детские идеалы.* Один учительский союз в Лондоне провел среди десятилетних мальчиков интересную анкету о детских идеалах, которая дала совершенно неожиданные результаты.

Выяснилось, что на первом месте идет группа мальчиков, которые желают заниматься экспортной торговлей. Некоторую роль в этом играет обстоятельство, что экспортная торговля связана с путешествиями. Из 900 опрошенных мальчиков — 160 ответили, что хотели бы стать торговцами, 140 — архитекторами, 130 — инженерами, 96 — теологами. Остальные группы уже значительно меньше. В порядке последовательности идут — летчики, банкиры, жокеи, моряки, фермеры. Наконец, в единственном числе имеются и такие желания: быть трубочистом, швейцаром в отеле, чистильщиком сапог, фабричным рабочим. Но ни один мальчик не выразил желания быть кондуктором.

Болгария

= *Вопрос о реформе правописания.* Министром нар. пр. внесен в народное собрание законопроект о предоставлении министру нар. пр. права установить единообразное и обязательное для всех учреждений и печатных произведений правописание. — Краткая история изменений болгарского правописания такова. Еще в XII веке, под влиянием живой речи, ѧ (юсъ малый) стал заменяться в письменности ѫ (юсом большим), «ꙗ» заменяется «ѣ» (Воурѣ вм. Боуря, жѫтва вм. жѧтва). В XIV веке «ь» почти всюду заменяется «ъ»-ом. В течение XVII и XVIII веков начинают писать без ѧ, ѫ, ѣ, ъ, оставляя один только «ъ». — Во время болгарского возрождения, под русским влиянием, «ѫ» начинают заменять через «у», «ѧ» через «я», «о» через «е», «ъ» через «ь». Впоследствии начинает вводиться этимологическое различие между «ѫ», «ъ», «ь». Проф. харьковского ун-та М. Дринов, бывший в первые годы свободной жизни возрожденной к государственному бытию Болгарии министром нар. пр., произвел первую правительственную реформу правописания: оставлялось этимологическое различие «ѫ» и «ѣ», внутри слов всюду «ь» заменялся «ъ». — Это «Дриновское» правописание господствовало вплоть до 1899 года, когда мин. нар. пр. были изданы новые правила о правописании. Нужно заметить, что вопрос о болгарском правописании вообще все время вертится около букв «ѣ», «ъ», «ь» и «ѫ». Так как буква «ѣ» выговаривается различно в восточно болгарском (литературном) и западно-болгарском говоре, так как затем «ѣ» в одном и том же слове выговаривается различно в единств. и множ. числе (един. «грѣхъ = гряхъ», мн. «грѣхове́ = грехове́»), то исключение буквы «ѣ» и замена ее то через «я», то через «е» повлекло бы за собою изменение и говора. «ѫ», хотя он и выговаривается совершенно так же, как и «ъ», оставлен был в измененном в 1899 г. правописании из уважения к традиции, а именно во всех тех случаях, когда в русском языке пишется «у» (напр. «мѫж» — муж); «ь» в середине слов всюду заменен «ъ» (напр., «сърдце» вместо «сьрдце»), на конце слов «ь» оставлен для обозначения смягчения согласных («сънь», «соль», «учитель», «Господь»). — В 1921 г. при мин. нар. пр. была образована комиссия для дальнейшей реформы болгарского правописания. Сущность реформы правописания, которую эта комиссия рекомендовала, сводилась к следующему: 1) выбросить «ъ» в конце слов; 2) букву ѫ всюду заменить буквой «ъ»; 3) букву «ѣ» заменить через «я» или «е», смотря по тому, как она произносится. Однако, правительственным распоряжением, проведенным потом в 1922 году в виде закона (в то время у власти была земледельческая партия), было введено новое правописание на следую-

щей основе: 1) выбрасывается «ъ» в конце слов; 2) выбрасывается совершенно «ь»; 3) «ъ» в середине слов всюду заменяется через «ж»; 4) «ѣ» всюду заменяется через «е». — Это правописание не пользовалось признанием среди культурного болгарского общества, и потому, после ухода от власти земледельческой партии, страна вернулась к прежнему правописанию, однако, слегка реформированному (в 1923 г.): буква «ѣ» заменяется через «е» всюду, где она не произносится двояко, как «я» и как «е». — В виду того, что закон 1922 г. о правописании не отменен еще, министром нар. пр. и вносится законопроект об отмене закона 1922 г. и одновременно о предоставлении мин. нар. пр. права установления единообразного и обязательного для всех правописания. Ныне борьба вокруг вопроса о правописании ведется главным образом в двух направлениях: 1) сохранить современное правописание, и 2) принять поддерживаемое историко-филологическим отделением болгарской академии наук фонетическое правописание. Вопрос будет, повидимому, окончательно разрешен министром нар. пр.

= *Землетрясение и школа.* В апреле т. г. Болгарию постигло большое несчастие. Двумя землетрасениями (первым, имевшим место 14 апр., в страстную субботу, около ½ 12 ч. дня, и вторым — 18 апр., около ½ 10 ч. вечера), определяемыми геологами и сейсмологами, как катастрофические, более сильные, чем знаменитое Мессинское землетрясениями, сопровождавшимися смещением земных пластов, понижением почвы иногда на 2—3 метра, исчезновением холмов, появлением трещин, образованием новых озер, возникновением новых источников горячих и холодных, исчезновением старых минеральных источников (среди них знаменитого Меричлерского болгарского «Карлсбада»), — разрушены до основания города Чирпан, Борисовград, и в очень большой степени разрушены города Пловдив, столица и умственный центр южной Болгарии, и Хасково. В округах этих городов, в полосе, длиною около 100 кил., а шириною около 60 кил., сравнены с землею цветущие села, славившиеся зажиточностью своих жителей. В несколько секунд около ста тысяч человек оказались под открытым небом, лишенные крова, хлеба, предоставленные воле стихии. Нет ни одной стороны человеческой жизни, личной и социальной, которая не была бы затронута, и при том сильнейшим образом, указанными землетрясениями. Катастрофически отразились землетрясения и на школьном деле. Еще нет полной сводки сведений о катастрофе, постигшей болгарскую школу, но из тех донесений начальников учебных заведений из пострадавших от землетрясений областей, которыми сейчас располагает мин. нар. просв., вырисовывается жуткая картина разгрома болгарской школы в округах пловдивском, чирпанском, борисовградском, хасковском, старозагорском и сопредельных с ними областях. Великим счастьем приходится почитать то обстоятельство, что землетрясения случились в дни вакаций, когда учащиеся находились вне стен учебных заведений; иначе число убитых учащихся исчислялось бы многими тысячами. Благодаря же вакационному времени только в Садове убито несколько учеников, проживавших в пансионе земледельческого училища. После землетрясений прошла в пострадавших областях полоса холодных дождей, и, наконец, над Ст. Загорой пронесся циклон, основательно повредивший здания женского пед. училища и мужской гимназии в этом городе. — Чтобы получить приблизительное представление о размерах катастрофы только в учебном деле, достаточно принять во внимание, что совершенно разрушены здания народного музея и народной библиотеки, гимназий и учительского института в Пловдиве, здания гимназий в Хаскове, Борисовграде, Чирпане, все здания земледельческого училища в Садове. Насколько пострадали основные училища (основные училища в Болгарии обнимают собою первоначальное и прогимназиальное образование), видно хотя бы из того, что в одном только чирпанском уезде из 108 зданий основных училищ до основания разрушены 103. Такая же картина выясняется и для других округов пострадавшей области. Многие здания училищ, хотя и не разрушены, но насколько пострадали, что представляются опасными для обитания; большинство из них нужно разрушить во

избежание несчастий, и лишь самая незначительная часть школьных зданий сможет служить своим целям после основательного ремонта. Под развалинами зданий погибли хозяйственный инвентарь и учебные пособия училищ: книги, карты, физические и химические приборы, ботанические, геологические коллекции и т. д. — Как только выяснилась картина катастрофического землетрясения, мин. нар. пр. распорядилось закончить учебный год в пострадавших местностях, учащихся же перевести в след. классы на основании отметок, полученных ими за истекшее время уч. года. Однако, значительное затруднение представили выпускные классы первоначальных училищ, прогимназий, гимназий, а также последний курс пловдивского учит. ин-та, где курсы должны быть закончены соответственно программам, а также должны быть произведены выпускные экзамены. Для пловдивского учит. ин-та экзаменационные затруднения еще увеличивались тем, что в программу экзаменов входит проведение пробных уроков в прогимназиях. Мин. нар. пр., правда, предоставило учащимся право держать выпускные испытания при других соответствующих уч. завед. царства, но этим правом могла воспользоваться, по понятным причинам, лишь самая незначительная часть учащихся. — Нужно отдать должное самоотверженности болгарских учителей: под открытым небом, во дворе школьного здания, в общественном саду, а то и просто в поле на траве, при отсутствии столов, стульев, скамеек они возобновили учебные занятия с выпускными классами, производили заседания педагогических советов и т. д.; случайно уцелевший сарай, наскоро сколоченный барак, натянутая палатка, почитались роскошью, особенно в период холодных дождей и циклонов. — Для помощи бедным учащимся мин. нар. пр. пустило в ход неприкосновенные фонды учебных заведений, предназначенные, согласно закону, для того, чтобы лишь на проценты с соответствующих капиталов содержались бедные ученики. Для помощи учителям мин. нар. просв. отпустило из «Фонда для социальной и культурной помощи учителям» один миллион левов. И болгарское общество не осталось безразличным к судьбе учащихся. Во многих городах образовались гражданские комитеты, которые открыли спец. пансионы для детей, оказавшихся в особенно бедственном положении. — Землетрясение чувствовалось во всей Болгарии. Если и не были разрушены училищные здания, то все же повторявшиеся от времени до времени втечение почти трех недель сотрясения почвы держали население в беспокойстве. Министерством нар. пр. были приостановлены занятия во всех уч. завед. Б., до тех пор, пока «земля не успокоилась». Как ни велико несчастье, свалившееся на южно-болгарскую школу, но еще бо́льшую тревогу вселяет мысль о будущем этой школы. Ведь, если даже не говорить об учебном и хозяйственном инвентаре пострадавших школ, а иметь в виду только шк. здания, без которых ни одна школа не может существовать, то оказывается, что, по самому скромному рассчету, необходимо не менее пятисот миллионов левов для восстановления разрушенных школьных зданий. Здания гимназий строились государством, здания прогимназий и первоначальных училищ — общинами городскими и сельскими, при чем последними строились при помощи займов, еще не выплаченных. Если принять во внимание, что государство изнемогает под тяжестью репараций и контрибуций, что непосильно-трудными представляются для государства восстановление разрушенных зданий гимназий, пловдивского музея и пловдивской народной библиотеки (второй по величине в Б. после софийской), садовского земл. училища и многих сотен других правит. зданий, то явным становится, что о восстановлении сотен основных училищ и думать не приходится. Все, что правительство и болгарский народ и иностраные благотворители дали и могли дать, является лишь каплей в сравнении с морем стихийного несчастья. О каменных зданиях для училищ сейчас никто не думает; заботятся об обеспечении училищ бараками; глинобитная постройка рисуется уже роскошью. Даже правительственный пловдивский учительский ин-т хлопочет перед мин. нар. пр. о постройке не каменных зданий (понимая всю безнадежность подобного ходатайства), а о возведении бара-

ков, в которых могли бы и зимою вестись занятия, а также могли бы жить бедные курсисты и курсистки, так как очевидно, что зимою в Пловдиве будет ощущаться большой жилищный кризис. — Велико несчастие, обрушившееся на болгарскую школу. Однако, болгарский народ, перенесший на своем историческом веку не мало катастроф и научившийся стоически переносить испытания, полный воли к жизни, терпеливо перенесет и это несчастие, и, во всяком случае, приложит все усилия к скорейшему восстановлению нормального течения школьной жизни в пострадавших областях.

Германия

= *Конец школьных сочинений о классиках.* Школьный совет провинции Бранденбурга и Берлина постановил, что «литература должна быть предметом школьных сочинений лишь в весьма ограниченных размерах». Это обозначает конец школьных «сочинений» вроде: «Идеи свобоы у Шиллера», «Должен ли был Телль убивать Гесслера?», «О чувстве природы в лирике Гете» и т. д. Правда, постановление школьного совета разрешает задавание сочинений о прозаических произведениях XIX века и о современной поэзии. Но так или иначе положен конец той бессмысленной традиции в преподавании родного языка и литературы, согласно которой в учащихся убивалось всякое живое непосредственное наслаждение классическими художественными произведениями, из которых при помощи «критиков» и часто весьма сомнительных пособий выуживались «идеи» весьма примитивного содержания, и в учащихся воспитывалось убеждение, что именно в этих «идеях» и заключается смысл и значение художественных произведений. (ч)

= *Против телесного наказания.* Прусским министром нар. просв. разослан по школам циркуляр, требующий еще бо́льшего сокращения телесного наказания в школах. Особенно осуждается (и может быть поводом к возбуждению дисциплинарного преследования) применение телесного наказания: 1) к девочкам, 2) к детям первых двух школьных лет (так как это препятствует выработке доверия к учителю); 3) как средства борьбы с недостаточными успехами и невнимательностью учеников. (лч)

= *Конгресс женского образования.* Конгресс состоялся в апреле в Берлине и был посвящен вопросу существующей сети женских ремесленных и профессиональных школ и учебн. завед., подготовляющих работниц социальной помощи, охраны детства и т. д. Доклады были посвящены, главным образом, вопросу о программе указанных школ и такой их организации, которая облегчала бы переход в них из обычной средней школы. (лч)

Латвия

= *Летние курсы для учителей меньш. школ.* Отделом средних уч. завед. м-ва образ. в июле устраиваются учит. курсы для преподавателей меньшинств. ср. школ. В качестве лекторов приглашены профессоры латвийского ун-та. Главными предметами на курсах будут—латышский яз., география и геология Латвии.

= *Приглашение проф. Косинского.* Кабинет министров утвердил в должности внештатного профессора по кафедре кооперации при латвийском ун-те сроком на 5 лет быв. российского подданного д-ра экономич. наук и статистики проф. В. А. Косинского, работавшего в последнее время в Праге.

Литва

= *Реформа школы.* В беседе с представителями печати министр просвещения, между прочим, высказался о предполагаемых реформах средней и высшей школы. Что касается средних школ, то будут предприняты меры к их улучшению и одновременно к уменьшению их количества. Возможно, что по закрытии ряда средних школ, значительная часть их будет преобразована в торговые школы. В стране имеется такой избыток интеллигенции, что правительство считает необходимым готовить возможно большее количество техников, торговцев и ремесленников. Университет, по словам министра, будет преобразован на основе: non multa, sel multum. Работе высшей школы до сих пор вредили посторонние дела, которыми занимался не один профессор университета. Такая совмещаемая с академической наукой посторонняя работа не будет долее терпима. Ректор университета, проректор, секретарь и де-

каны факультетов будут выбираться не на один год, а на три. Выборные ректор университета, проректор, секретарь и преподавательский персонал будут утверждаться высшей инстанцией.

В ковенской русской газете «Эхо» (№ 121, от 3 мая) напечатаны несколько другие сведения о реформе. Так, судя по словам газеты, решено, между прочим, что впредь ректор университета будет не выбираться, а назначаться актом президента республики. Возможно, что в этом году в последний раз состоятся выборы нового ректора. Кроме того, решено упразднить: ветеринарный отдел медиц. факультета, философский отдел теологич. факультета и экономич. отдел юридич. факультета. Студентам вышеуказанных отделов предполагается предоставить стипендии для получения образования заграницей.

Кабинет министров (см. «Эхо», № 131, от 13 мая) решил ликвидировать целый ряд средних школ, а на их место учредить шестиклассные начальные школы. С 1 августа закрываются первые классы следующих средних школ: Вейсеяй, Жежмарай (в Жежмарай предполагают перенести кайшедарскую ремесленную школу), Илакай, Кретинги, Науместиса (Таурогенского уезда), Шелель, Шилавы, Жеймялиса, Ионишкялиса, Меркине, Рагувы, Гельвоны, Скапишкиса и Розалимаса. В следующие годы закрываются 3 и 4 классы. Закрываются 5 и 6 классы скудской средней школы, вследствие недостатка учащихся. Содержимые на государственные средства средние школы закрываются вследствие больших расходов и небольшого количества учащихся и их близкого соседства с такими же школами и гимназиями. Частные средние школы не закрываются, но прекращается выдача им правительственного пособия. С 1 авг. прекращается пособие: для всех классов средней школы «Жибурис» в Науместисе (Шакского уезда) и 1 и 2 кл. средней школы «Жибурис» в Кражях; в прогимназии «Сауле» в Швекнах получат пособие лишь первые четыре класса. В ретавской коммерческой школе получают пособие первые четыре класса. С 1 января прекращается выдача пособия шавельской и ковенской гимназ. проф. союза учителей и гимназии «Павасариса» для взрослых с оставлением им прав гимназий.

= *Регистрация детей шк. возраста.* В связи с введением в Литве обязательного для всех начального обучения, ковенская городская управа приступила к регистрации всех детей школьн. возраста. Выработаны след. правила регистрации: все родители, воспитатели или опекуны детей, а также содержатели дет. приютов, постоянно или временно проживающие в Ковне или в его окрестностях, обязаны зарегистрировать детей, которым в этом году к 1 янв. исполнилось 7 лет, и вплоть до детей не старше 14 лет. Первую регистрацию выполнит ковенская гор. управа согласно листам для переписи, которые она разошлет в каждый дом через своих районных регистраторов-переписчиков. Владельцы всех домов и управляющие должны представить регистраторам сведения о всех жителях их домов, показывая домовые книги для прописки. Регистрируя детей, родители и опекуны, а также и завед. приютами должны предъявить регистраторам документы, из которых можно с точностью судить о возрасте детей. В случае отсутствия документов, возраст детей отмечается согласно указаниям родителей или опекунов. Приезжающие в Ковно должны зарегистрировать детей школьного возраста в городской управе, не позже 2-х недель со времени их прибытия. Жители Ковна — родители и опекуны, незарегистрировавшие по каким-либо причинам своих детей у районных регистраторов, обязаны зарегистрировать их не позже 31 июля в городской управе. За неисполнение обязательного постановления о регистрации провинившиеся будут штрафоваться до 100 литов.

Польша

= *Бюджет нар. просвещения.* Бюджет мин. нар. просвещения и исповед. на 1928—29 год сведен в сумме 379.976.383 зл. (по обыкновенной смете — 354.886.655 зл., по чрезвычайной — 18.089.728 зл.). По сравнению с предыдущим годом имеется увеличение на 43.671.546 зл., т. е. почти на 13%. В общем государств. бюджете П. (2.458.514.762 зл.) бюджет мин. нар. просв. составляет 14,5%. Цифры эти должны быть еще уменьшены на 25.645.634 зл., составляющих бюджет департамента исповеданий. Большая

часть средств (221.859.107 зл., т. е. около 62%) идет на нужды начальной школы; затем идет высшая школа и ученые организации (34.159.564 зл., около 10%); затраты на среднюю школу стоят на третьем месте (32.113.423 зл., около 9%). Характерной чертой бюджета является уменьшение сметных отпусков на среднюю школу по сравнению с предыдущим годом (на ¼ милл. зл.). Объясняется это тем, что сейчас главное внимание министерства обращено в сторону школ начальной и профессион. (на последнюю отпущено 16.360.551 зл, около 5%); не надо также забывать, что средняя школа в П. находится по преимуществу в частных руках (из 811 средних общеобразовательных частных школ 543, правительственных — 286). — Для характеристики бюджета интересно отметить, что правительственный аппарат (министерство и учебн. округа) поглощают 21.518.072 зл. (более 6%). В новом бюджете расходы по содержанию учебн. округов увеличены в три раза (14.746.567 зл. против 4.595.946 злотых в истекшем году); но это увеличение административных расходов только кажущееся, так как в рубрику «содержание учебн. округов» (кураториев) отнесены кредиты на содержание «департамента физического и военного воспитания молодежи» (Państwowy Urząd Wychowania Fizycznego i Przysposolenia Wojskowego), на который впервые отпущено 10 милл. зл. — Общую характеристику бюджета дал сам министр нар. просв. д-р Добруцкий, назвав его в речи, которую он произнес в бюджетной комиссии сейма, непроизводительным. — Надо отметить также, что развитие бюджета мин. народн. просв. не поспевает за развитием бюджета других ведомств, отставая из года в год от роста общего бюджета в среднем почти в два раза. Другими словами, расходы по нар. просв. в П. с каждым годом относительно уменьшаются. Явление безусловно тревожного характера, на которое надо обратить самое серьезное внимание, тем более, что текущий год является последним в ряде лет, отмеченных падением числа детей шк. возрастов (последствие мировой войны): с будущего года начнется быстрый рост их числа, что потребует значительного увеличения школ всех типов; за этим ростом школьных контингентов едва ли сможет поспеть рост бюджета мин. нар. пр. А это значит, что дело народного просвещения в П. в ближайшие годы будет еще более отставать, нежели теперь, если правительством не будут приняты какие-либо радикальные меры к увеличению бюджета мин. нар. просвещения.

= *Школьная статистика.* Основной школой в П. является начальная народная школа (powszechna). В настоящее время имеется всего 25.612 начальных школ, из которых: одноклассных — 13.416, двухкл. — 5.940, трехкл. — 2.298, четырехкл. — 1.008, пятикл. — 577, шестикл. — 361, семикл. — 1.958, восьмикл. — 3, девятикл. — 1, разных — 48. По сравнению с прошлым годом число нач. школ уменьшилось на 1.245; уменьшение произошло за счет, главным образом, школ низшего типа, но все же и теперь эти последние составляют 80% всех нач. школ. Эти цифры особенно ясно указывают на то, как трудно на такой нач. школе строить среднюю школу в составе лишь одних старших классов, как это предусматривается проектом шк. реформы. — Обучает в нач. школах 61.811 учителей. Детей учится около 3.200.000, — в среднем, около 50-ти чел. на одного учителя. — Надзор за начальн. школами находится в руках так наз. школьных инспекторов; их всего 262, с 119-ю заместителями. Расход на шк. инспекцию в госуд. бюджете достигает 4.894.779 зл. — Средних школ всего 811, в том числе 268 (по другим данным — 256) правительственных. На так наз. «кресах» имеется только 28 казенных средних школ (Волынь — 7, Полесье — 6, Виленщина — 15), и даже с люблинским округом (16) — всего 44. Очевидно, восточные кресы, населенные в главной своей массе непольскими народностями (русские, евреи), могут довольствоваться и частной школой. — Средних школ с непольским языком преподавания и так наз. «двухязычных» имеется 109 (немецких — 29, с древне-еврейск. языком — 18, украинских — 15, белорусских — 3, русско-белорусск. — 1, литовских — 2, французских — 2); из этого числа 15 школ правительственных. Помимо указанных, имеется 123 исключительно еврейск. школы, но с

польским языком преподавания; все они частные. Школы на восточных кресах по преимуществу с совместным обучением. В 1926—27 г. в средних школах обучалось 215.000 чел., в том числе 108.000 падает на правительственные школы. Учителей в правит. школах имеется в данное время 4.425; всего же учащих в средних школах около 12.000, из которых совершенно удовлетворительной подготовкой обладает 5.000, удовлетворительной — 4.000, недостаточной — 3.000. — В прошлом году отказано было в приеме в средние школы, несмотря на хорошо выдержанные вступительные экзамены, от 3% до 6% детей, поступавших в I—IV классы. Из поступивших в первый класс средн. школы доходят до 8-го около 80% учащихся; около 6% обучающихся ограничиваются 3-хкласси. общим образованием, около 13% — 6-тиклассным. Из числа обучавшихся в истекшем году в 8-м классе к экзаменам на аттестат зрелости было допущено 90%; из них не выдержало испытаний 17%. Аттестаты зрелости получили 12.034 чел.; в том числе: поляки — 9.792, украинцы — 507, немцы — 200, русские — 49, белоруссы — 24; евреи — 1.462. По полу окончившие в прошлом году среднюю школу распределяются: мальчиков — 7.823, девочек — 4.211 (цифры недостаточно точны). — Профессиональных школ всех типов в П. имеется всего 1.145 с 153.000 уч-ся. Профессиональное образование развивается успешно, в особенности женское; предполагается для заведывания женскими проф. школами образовать особый департамент в министерстве нар. просвещения.

Высших правит. учебных завед. в П. имеется 12-ть, а именно: ун-тов — 5 (в Варшаве, Львове, Кракове, Вильне, Познани); политехнич. ин-тов — 2 (Варшава, Львов); горная академия — 1 (Краков); сельско-хоз. школа — 1 (Варшава); ветеринарн. ин-т — 1 (Львов), академия художеств — 1 (Краков); институт зубоврачевания — 1 (Варшава). — Число учащих в высших школах достигает 2.215 чел.; из них: профессоров: а) ординарных — 536; б) экстраординарных — 266; адъюнктов (доцентов) — 163; ассистентов: а) старших — 741; б) младших — 509. В этом году предположено открыть 9-ть новых кафедр. — Общее число студентов — 41.983; из них: поляков — 31.778; украинцев — 1.789; немцев — 232; евреев — 7.727; «прочих» — 457; распределение по полу: мужчин — 32.791, женщин — 9.192. — Общее внимание обращает на себя крайне низкий % оканчивающих высшую школу — всего 6,4% из числа поступивших на первый курс (за границей этот % достигает 12,7%). Для повышения успешности занятий министерство вводит для студентов ежегодные переходные с курса на курс экзамены.

= *Обязательное обучение на кресах.* Министр исповеданий и нар. пр. распоряжением от 14 мая с. г. за № 1—3984-28 ввел на территории воеводства виленского, новогродского, полесского, волынского и в уездах гроднеиском и волковыском обязательное школьное обучение для всех детей семилетнего возраста и для детей, родившихся в период с 1915 по 1920 год, которые уже посещали школы в 1927—28 учебн году.

= *Новый министр нар. просв.* 27-го июня президент республики принял отставку кабинета Пилсудского. Министром нар. пр. назначен вместо Добрудского Казимир Свитальский. Назначение С. вызвало сильное недовольство в меньшинственных кругах, объясняющееся тем, что С. считается большим противником нац. меньшинств. Ему не могут простить также и то, что он, будучи начальником политич. отдела мин. внутр. дел, сыграл крупную роль в деле так наз. «выборных злоупотреблений», в связи с которыми большое число меньшинственных голосов было объявлено недействительным.

Чехословакия

= *Проект закона о церковных школах.* Министерством нар. просв. выработан проект закона о частных и церковных школах в Словакии и Подкарпат. Руси. По этому проекту учителя церковных и частных школ рассматриваются, как общественные служащие, а их служебное положение уравнивается с положением учителей правит. уч. завед. Выплату содержания и пенсий учителям принимает на себя государство, но церкви (содержатели) обязаны будут часть этого расхода, в размере 4.240 кор. в год за каждого отдельного учителя, возмещать государству. Если содер-

жатель не выполнит указанного обязательства, он лишается права на содержание своей школы и министерство может вместо нее открыть правительственную школу. В тех случаях, когда будет установлено, что местная община на школу несет больше расходов, нежели церковь, школа объявляется общественной. Во главе школы становится учитель, а не представитель клира. Далее проект устанавливает, что церковные (частные) школы могут учреждаться с согласия земской школьной рады и только в тех селах, где нет общественной школы с тем же языком преподавания, как и церковная (частная) школа или там, где более, чем 40 детям, обязанным по закону посещать школу, приходится ходить в школу, расположенную далее четырех километров от их местожительной учащейся молодежи к их своеобразным и совершенно новым для них обязанностям. (у)

Эстония

= *Военное обучение.* В закончившемся уч. году впервые был произведен опыт военного обучения в 3 старших классах ср. и проф. уч. завед. (в том числе и русских). Занятия производились параллельно с обычным шк. занятиями, лишь частично нарушая их, и закончились уже после роспуска на летние каникулы десятидневным — «сбором». Целью этого начинания является облегчить для окончивших ср. школу молодых людей отбывание воинской повинности, срок которой и без того сокращен до одного года, в связи с желанием правительства уменьшить расходы на содержание армии (экономия 100 миллионов марок). Учащиеся знакомились с основными понятиями военного дела, с идеей личной и государственной безопасности, со значением армии, с обязанностями гражданина как защитника семьи и народа, смыслом дисциплины и военной иерархии, всей структурой современной армии. Практическая часть программы состояла в прохождении военного строя, в изучении приемов владения оружием, вплоть до стрельбы из малокалиберных винтовок. Занятия производились кадетами военного училища под общим наблюдением офицеров и охватывали 5.000 чел. Маневры, произведенные в начале июня, обнаружили добросовестное и вполне сознательное отношение хорошо дисциплинирован-

Югославия

= *Закрытие школ.* Вопрос о закрытии факультетов снят с очереди, и соответствующая статья, дававшая правительству право на сокращение высшей школы, была перед принятием финансового закона из него исключена. Однако в закон вновь внесено ограничение числа полных гимназий 80 (вместо существующих 116), с тем, чтобы уже в наступающем уч. году было приступлено к закрытию старших классов десяти гимназий. Кроме того, подлежат закрытию те прогимназии, в которых за последние три года было меньше 120 учеников.

= *Единство учебного плана.* Ст. 149 нового финансового закона вновь вменяет в обязанность министру просвещения выработку единого учебного плана для всей страны. Работы над этим вопросом не прекращаются. Однако, законы о реорганизации высших, средних и низших школ и объединении законодательства о них (в стране действуют два закона об университетах, несколько положений о средних и низших школах) до сих пор (май 1928) не внесены в скупщину. Правда, эти законы несколько раз уже вносились в скупщину прежних созывов, но никогда не доходили до пленума законодательного органа, а иногда и до соответствующей комиссии последнего.

= *Увеличение числа обязат. уроков.* Ст. 156-й финансового закона увеличено число обязательных часов для преподавателей средних школ: все контрактуальные преподаватели («профессора» и др.), равно как и учителя «искусств» (рисование, чистописание, рукоделие) должны давать не менее 22 уроков в неделю; «профессора» не менее 20 (раньше 18), «супленты» (начинающие) — не менее 15 (вместо 10). Эта мера, прежде всего и более всего задевающая русских педагогов, коснулась почти всех учащих средних школ и вызвала среди них вполне понятное волнение. Правление профессионального союза учителей созывает чрезвычайный съезд союза, на котором предполагается обсудить создавшееся положение и поставить вопрос о необходимости скорейшего принятия скуп-

щиной нового закона о средних школах.

= *«Контрактуальные» преподаватели.* В виду того, что срок договоров громадного большинства преподавателей-иностранцев (гл. образом русских, отчасти чехов) истек или истекает, а также вследствие вступления в действие новых правил о чиновниках, служащих по найму, мин. просвещения выработало положение об условиях оплаты труда и служебном распорядке для вольнонаемных преподавателей подведомственных ему школ. Лица, получавшие по разным причинам особенно значительные оклады, а равно и отдельные преподавательские группы (напр., «супленты» во всей Югославии, кроме Южн. Сербии и Черногории) потеряют на новых договорах. Некоторым группам (всем преподавателям в упомянутых более «тяжелых» областях) напротив даются прибавки. Срок договоров — одногодичный, вместо прежнего трехлетнего; срок отказа от договора — месячный, вместо установленного прежде 3-хмесячного; максимальный срок отпуска: по болезни — 2 мес. (прежде — 4 мес.), по домашним обстоятельствам — 15 дней в году. Замечается в связи с изложенным усиление среди русских педагогов тенденции к переходу в югославянское подданство (университетские профессора уже почти все перешли и уже «развёрстаны», т. е. не служат больше по договору найма; двое — проф. М. Н. Лапинский и М. Н. Ясинский — недавно получили полные пенсии).

= *Оставленные при ун-те.* Новым финансовым законом (ст. 159) установлен и в Ю. институт оставленных при ун-те (они будут называться здесь «ассистентами-добровольцами»). Жалования они получать не будут, но на них распространяются права госуд. службы. Избирает их университетский совет, а назначает министр просвещения. Белградский журнал «Университетски Живот», выходящий уже второй год, приветствует в № 3 это нововведение.

= *Организации югосл. учительства.* В 1920 г. было основано «Объединение югославянского учительства» (Udruženje Jugoslovenskego Učiteljstva). В это объединение полностью вошли: «Союз австрийского учительства» (Zveza avstrijskego jugoslovenskega učiteljstva), «Объединение сербского учительства» и часть членов «Союза хорватских учительских товариществ»; указанный союз официально остался тогда вне «Объединения»; не входит он в общую организацию и в настоящее время. До 1927 г. вне общей организации находилась и «Šlomškova zveza», в которой были объединены словенские учителя-католики; ныне и учащие-католики входят в «Udruženje Jugosl. Učiteljstva» (UJU).

«Udruženje» насчитывает на всей территории Ю. 13.000 членов. «Союз хорватских учителей» объединяет 600 членов. Всех же учителей начальных школ в Ю. около 16.000; выходит, что свыше 2.000 югосл. учителей нач. школ еще не организовано. Необходимо иметь в виду, что учительство школ повышенного типа (соответствующих чешским мещанкам) имеет собственную проф. организацию. UJU делится на пять секций: белградскую, загребскую, сараевскую, люблянскую и сплитскую. UJU издает три проф.-полит. органа: «Narodna Prosveta» — центральный вестник, выходит в Белграде; «Učiteljski Tovariš» — орган люблянской секции и «Pokret», является органом сплитской секции. До последнего времени загребская секция издавала свою газету «Единство» (прекратилась из-за недостатка матер. средств). Помимо указанных изданий, UJU выпускает два пед. журнала—«Учитель» (Белград), «Popotnik» (Любляны). Выходит также «Учительская искра» (Крагуевац) — орган учителей-социалистов, состоящих членами UJU, и «Словенский Учитель» — орган учителей-католиков, издающийся в Люблянах. Союз хорватских учит. товариществ выпускает свой собственный орган — «Хорватский Учитель». Педагогич. литературный кружок в Загребе издает пед. журнал «Napredak». На ряду с проф. и пед. журналами организация издает журналы для детей и юношества: в Белграде — «Zorica», в Загребе — «Smiljc», в Лублянах «Zvonček». Югослав. учителя имеют собственный «Учительский Дом» в Белграде (принадлежит белградской секции); союз хорв.. учит. т-в в Загребе также имеет учит. дом; в Люблянах и Мариборе собраны уже значительные суммы на постройку учит. домов; в Люблянах в ближайшее время

уже будет приступлено к постройке.

В рамках UJU работают след. учит. предприятия: «Учительская Задрута» (Белград), «Учительская Здравница» (Učit. zdraviliški dom) в Р. Слатине, «Учительская Взаимопомощь» в Любляне, — кредитное т-во, которое в случае смерти, выдает на погребение своих членов по 11.000 дин. В Любляне учит. организация владеет типографией, в которой печатаются все издания люблянской секции, «Ссудо-сберегательную кассу» и т. д. UJU печется и о самообразовании своих членов, устраивая для них общеобраз. и пед курсы.

Так как учителя в Ю. являются государств. служащими, UJU входит, на правах члена, в «Союз государственных служащих» (Zvezi državnih nameščencev), членами которого состоят почти все проф. организации госуд. чиновничества. Недавно UJU вошло в международную федерацию учительских организаций (Париж).

В заключение несколько слов о зараб. плате югосл. учительства. В Ю. все госуд. служащие делятся на три категории: к первой относятся служащие, получившие высшее образование, ко второй — окончившие среднюю школу, к третьей — те, кто имеют незаконченное среднее или низшее образование. Учительство начальных школ отнесено ко второй категории, и его мес. заработок колеблется между первоначальным окладом в 1.290 дин. и предельным в размере 2.690 дин. Прибавка на жену и каждого ребенка равняется 150 дин. в мес. Срок на выслугу полной пенсии установлен ныне в 35 лет.

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА.

Латвия

= *Открытие памятника Ф. А. Эрну.* Сооруженный комитетом по увековечению памяти Ф. А. Эрна памятник на Покровском кладбище г. Риги был освящен 27 июня. После панихиды перед освященным правосл. духовенством памятником произнес речь председатель латвийского союза русских учителей Н. Н. Кузьминский, выступивший от имени комитета с сообщением о собранных к-том средствах и их использовании. Часть средств, оставшаяся после сооружения памятника, послужит фондом для учреждаемой при русской городской средней школе стипендии имени Ф. А. Управляющий русским отделом мин. образ. проф. И. Ф. Юпатов отметил большие заслуги Ф. А. перед русской школой, до сих пор ощущающей понесенную в его лице утрату. От имени бывших учеников Мироновского комм. училища, в котор. работал покойный Ф. А., говорил г. Таубинь. Член сейма Е. М. Тихоницкий высказал благодарность всем, кто содействовали сооружению памятника и осуществлению идеи об увековечении памяти Ф. А. путем учреждения стипендии.

Норвегия

= *Русские дети в Норвегии.* От известного русского писателя для детей В. В. Каррика нами получены след. данные о работе с русскими детьми в Н. — Русских эмигрантов в Н. всего человек 250. В большинстве это жители севера, прибывшие сюда с эвакуацией ген. Миллера или-же просочившиеся в разное время через Финляндию. В первые годы после революции русских в Н. было гораздо больше, но когда формальные трудности для переезда в другие страны уменьшились, многие уехали во Францию. Из юного поколения большинство были привезены из России детьми, — теперь они стали уже юношами и девушками. Есть дети, родившиеся здесь и никогда не видевшие родины. Вопрос о школьном образовании детей не имеет в Н. никакой остроты: посещение народной школы обязательно для всех, обучение бесплатное, русские ребята совсем легко освоились с языком, учатся хорошо, зачастую выдаются своими способностями среди других школьников. Но зато в большинстве русские дети здесь лишены в гораздо большей степени той русской атмосферы, какою они пользуются в других странах, где эмиграция скопилась гуще и где удалось создать русские школы, детские сады и проч. Здесь ничего этого нет, и ребенок совершенно открыт для денационализирующих влияний чужой среды. Единственным противодействием такому влиянию является семья. К счастью русские родители не поставлены здесь в необходимость отдавать детей в чужие руки; мне известен всего один такой случай. Отсутствие чрезмерно большой нужды среди русских эмигрантов позволяет,

вместе с тем, родителям уделять детям достаточное внимание, участвовать в их интересах, обучать их русской грамоте и давать им русскую книгу.

Возникший здесь в конце прошлого года «русский эмигрантский кружок» устраивает еженедельно «русские беседы», часть которых рассчитана на детей-слушателей. Ведутся такие беседы преимущественно на литературные темы, также читаются сказки с туманными картинами. Дело это началось очень недавно, и надо надеяться, что с осени беседы эти будут вестись по более разнообразной программе. Малочисленность эмиграции служит большою помехой для работы в широком масштабе.

Польша

= *Внутренний кризис русской школы.* Газета «Сегодня» (№ 177, от 4 июля) говорит об осложнениях, обозначившихся уже не вне школы, не в сторонних «сферах», а внутри ее самой, в ее административно-педагогич. организациях. «Этот внутренний кризис поразил в нынешнем году две русские гимназии — варшавскую и виленскую. И он стал уже предметом оживленнейших толков и споров и в русской общественности. — Варшавская гимназия имеет, как известно, все права. Это 8-миклассн. смеш. гимназия по образцу обычных русских гимназий, до-революц. эпохи. Во главе ее уже несколько лет стоит И. Ф. Голубовский. бывш. одно время секретарем варшавской духовной православной консистории. В Польше на гимназии выдаются концессии, и эта концессия была выдана Г., хотя о получении ее хлопотали и сами педагоги. Первые годы отношения между педагогическим персоналом и директором налаживались, и работа шла более или менее нормально. Затем стали проявляться трения, все более обострявшиеся. Начались поиски выхода и внесения «поправок» в установившийся режим, которым педагоги — по крайней мере определенная их часть — были все более недовольны. Года два тому назад удалось организовать родительский комитет. Снаружи все оставалось гладко: на гимназических актах правление родит. к-та благодарило директора и педагогов, педагоги не обнаруживали какой-либо оппозиционности. Но внутри шла борьба, которая в последнее время и вырвалась вовне. Отношения обострились на почве разных дел, в частности и на почве вопроса, кто получит концессию на гимназию на след. годы. Педагоги, сорганизовавшиеся в общество, предъявляют свои права, находя в этом поддержку в среде родит. к-та. Кандидатуру Г. они настойчиво отклоняют, и как хозяина гимназии, и как директора. Сам Г., сначала, по словам педагогов, как будто склонявшийся к отказу от своей кандидатуры, ныне вновь настаивает на ней, а по отношению к педагогам встала угроза «решительных мер»: большинство педагогов ныне объявлено к увольнению, в том числе и инспектор гимназии. Так тревожно завершился учебный год для преподавателей гимназии, положение которых осложняется еще и тем, что некоторые из них, боясь за судьбу гимназии, боятся и за своих собственных детей, обучающихся в ней... Слухи о кризисе гимназии проникли широко в круги русские и даже не русские. Появился слух, что этим вопросом заинтересовались католич. архиепископ бар. Роон и его окружение, и будто концессия на гимназию может быть предоставлена в эти руки. Кажется, этот слух не оправдался: там шла речь не о гимназии, а о какой-то технической школе. Обсуждался вопрос о том, чтобы концессионером выступило, совместно с г. Г., Русское Благотворительное Общество. Но и эта комбинация, видимо, считается ныне отпавшей. В таком крайне неопределенном положении остается вопрос по сие время — при роспуске на каникулы, которые для учителей могут оказаться и более, чем летними каникулами...

Критическое положение переживает и виленская русская гимназия, находящаяся в заведывании Русского общества. Судьба гимназии 24-го июня решалась на общем собрании названной организации, после которого, однако, только усилилась полемика в газетах и в заинтересованных кругах. Борьба идет между сторонниками оставления гимназии в руках о-ва и теми, кто настаивает, что спасение гимназии, все время еле влачащей свое существование, может притти от соединения ее с другой — частной школой (Поспеловой). Одни

требуют, чтобы это слияние, буде оно состоится, произошло в пользу «общественной» гимназии, другие, подчеркивая крах «общественной инициативы», выдвигают личную инициативу. Вероятно, как всегда, эти споры питаются, помимо указанных принципиальных разногласий, и другими накопившимися недоразумениями, ныне явно обострившимися...

Русское население Вильны, судя по газетным отчетам (см., напр., «За Свободу», № 147), проявляет громадный интерес к судьбе гимназии. Общее собрание «Русск. О-ва» привлекло массу русских людей; среди прибывших были не только родители учащихся и весь педагогический персонал, но и учащиеся и бывшие ученики. Собрание продолжалось почти четыре часа в атмосфере крайнего напряжения и превратилось в сущности в обвинительный акт против правления о-ва, в действиях которого собрание усмотрело желание «отмахнуться» от надоедливого вопроса о гимназии, которая, как пояснила сама председательница о-ва и секретарь правления, с каждым годом заметно регрессирует, постепенно умирает, не смотря на ту материальную помощь, которую старается оказывать «Русское Об-во». Собрание вполне единодушно, за исключением членов правления, заявило, что закрыть свою общественную гимназию, которая является «спасительницей русских детей», не позволит. Целый ряд ораторов, а их было очень много, высказывались только в одном направлении: школа должна быть сохранена за «Русским Обществом», и если частное лицо, имеющее тоже русскую школу, желает слиться с гимназией О-ва, то такое слияние допустимо при условии сохранения общественного характера расширенного учебного заведения, т. е. при условии сохранения «Русским Обществом» концессии. На собрании высказалась и культ.-просв. секция о-ва. Она видит один исход: собрать необходимые средства, реорганизовать и оздоровить гимназию, обеспечить ей путем самообложения постоянную денежную помощь, привлечь в обновленную гимназию учащихся из города и провинции, организовать при гимназии общежитие для иногородних. Целый ряд лиц, преимущественно из среды русского студенчества, гарантировали секции свое участие в выполнении этого плана, согласившись собирать в провинции материальные средства для гимназии и привлекать оттуда учащихся. Секция, начав недавно работать, уже располагает фондом свыше тысячи зл., в обществе «Друзей гимназии» насчитывается уже более 300 чел., которые вносят ежегодно 3.000 зл. и сумма эта может быть увеличена без труда в несколько раз. Таким образом, средства могут быть, надо только любить родную школу и работать. Секция идет еще дальше: она считает необходимым превратить и частную гимназию (женскую) в общественную или создать одну смешанную гимназию. Доклад секции дал тон всему собранию, и все последующие ораторы высказывались в том же духе, не скрывая своего негодования по адресу правления общества. М. Я. Белевская должна была откровенно заявить, что правление общества не может правильно и нормально выполнять своих функций, что оно — неработоспособно, что члены правления, более состоятельные, своих детей в русской гимназии не воспитывают, что те-же русские деятели, которые в выборную кампанию говорили о русской школе, как о первейшей необходимости национальной культурной жизни, сегодня, в качестве членов правления общества, ничего не имеют против закрытия единственной общественной русской гимназии и т. д. Были впрочем и другие голоса, но они единичны. Один из ораторов заявил, что он вообще против общественного начала и считает, что диктатура скорее может дать благополучное материальное существование гимназии. Он обвинял русское население, в общем инертное, пассивное, умеющее только разговаривать. Преподаватель гимназии Поспеловой г. Богоявленский пытался защитить правление, которое хочет «спасти родное детище», пытался доказать, что и в поспеловской гимназии сохраняется в полной чистоте национальная идея воспитания, и что объединение двух гимназий в одну даст огромные материальные преимущества. — Почти единогласно (против 7 голосов, главным образом членов правления) была принята след. резолюция, предложенная культурно-просв. секцией: а) признать, как общее теоретич. положение, что русской школе должен быть придан общест-

венный характер; б) принять все меры к проведению этого положения в жизнь и сделать из него следующие конкретные выводы: 1) отклонить проект передачи гимназии о-ва г-же Поспеловой; 2) предложить г-же Поспеловой отказаться от концессии в пользу о-ва; 3) в случае отказа г-жи Поспеловой возбудить перед шк. властями ходатайство о предоставлении о-ву концессии на смеш. гимназию; 4) в случае неуспеха этого ходатайства временно остаться при существующем положении вещей; 5) поручить культурно-просвет. секции выполнить предложенный ею план оздоровления гимназии о-ва и 6) поручить празлению и просить всех членов о-ва оказать секции всяческое содействие при выполнении представленного ею плана.

Франция

= *Русское христианское движение.* Говоря о парижской школьной жизни, невозможно не коснуться этой организации, которая занимает очень большое место в ней. Очень интенсивен «Детско-юношеский отдел» при этой организации. Он состоит из ряда школ разных возрастов, занимающихся обычно два раза в неделю. В младшей группе (зав. С. С. Шидловская) состоят дети обоего пола от 4 до 12 лет, что же касается следующего возраста (приблизительно от 14 до 17 лет), то здесь имеются две группы: для девочек (заведует А. Ф. Шумкина) и для мальчиков (руководитель Н. Ф. Федоров). Обе они подразделяются на несколько кружков, носящих отдельные названия; каждый кружок имеет своего патрона — святого православной церкви. Кроме этих кружков существует еще юношеский клуб «Содружество» (руков. М. М. Зернова), смешанного состава, до двадцатилетнего возраста приблизительно. Клуб собирается обычно один раз в неделю, в четверг. При кружках имеются руководители и по искусству: декламацию преподает артистка Германсва, хоровое дело ведет артист Александрович. Рядом с детско-юношеским отделом очень интенсивно работает студенческий отдел и некоторые его кружки (напр., кружок по изучению России). Некоторые доклады, напр., о Ключевском, славянофилах, различных течениях философской и исторической мысли в России собирали значительную аудиторию, состоящую не только из одних участников организации. При организации подобралась довольно приличная библиотека, с различной платой за пользование. В связи с нею необходимо помянуть об издательской работе, широко поставленной и удачно выполняемой. Между прочим, издаются по доступной цене профессорские курсы, читанные в Богословском Институте в Париже.

Деятельность «движения», не ограничивается одним Парижем. Существует живая связь с провинцией, с теми центрами, где много русских рабочих или студенческой молодежи. Иногда предпринимаются лекционные поездки: так, напр., недавно довольно много мест объехал проф. Вышеславцев. Полезное и, в некоторых случаях, в беженских условиях большое дело заключается в устройстве летних лагерей. В этом году лагерь для мальчиков будет устроен в горах, на берегу Роны, в местечке Мотц, в Савойе и, впервые, — для девочек в южной Бретани, на берегу Атлантического океана. Руководители «движения» стремятся строить свои учреждения в порядке самоокупаемости. Вообще, проводить этот принцип более-менее удается, но иногда приходится прибегать к благотворительной помощи. Помимо всевозможных концертов, обычных в таких случаях, в этом году, как и в прошлом, организация прибегла к так называемой «финансовой кампании». По заранее намеченным адресам были разосланы проспекты и проч. материалы, освещающие цели «движения», а затем по этим адресам было отправлено 78 сборщиков. Результаты превзошли ожидания — было собрано свыше 68 тыс. франков. (к)

= *Народный университет.* Народный ун-т в Париже продолжает развивать свою деятельность. С начала этого года им организована Музыкальная школа, которая имеет характер Народной Консерватории. Цель ее — дать начальное музыкальное образование тем, кто не имеет возможности проходить сложные программы консерваторий. Надо думать, что при небольшой плате (75 франков в месяц) это начинание разовьется. В настоящее время имеется 24 ученика. Открыты классы по пению, фортепьяно, виолончели, скрипке, а также по игре на духовых инструментах. Чи-

тается также курс теории музыки. Преподавателями приглашены музыканты и профессора, имеющие серьезный музыкальный стаж. Директором Школы состоит проф. Г. В. Окороков. (к)

= *Беседы по русской культуре.* В этом академ. году их было 12-ть. Они были посвящены не только городам, напр., Новгороду, Пскову, Одессе, Киеву, но и областям — Крыму, Армении и Грузии, северо-кавказскому краю и Дону. Кроме того ряд бесед был отведен отдельным лицам — Глинке, Репину и Льву Толстому. Очень интересен был вечер, посвященный Репину: на нем была использована переписка художника. Интересный подбор картин, музыкальных иллюстраций (особенно это относится к беседам, посвященных областям), участие популярных артистов, сравнительно дешевая плата делают по-прежнему эти вечера Народного ун-та очень посещаемыми публикой. Контингент посетителей «Бесед» получился несколько иной: организаторы этого дела расчитывали, что главными гостями здесь будет молодежь. Между тем, усерднее всего посещают лекции взрослые, ценя в них величайшую усладу воспоминаний; детей приходит очепь мало. Это обстоятельство вполне учитывается народным ун-том, и в последнее время его Правление пытается нащупать почву для организации «Дома Молодежи». Дело оказалось очень трудным и пока еще ощутительных результатов не дает, но надо думать, в процессе поисков, хлопот и переговоров получится что-нибудь вполне реальное. (к)

Эстония

= *День русской культуры»* был отпразднован в первых числах июня. К сожалению, торжество не было единодушным и повсеместным: крупные города, как Ревель и Юрьев, откололись от деревни и день празднования перенесли на осень. В Нарве, в Печорах, в больших селах Причаровского края отделения «Союза русских просв. об-в» (главного организатора «Дня») к празднику русской культуры привлекли и заинтересовали им массы русского крестьянства. В громадном большинстве сельское население отнеслось к празднику серьезно и внимательно. — «Союз» к этому дню выпустил памятный нагрудный знак и однодневную газету, посвященную памяти Л. Н. Толстого, нуждам русского меньшинства и деятельности «Союза». С наибольшим подъемом прошел день в древних Печорах — сердце русского края Э., где он был отпразднован 10-го июня, чтобы привлечь к участию, помимо горожан, также и крестьян ближайших сел и деревень. Обширная, заранее намеченная программа была проведена без каких-либо отступлений. После сбора, молебствия, шествия по городу многочисленных участников в национальных ярких, цветных костюмах, с пением национальных песен, и вторичного сбора всех участников на площади, подготовленной к празднику и заполненной тысячными толпами зрителей, — на открытой сцене выступает соединенный хор певцов (свыше 100 чел.), составленный из хоров печорского об-ва просв. и его отделений; за ним следует инсценировка деревенских посиделок и народной русской пляски; хор стариков-крестьян, исполнивших старинные русские песни; выступление спортивного кружка, народное гулянье с лотереей-аллегри, где разыгрывались исключительно картины русских художников и произведения русских писателей; продавались русские газеты и распространялись нагрудные памятные значки; была устроена выставка старинных вещей и рукоделий, проводились русские национальные игры и развлечения; вечером шла пьеса Гоголя, выступал русский хор и струнный оркестр. Праздник привлек несколько тысяч человек, не расходившихся до поздней ночи, и вылился в форму действительно русского национального торжества, объединившего и город и деревню. Сбор дал свыше 70.000 эст. марок (около 7.000 ч. к.).

= *Печорская гимназия* будет праздновать 10-летие своего существования, как гос. уч. зав. Девять лет назад, в 1919 г., на второй год после провозглашения самостоятельности Э., гимназия была включена в сеть казенных школ и за эти годы произвела 7 выпусков, дав среднее образование приблизительно 150 уч-ся обоего пола. Гимназия выросла из 4-х классного высш. нач. училища, открытого, по инициативе печерск. просв. о-ва, мин. нар. просв. в 1912 г.; уже в 1918 г., во время немецкой оккупации, училище развернулось в 6-ти кл. реаль-

ную гимназию. Пед. персонал гимназии поощряет проявление инициативы и самодеятельности уч-ся, и параллельно с кл. работой руководит занятиями в шк. кружках самообразоевания. Учащиеся главн. обр. дети крестьян, не имеющие возможности в деревенской обстановке вполне удовлетворительно подготовиться к работе в гимназии; пробелы своей подготовки они успешно пополняют в гимназич. кружках (литературный, естественно-научный, музыкальный, театральный; в самое последнее время образовался кружок ревнителей христианского просвещения и кружок по изданию шк. журнала).

= *Нарвская эмигрантская гимназия* (точнее, «эмигрантские курсы», по программе соответствующие реальной гимназии) закончила 7-й уч. год. Курсы были основаны «Американским христианским союзом молодых людей» летом 1920 г.; впоследствии, сокращая свою деятельность в Э., Союз передал курсы русскому эмигрант. комитету, в ведении которого они находятся и теперь. Финансовую помощь курсам до сего времени оказывал парижский «Земгор» (500.000 эст. м.); недостающая сумма покрывается взносами за ученье, платой пансионеров, пожертвованиями, сборами, доходами с вечеров, концертов и лекций. Несмотря на матер. затруднения, недостаток инвентаря, уч. пособий, неаккуратное поступление платы за обучение, что вызывает задержку в выплате жалованья преподавателям, курсы продолжают существовать и, хотя и с большим напряжением, выполнять свое важное для местного населения дело. На курсах обычно обучается от 250 до 300 чел.; до сих пор окончило курсы около 160 чел. Большинство учащихся дети эмигрантской бедноты, добывающей средства к жизни физическим трудом, которому не чужды и сами учащиеся, вынужденные во время каникул работать по селам и деревням, на полях и огородах, торфяных и сланцевых разработках.

= *Юрьевская гимназия.* С наступ. уч. года гимназия, бывшая до сих пор частной, включается в сеть городских школ. Значение этой перемены в полной мере может быть оценено только русскими юрьевцами и самой гимназией. До сих пор гимназия испытывала серьезные финансовые затруднения и принуждена была повышать плату за ученье, что делало ее недоступной для малоимущих. Теперь получается возможность не только понизить почти вдвое плату за ученье, но и вовсе освободить от нее около четверти учащихся, что позволит получить среднее образование большому % русских детей, о чем раньше они могли только мечтать.

= *Объединение получивших гимназическ. образование.* В условиях эмигрантской жизни молодежь, оканчивающая школу, обычно не порывает с нею связи и впоследствии, т. к. для многих школа и товарищеская среда заменяют семью. Так, в этом году, в Ревеле быстро и дружно организовалось «Общество окончивших русскую частную гимназию» (поддерживаемую Обществом «Русская школа в Эстонии» и производящую в этом году уже десятый выпуск). Этому примеру последовала и русская ревельская городская гимназия, образовав общество аналогичного наименования. Целью существования этих двух об-в является установление и поддержание связи между быв. воспитанниками гимназий для оказания нравственной и материальной поддержки членам об-ва и для культурно-просветительной работы. Проектируется открытие кассы взаимопомощи, музыкальных и литературных отделов, курсов языков и практич. знаний, устройство лекций, докладов, диспутов, экскурсий и т. п.

= *Нарвская русская гимназия.* Школьное правление постановило сократить число классов в гимназии с 10 до 7 и уничтожить в ней реальную ветвь; постановление это утверждено правительством. Нам пишут из Нарвы, что эта мера возмутила русское население приналровского края. Правление нарвского отдела русского нац. союза, русская фракция в нарвской гор. думе и представители 18-ти русских организаций обратились к министру просвещения с особым представлением, в котором, между прочим, говорят: «Мера эта больно ударит по русскому населению гор. Нарвы. После закрытия реальной ветви в гимназии русские дети уже не будут иметь возможности избрать себе специальность сообразно своим наклонностям. Оканчивающие курс не смогут вследствие недостаточной подготовки по математике и физике по-

ступать в технические учебные заведения. А между тем, технические знания в настоящее время так нужны. Сокращение количества классов закроет доступ в среднюю школу многим способным русским детям, проникнутым желанием получить среднее образование». Как основание для сокращения числа классов, Министерством приводится уменьшение количества учащихся. Но, не говоря уже о том, что в нынешнем году было 50 абитуриентов, почти поровну распределенных по гуманитарной и реальной ветвям, в будущем году, судя по числу оканчивающих ныне курс 6-ти классных начальных училищ, количество поступающих должно увеличиться. Еще больше должно повыситься количество учащихся в виду того, что все четырехклассные школы доводятся до шестиклассного состава, а, кроме того, предвидится переход большого числа эмигрантов в эстонское подданство, и дети их тогда не будут иметь права продолжать обучаться на русских эмигрантских курсах и должны будут перейти в русскую гимназию. Наконец, пробуждающаяся деревня все в большей степени начинает понимать значение образования и год от году все в большем количестве начинает посылать своих детей в нарвскую гор. гимназию. Город от сокращения гимназий ничего не выигрывает, ибо расходы его по найму помещения и на учебные пособия остаются одинаковыми, независимо от количества классов. От сокращения числа классов и уменьшения количества учащихся город, наоборот, многое теряет, т. к. уменьшатся поступления от платы за учение, уменьшится также и число лиц, приезжающих в город, привозящих в него деньги и оставляющих их здесь, а не увозящих их из него. Для государственной казны, правда, достигается незначительная экономия, но зато ценой огромной несправедливости по отношению к русскому национальному меньшинству, имеющему, при населении больше чем в 100.000, всего только две полных гимназии (в Ревеле и Нарве) и одно русское отделение (в Печорах), тогда как эстонских средних учебных заведений около 50, и даже немецкое национальное меньшинство, насчитывающее только 18.000 чел., имеет больше гимназий, чем русские. Такое ущемление русских интересов не находит никакого оправдания ни в качествах эстонских граждан русской национальности, ни в действующих законах. Ибо русские всегда отличались и отличаются безусловной лойяльностью. Они, подобно всем остальным гражданам, платят налоги и несут повинности. Параграф же шестой основного закона говорит о том, что «в Эстонии все равны перед законом и не может быть никаких преимуществ и никакого бесправия, основанных на рождении, происхождении, религии и национальности».

= *Русский нар. ун-т в Ревеле*, об открытии которого уже сообщалось в № 26 «Р. Ш.», закончил первый семестр. Всего прочитано около 100 лекций. Лекции, носившие цикловой характер, регулярно читавшиеся местными пед. и общ. деятелями, сопровождались переменным успехом, привлекая обычно от 30 до 60 чел., что для русской колонии Ревеля следует признать вполне удовлетворительным. Кроме программных лекций по вопросам литературы, искусства, социологии, ест.-научным и общ.-историческим, состоялось несколько лекций представителей русской профессуры, приглашавшихся из-за границы. Так особенно большим успехом сопровождались лекции В. В. Зеньковского, С. Л. Франка и С. И. Гессена. Ун-т возобновит свою деятельность осенью; предположено изменить программу работ ун-та, придав ей более практический характер.

= *Скорбные строки.* Русская городская гимназия в Ревеле понесла тяжелую утрату. 13-го июня умер директор гимн. Григ. Вас. Б а р х о в. Урож. г. Юрьева, Б. по окончании в 1883 г. юрьевского ун-та всю свою жизнь отдал работе в школах родных для него городов Ревеля и Юрьева, сначала как преп. математ. и физики, позже как инспектор ревельского реальн. уч-ща (1891—1913), а затем в должности директора Александровской гимназии в Юрьеве. С 1923 г. Б. состоял директором ревельской русской гор. гимназии. Принимая, одновременно с работой в школе, участие в деятельности русских общественных организаций, он до последних дней не оставлял и научной работы в области математики и физики. (у)

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1927 - 1928
Číslo výtisku: 28
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: [630a] - [630f]

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

Опечатка. *В кн. 27* «Русск. Школа за руб.» на стр. 943 вкралась досадная опечатка. Имя автора рецензированной книги «Problemy wychowania współczesnego» — *Dr. Mieczysław Ziemnowicz,* а не M. Zienkowicz, как ошибочно напечатано.

КНИГИ ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ:

для отзыва:

Prof. Ernst Otto: Allgemeine Erziehungslehre. Leipzig. Quelle und Meyer. 1928. Стр. 354. — Prof. *Carlo Sganzini:* Pestallozzis Stellung zur Schule und ihre Wandlungen. Aaron. Sauerländer et C° 1928. Стр. 19. — Dr. *Josef Hendrich:* Příspěvky ke studiu Komenského Sborník Filos. Fak. Univ. Komenského v Bratislavě, ročn. V. č. 49 [4]). 1927. Стр. 27. *Sergěj Maslov:* Agrární revoluce v Rusku. Praha. 1928. Стр. 96. *Т. Г. Масарик:* Ян Амос Коменский. Пер. д-ра Гр. Медвецкого. Кошицы. 1928. Стр. 16. — *«Вестник культурно-просветит. Обществ в Эстонии»* 1928. №№ 1—6. — *Г. И. Щербаков.* Элементарная геометрия. Харбин. 1927. Изд. Богоявленского. Стр. 184. — *Розанов:* Легенда о великом инквизиторе. — *Каспрович Ян:* Книга смиренных. Пер. с польск. Бальмонта. Варшава. Изд. «Добро». 1928. стр. 170. — Др. *Ник. А. Бескид:* Поэзия Попрадова. Пряшев. 1928. Изд. о-ва им. А. Духновича. Стр. 90. — *А. П. Мичурин:* Северная Маньчжурия. Пособие для младших классов средних учебных завед. Харбин. 1928. Изд. «Якорь». Стр. 44.

в обмен:

«Revue internationale de l'enfant». Genève vol. V. № 28, 29. (apr. mai 1928). — *«L' Éducateur».* Lausanne. LXIV année, №№ 7—13 (1928) — *«Schulreform».* VII. Jahrg. (1928). Hefte 4, 5, 6—7. Wien. — *»L'Educatione Nationale»* Anno X, Avr., Maggio, giugno 1928. Roma. — *«L'Educatore della Svizzera Italiana».* Lugano. Anno 70 (1928), № 5. —*«Věstník Pedagogický»,* Praha. Ročn. VI (1928), č. 4, 5, 6. — *«Pédagogické Rozhledy»,* ročn. XXXVIII (1928), č. 4, 5, 6. — *«Slovanský Přehled»,* Praha, ročn. XX. č. 4, 5, 6. — *«Nové Čechy»,* Praha, ročn. XI. č. 7, 8, 9—10. *«Sächsische Schulzeitung»,* Jahrg. 95 (1928), № 13. — *«Учителска Мисъль».* София. Год IX, кн. 8, 9—10 (1927—28). — *«Училищенъ Прегледъ»,* София. Год XXVII. кн. 2, 3, 4—5 (1928). — *«Учитель».* Pedagoški časopis, Београд. Год VIII. №№ 8, 9—10 (1928). — *«The Slavonic Rew.»* Lond. Vol. VII. № 19. June 1928. — *«Hrvatski učiteljski Dom».* Zagreb. 1928. №№ 4, 5, 6. — *«Вѣстник Педагогич. Бюро».* Прага, №№ 10, 13. — *Карпатскій свѣтъ».* Лит.-общ. журн. О-ва им. А. Духновича въ Ужгородѣ. 1928. №№ 5, 6. — *«Світ Дитини».* Львів. 1928, №№ 5, 6, 7. — *«Русский Сокольскій Вѣстник».* Прага, 1928, №№ 1—5. — *«Русскій Колоколъ».* Берлинъ. 1928. № 5. — *«Народная школа».* Орг. Учит. Т-ва Подкарп. Руси, ежем. 1928. № 4.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИБОР В. А. РИГАНА

для наглядного объяснения оптических законов. Цена Кч 860·-

(Подробное объяснение см. в № 12 «Русск. Школы за руб.»).

LOGIA, akc. továrna na učebné pomůcky,

PRAHA XVI.-SMÍCHOV, Radlická 25.

Сдано в печать 15 июля 1928 г. — Отв. ред. *К. И. Шульц.* — Изд. Объединения Российских Земских и Городских Деятелей в Чехословакии. — Печатается в типографии «Легиография» в Праге.

Книгоиздательство и книжный магазин

Анц. Общ.

„ВАЛЬТЕРС и РАПА“

(Рига, Театральная, 11)

Крупнейшее в Прибалтике издательство учебников для школ всех ступеней. Склад изданий зарубежных издательств. Постоянное пополнение склада новинками из СССР. Склад учебных пособий.

НОВЕЙШИЕ УЧЕБНИКИ СОБСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ:

	$
АРРОНЕТ, Е.	
Хрестоматия. Русская земля и русск. люди в образах русск. литературы. С илл., вып. I	—.60
Вып. II	—.60
БОРДОНОС, Н.	
Справочн. по новому русскому правопис. С истор. очерк. реформы, орфогр. указ. и прав. о знак. препинания	—.16
ВИППЕР, Р. Ю., проф.	
Учебник истории, ч. I. Древность. С карт. и иллюстр.	—.80
Ч. II. Средние века	1.—
Ч. III. Новое время	Печ.
КРАЕВИЧ, К. Д.	
Учебник физики. Напеч. с посл. посм. изд. перераб. проф. О. Д. Хвольсон	1.80
НОВОСЕЛОВ, Ю.	
Нач. курс географии, 2-ое изд.	—16
Геогр. Европы, России и Внеевр. стран. Кр. курс	—.35
Внеевроп. страны	—.60
География Европы, 2-ое изд.	—.40
Геогр. России (СССР) 3-ье изд.	—.44
Основы физич. географии	—.48
Экономич. география	—.64
Географ. атлас	—.36
НОВОСЕЛОВ, Ю. и СЕЛУНСКИЙ, А.	
Веселый букварь. Иллюстр. в красках худ. Пертса (Отдельн. изд. для гор. и для дер. дет.)	—.22
ОСМОЛОВСКАЯ, Н.	
Начальн. хрест. Делу время, а потехе час. С илл. отд. I.	—.40
Отд. II	—.32
ОСМОЛОВСКИЙ, В. Д.	
Русская словесн. в ее историч. развитии. (Истор.-лит. очерки и образцы). Ч. I. Нар. слов. древн. письм.	—.24
Ч. II. Литер. XVIII. в.	—.32
Ч. III. От Карамз. до Пушкина	—.40
Ч. IV. Пушкин, Лерм., Гоголь	—.44
Ч. V. Писатели 2 пол. XIX в.	—.80
ПЕКАРСКИЙ, П.	
Русская грамматика	—.20
Практич. учебн. русск. грамм. ч. I. *Элемент. этимолог.* 2 изд.	—.24
Ч. II. *Элемент. синтакс.* 2-е изд.	—.24
СЛЕТОВ, Н. П.	
Началън. алгебра. Индукт.-методич. учебн. с задачником для осн. школ. Вып. I.	—.34
Вып. II	—.34
Вып. I и II (в одной книжке)	—.80
Учебн. тригонометрии для сред. школ	—.40
Задачн. по тригономстр.	—.28
Как препод. отриц. числа и в чем их реальная сущность?	—.40
TANTZSCHER, A. & E.	
Cours de grammaire français	—.48
Cours méthodique d'exercices de lexicologie et de Syntaxe	—.24
Thèmes. Texte russe	—.12
URCH. E. G. & R. O. G.,	
English. Part. I. With Russian Notes	—.60
Part. II. With Russian Notes	—.80
English Convers. Exercices	—.48
English Literature Vol. I.	—.56
Vol. II	—.56
ЭРН, Ф. А.	
Наглядн. геомстр. I, 2-ое изд.	—.18
II. 2-ое изд.	—.16
III.	—.16

и ряд других.

Заказы выполняются немедленно. Высылка наложенным платежом в Чехословакию, Германию, Голландию, Бельгию, Францию, Венгрию, Данциг, Норвегию, Швецию, Финляндию, Эстонию и Литву.

КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.

Лев Толстой

С портрета И. Н. Крамского, написанного в 1873 г.
(Третьяковская галлерея в Москве)

КНИГИ ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ:

для отзыва:

Dr. Václav Příhoda (доц. Карлова Ун-та). Psychologický výběr na školách amerických. (Knihovna «Pedagog. Rozhledů», № XI). Praha. 1927. Стр. 104. *В. Добрынин.* Донской Календарь на 1928 г. Прага. 1928. («Казачья библиотека», № 1). Стр. 110. — *Полный молитвослов.* 2-е изд. Варшава. 1928. Изд. «Добро». — *«Вольная Сибирь».* Прага. 1928. № 3. Стр. 200. *«Известия Юридического Факультета Высшей Школы в Харбине.* Харбин. Т. IV-ый. 1927. Стр. 356. *«Русский Экономический Сборник».* Под ред. С. Прокоповича. № 12. 1928. Прага. Стр. 280.

Prof. dr. K. Bartel: Geometrja wykreślna. Lwów-Warszawa. Książnica Polska T-wa naucz. szkół, wyższych. 1922. Стр. 427 + VIII. — *A. Einstein:* O szczególnej i ogólnej teorji względności. Książnica Polska T-wa naucz. szkół wyższych. Lwów-Warszawa. 1922. Стр. 104. — *Dr. B. Kalicum-Chodowicki:* Podręcznik geometrji. Dla trzeciej kl. szkół średnich. Książnica Polska Tow. naucz. szkół wyższych. Lwów-Warszawa. 1923. Стр. 151. — *Он-же:* Zarys geometrji wykreślnej. Dla gimnazjów, obraz dla seminarjów naucz. i szkół zawodowych. Lwów-Warsz. 1923. Książnica Polska. Стр. 52. — *S. Klebanowski, M. Pęczalski, T. Sierzputowski:* Rachunki z geometrją. Dla III addziału szkoły pewszechnej, Lw.-Warsz. 1926. Książnica Atlas. Стр. 123. — *Antonin Lomnicki:* Geometrja. Częšč trzecia. Początki geom. analit. Lw.-Warsz. 1923. Książnica Polska. IV + 199. — *Он-же:* Geometrja elementarna. Dla klas. wyższych szkół średnich. Lw.-Warsz. 1924. Książnica Atlas. Стр. 372. — *Он-же:* Tablice matematyczho-fizyczne czterocyfrowe. Dla użytku szkół średnich. Lw.-Warsz. 1927. Książnica Atlas. Стр. XXIV + 72. — *Jerzy Mihułowicz:* Podręcznik arytmetyki i algebry. Dla IV klasy gimnazyalnej. Lw.-Warsz. 1926. Książnica Atlas. Стр. IV + 138. — *Он-же:* То-же. Dla V kl. gimn. Lw.-Warsz. 1925. Стр. IV + 132. — *Он-же:* То-же. Dla VI kl. gimn. Lw.-Warsz. 1924. Стр. IV. 148. — *Он-же:* То-же. Na kl. VII gimnazjów. Lw.-Warsz. 1925. Стр. 87. — *Tadeusz Sierzputowski:* Arytmetyka. Lw.-Warsz. 1925. Książnica Atlas. Częšč I. Стр. 112. То-же. Częšč II. Стр. 158. — То-же. Częšč III. Lw.-Warsz. 1926. Стр. 154. — То-же. Częšč IV. Lw.-Warsz. 1927. Стр. 184. — T. Sierzputowski i S. Klebanowski: Elementarz rachunkowy. Częšč I (pierwszy rok nauki). Książnica Atlas. Lw.-Warsz. 1926. Стр. 48. (ненум.). — Та-же: Częšč II. (drugi rok nauki). Стр. 43. *Feliks Straszewski:* Trójmian kwadratowy. I dyskusja zagodnień drugiego stopnia. Dla klas wyższ. szkół średn. Książnica Atlas. Lw.-Warsz. 1927. Стр. 147.

в обмѣнъ:

Revue internationale de l'enfant. — L'Educateur. Lausanna. LXIV-me année, №№ 3—6 (1928). — Schulreform VII Jahrg. (1928). Heft 2 u. 3. Wien. — *L'Educazione Nazionale,* Anno X, Febbr., Marzo 1928. Roma. — L'Educatore della Svizzera Italiano. Lugano. Anno 70. (1928), №№ 2 и 3—4. — *Věstník Pedagogický.* Praha. Ročník VI (1928), č. 2 и 3. — *Pedagogické Rozhledy,* Ročník XXXVIII (1928), č. 2 и 3. — *Slovanský Přehled,* Praha, Ročník XX, č. 2 и 3. — *Nové Čechy.* Praha, Ročník XI. č. 5 и 6. — *Sächsische Schulzeitung,* Jahrg. 95 (1928), №№ 1—12. — *Учителска Мисъль.* София. Год IX. кн. 6 и 7 (1927—28). — *Училищенъ Прегледъ.* София. Год XXVII, кн. 1 (януар. 1928). — *Учитель.* Pedagoški časopis. Београд.

— *Вестник Педагогич. Бюро.* Прага. 1928. №№ 2—9. — *«Вѣстникъ».* Орган русск. студ. христ. движ.: 1927 г. №№ 1—4; 6—9; 11, 12; 1928 г. №№ I—V. *«Карпатскій Свѣтъ».* Лит.-обществ. журнал. О-ва им. Александра Духновича в Ужгороде. 1928 г. №№ 1—4.

Православный Религиозно-Общественный Ежемесячник

«Вестник»

Орган Русского Студенческого Христианского Движения за Рубежом. Париж, 10, Bld. Montparnasse (15-е). Цена 3 фр. Третий год изд. Продажа в русских книжных магазинах.

Печатаются статьи духовного содержания, особенное внимание обращено на антирелигиозную борьбу в Сов. России и на отношение к вере русской молодежи.

Продолжается подписка на 1927—28 год

(5-ый год издания)

НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

выходящий в Праге под редакцией

проф. С. И. ГЕССЕНА, проф. С. И. КАРЦЕВСКОГО, Н. Ф. НОВОЖИЛОВА, В. В. РУДНЕВА, проф. Д. М. СОКОЛЬЦОВА

Журнал ставит своей целью — освещать жизнь русской школы в эмиграции, в России и в лимитрофных государствах, следить за новейшими течениями педагогики в Зап. Европе и Америке; особое внимание уделяется школе славянских народов.

В журнале следующие постоянные отделы: 1) общая педагогика, 2) народное просвещение в СССР, 3) русская зарубежная школа, 4) народное просвещение в Зап. Европе и Америке, 5) вопросы методики, 6) библиография (обзор педаг. журналов, русских и иностранных, книги для чтения детей и юношества, методики и учебники), 7) хроника (советская, зарубежная, иностранная).

В вышедших до сего времени 24-х книжках журнала, образующих четыре тома, свыше 700 страниц каждый, поместили статьи следующие авторы:

Русские: Айтис, проф. Е. В. Аничков, С. Безобразов, А. Л. Бем, проф. П. М. Бицилли, П. Г. Богатырев, С. Булгаков, Бусанов, Е. Варшавер, Н. А. Ганц, И. Геллер, проф. А. М. Георгиевский, д-р В. В. Гомолицкий, В. Т. Гонтарь, проф. А. Д. Григорьев, А. Громбах, Г. Данилов, Наталия Деддингтон-Эртель, А. Дехтерев, проф. Э. Диль, кн. Петр Д. Долгоруков, В. А. Евреинов, С. Егунова, Е. А. Елачич, А. В. Елчанинов, А. В. Жекулина, проф. В. В. Зеньковский, доц. К. И. Иванов, А. Камнев, д-р Е. Е. Карцевская, проф. А. А. Кизеветтер, Н. Н. Кнорринг, М. Кожина-Зборовская, П. В. Кротков, П. Крымский, акад. Н. П. Кондаков, проф. И. И. Лапшин, В. М. Левитский, В. С. Левицкий, М. Лопуховский, Г. Любинская, А. Ю. Макарова, проф. А. В. Маклецов, П. Митропаи, проф. Н. М. Могилянский, проф. В. А. Мякотин, проф. М. М. Новиков, Б. Никольский, С. П. Орлов, проф. С. А. Острогорский, А. Т. Павлов, К. Памфилова, Н. А. Парманин, В. Перемиловский, Б. Плаксин, А. А. Поляков, А. Ф. Поляков, П. Прокофьев, Н. Раевская, Владимир Розенберг, В. В. Руднев, К. Солнцев, проф. В. В. Стратонов, В. Н. Тукалевский, бар. Н. Траубенберг, А. Тымпский, В. С. Утехин, М. Хрисогонов, М. Черносвитова, В. Шапиловский и др. *Иностранные:* Проф. Charles Bally (Женева), проф. P. Bovet (Женева), Jean Duperuis (Швейцария), д-р W. Flitner (Киль), доц. д-р М. Герасков (София), д-р I. Hostovský (Прага), prof. I. Hendrich (Прага), prof. O. Kádner (Прага), Ida Koritchoner (Лондон), Милан М. Майстрович (Сербия), Arture Manfre (Рим), д-р V. Melichar (Прага), д-р Maria Montessori (Рим), A. Očenášek (Прага), Helena Parkhurst (Нью-Йорк), D. Philip (Прага), Ст. Сирополко (Прага), д-р K. Šulz (Прага), д-р K. Veleminský (Прага) и др.

Журнал одобрен и рекомендован к выписке во все учебные заведения Болгарии циркуляром Болгарского Мин. Нар. Просв. от 15 февр. 1927 г. за № 2938. Журнал рекомендован для библиотек основных училищ и средних учебн. завед. (гимназий, реальных и спец. школ) Югославии цирк. Мин. Нар. Просв., от 30 ноября 1927 г., за № 38273.

Журнал выходит 6 раз в год книжками от 7 до 8 листов каждая.

Подписная цена:

	на 1 г.	на ½ г.		на 1 г.	на ½ г.		на 1 г.	на ½ г.
в Чехосл.	80 kč.	45 kč.	в Греции	180 др.	100 др.	в Польше	22 зл.	12 зл.
„ Австр.	18 шл.	10 шил.	„ Дании	10 кр.	6 кр.	„ Сербии	150 дин.	80 дин.
„ Амер.	2,5 дол.	1,5 дол.	„ Италии	50 лир	30 лир	„ Финл.	90 мар.	50 мар.
„ Англии	0,5 фн.	0,3 фн.	„ Латв.	12,5 лат	7 лат	„ Франц.	60 фр.	35 фр.
„ Бельгии	75 фр.	40 фр.	„ Литве	25 лит	14 лит	„ Швейц.	15 фр.	8 фр.
„ Болг.	330 лев.	175 лев.	„ Китае	2,5 а. д.	1,5 а. д.	„ Эстон.	800 мар.	450 мар.
„ Герман.	10 мар.	6 мар.	„ Норв.	10 кр.	6 кр.	„ Японии	5 йен	3 йены

Цена отдельного номера — 15 кр. чешских.

Правительственным, коммунальным и кооперативным учреждениям, просветительным и учительским профессиональным организациям при подписке не менее чем на пять экземпляров делается уступка в размере 15%, а при подписке более чем на 10 экземпляров — в размере 25% (при непосредственном обращении в редакцию журнала).

Из редакции можно выписывать комплекты журнала за 1924, 1925 и 1926 годы по цене 70 к. ч. за комплект; комплект за 1923 г. разошелся; оставшиеся №№ 2 — 6 высылаются по цене 15 к. ч. за номер.

Адрес редакции и конторы журнала:

TCHECOSLOVAQUIE, PRAHA II, Krakovská ul., č. 8.

Novinová sazba povolena řed. p. a t. č. 224390-VII-1927.

Tiskem »LEGIOGRAFIE«, Praha-Vršovice. Sámova 665

30. V. 1928